Российская Академия наук
Институт языкознания

Пензенский государственный педагогический университет
имени В.Г.Белинского

Администрация г. Пензы

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Материалы 3-ей Всероссийской
научной конференции
(Пенза, 13-17 мая 2003 г.)

Москва-Пенза, 2003

УДК 155.5:4
ББК 88.3:81

Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 3-ей Всероссийской научной конференции (Пенза, 13-17 мая 2003 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2003. – 191 с.

Печатается по решению оргкомитета Всероссийской научной конференции «Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты».

Редколлегия: доктор филологических наук, профессор А.В.Пузырев (Пенза; отв. редактор), доктор филологических наук, профессор Ю.А.Сорокин (Москва), доцент, кандидат психологических наук Л.И.Панкова (Пенза).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области такой «вечной» для науки темы, как «Язык и мышление», причем в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщенность учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия исходила из первого правила Рене Декарта "для руководства ума": "Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих" (Р.Декарт 1936: *49*). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам стала универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Канд. филол. н. Елена Акимова (Шяуляй, Литва)

АССОЦИАТИВНЫЕ ПОРТРЕТЫ РУССКИХ ЛИТВЫ И ЛИТОВЦЕВ

Предметом нашего исследования послужили образы сознания представителей негомогенных культур, овнешненные вербальными ассоциациями. Такое исследование форм существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде основано на большом материале ассоциативных экспериментов, которые и представляют собой отражение национально-культурной специфики восприятия реального мира – через призму специфических картин мира – образов сознания представителей разных (русского и литовского) этносов (Бромлей1983; Залевская 2000; Дмитрюк 1985).

Мы анализируем образ тела человека, который описываем с помощью соматологической окрестности – реконструкции своеобразных ассоциативных этнических портретов и автопортретов представителей русского и литовского этнических сообществ. В нашем эксперименте респонденты описывали при помощи вербальных реакций образы своего обыденного сознания: восприятие частей абстрактного человеческого тела.

Эксперимент проводился в два этапа. Результаты первого этапа (Акимова 2003) показали, что культурные стереотипы, являющиеся опосредованной формой проявления ритма этнического поля русских Литвы и литовцев (Гумилёв 1992), накладываются друг на друга и часто оказываются близкими или одинаковыми в восприятии и оценке человеческого тела, как культурного предмета. И литовские, и русские респонденты пользуются в некоторой степени одинаковой системой значений, которая большей частью является универсальной.

На втором этапе ассоциативного эксперимента мы пытались определить, какие реалии употребляются русскими и литовцами для сравнения с частями человеческого тела и по каким признакам.

Респондентам в письменной форме были предъявлены 25 слов-стимулов с пятью самыми частотными определениями. Каждое слово-стимул описывалось с помощью сравнения, а чтобы конкретизировать процесс сравнения, к стимулам в постпозиции ставилось определение, после которого следовал элемент как “(как у)”.

Анализ полученного материала позволил выделить следущие тематические группы-ассоциаты, использующиеся и русскими, и литовцами для сопоставления со свойствами частей человеческого тела. Здесь мы приводим некоторые примеры совпадающих реакций у литовцев (ЛГ) и русских Литвы (РГ).

1. Ассоциаты, указывающие на человека и части его тела. (ЛГ – 27,6%, РГ – 33%). Показательны в этом отношении следующие примеры:

ЛГ		*РГ*
burna maža –	kaip vaiko(kūdikio) –	*рот маленький*
nosis maža –	как у ребёнка –	*нос маленький*

2. Ассоциаты, указывающие на животный мир и части тела животных (ЛГ – 16,9%, РГ – 13,1%).

g*alva didelė –*	kaip dramblio –	*голова огромная*
burna didelė –	как у слона –	*рот большой*

3. Ассоциаты, указывающие на природные (географические) реалии (ЛГ – 7,9%, РГ – 9,1%).

galva didelė –	kaip menulis / как луна –	*голова большая*
kaklas gražus –		*шея красивая*

4. Ассоциаты, указывающие на некоторые предметы. В данной группе ассоциатов приведём примеры, встречающиеся только у ЛГ (ЛГ – 26,1%, РГ – 30,2%).

galva protinga kaip kompiuteris –	*голова умная как компьютер*
galva protinga kaip knyga –	*голова умная как книга*

5. Ассоциаты, указывающие на растительный мир, части растений овощи, фрукты (ЛГ – 9,9%, РГ – 7,36%).

galva apvali –	kaip kopūstas –	*голова круглая*
pilvas didelis –	как капуста –	*живот большой*

6. Ассоциаты, указывающие на предметы домашнего обихода (ЛГ – 0,16%, РГ –0,3%).

burna didelė –	kaip kibiras/ как ведро –	*рот большой*
rankos ilgos –	kaip grėbliai/ как грабли –	*руки длинные*

7. Ассоциаты, указывающие на некоторые признаки предметов кулинарии, еду, напитки и т.д. (ЛГ – 0,9%, РГ – 0,8%).

burna plati kaip riestainis	*рот большой как лепёшка*
(рот широкий как бублик)	*губы полные как вареники*
plaukai juodi kaip kava	*губы полные как пончики*
(волосы чёрные как кофе)	*шея толстая как сарделька*

8. Ассоциативные предметы, которые представлены, как возникающие из некоторого действия (ЛГ – 2,5%, РГ – 0,9%).

klas gražus kaip nulietas	*губы красивые как накрашенные*
(шея красивая как вылитая)	*губы красные как намазанные краской*
kūnas gražus kaip nulietas	
(тело красивое как вылитое)	*губы полные как налитые*
	брови узкие как выщипанные

9. Ассоциаты, обозначающие абстрактные понятия. (ЛГ – 1,7%РГ – 0,6%).

akys didelės –	kaip pasaulis/ как мир –	*глаза большие*
burna didelė		*рот большой*

10. Ассоциаты, не составляющие единую лексическую группу (ЛГ – 0,8%, РГ – 9,9%).

galva sunki (тяжёлая)		*голова умная*
galva durna (глупая) –	kaip aš/ как я –	*голова красивая*
kaklas ilgas (длинная)		*шея длинная*
ausys gražios (красивые) –	kaip niekada/как никогда –	*уши красивые*

Результаты второго этапа ассоциативного эксперимента показали, что реакции на определения, после которых следовал элемент “как (как у)” у ЛГ и РГ во многих случаях совпадают. Различия намечаются лишь в занимаемом месте или в процентном отношении.

Результаты также показывают, что в некоторых случаях респонденты обеих групп пользуются одинаковыми сравнениями.

Полученный материал позволил определить совпадение частотностей в процентном отношении по тематическим группам-ассоциатам, которые используют обе группы для сопоставления со свойствами частей человеческого тела (см. таблицу № 2).

Таблица №2

Совпадающие сравнительные обороты по тематическим группам

ЛГ	РГ
1. Ассоциаты, указывающие на человека и части его тела	
33% 1.*	27% 2.
2. Ассоциаты, указывающие на животный мир и части тела животных	
16,9% 3.** ⟷	13,1% 3.
3. Ассоциаты, указывающие на природные (географические) реалии	
7,9% 5. ⟷	9,1% 5.
4. Ассоциаты, указывающие на предметы, здания и т.д.	
26,1% 2.	30,2% 1.
5. Ассоциаты, указывающие на растительный мир, части растений, овощи, фрукты	
9,9% 4.	7,36% 6.
6. Ассоциаты, указывающие на предметы домашнего обихода	
0,16% 10. ⟷	0,3% 10.
7. Ассоциаты, указывающие на некоторые признаки предметов кулинарии, еда, напитки и т.д.	
0,9% 8. ⟷	0,8% 8.
8. Ассоциативные предметы, которые представлены как возникающие из некоторого действия	
2,5% 6.	0,9% 7.
9. Ассоциаты, обозначающие абстрактные понятия	
1,7% 7.	0,6% 9.

10. Ассоциаты, не составляющие единую лексическую группу	
0,8% 9.	9,9% 4.

* – цифры посередине указывают занимаемое место несовпадающих в процентном отношении частотностей употребления сравнительных оборотов.

** – цифры посередине указывают занимаемое место совпадающих в процентном отношении частотностей употребления сравнительных оборотов.

Краткое изложение исследования общего и специфического в формах существования и функционирования языкового сознания у двух контактирующих лингвокультурных сообществ – представителей русского и литовского этносов, позволила сделать следующие выводы:

1. Материалы направленного ассоциативного эксперимента дают представление о тех способах и формах восприятия и оценки человеческого тела, которые характерны для представителей современного русского и литовского лингвокультурных сообществ.

2. Восприятие человеческого тела русскими Литвы и литовцами происходит не всегда одинаково. При межъязыковом сопоставлении ассоциативных полей слов-стимулов выявились как общие стратегии ассоциирования, так и неизбежные различия.

3. Полученные ассоциативные реакции в качестве овнешнений неосознаваемых слоёв сознания служат ключом к объяснению специфики мышления/ сознания человека и реконструкции его этноментального мира. Результаты нашего исследования подтверждают обоснованное в психолингвистике положение о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе его деятельности и общения, запечатлеваются в его сознании таким образом, что это отражение фиксирует причинные, пространственные, временные и другие связи явлений и эмоций. Овнешнителями образа сознания (в том числе - национального образа сознания русских и литовцев) стали полученные нами вербальные ассоциации, которые и можно считать *моделью их сознания.*

Литература:

Акимова 2003 – Акимова Е. Части тела человека в языковом сознании русских Литвы и литовцев *(В печати).* – Dziedzictwo przeszlości związków językowich, literackich I kulturowych polsko-balto-wschodnioslowiańskich. Bialystok, 2003.

Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983.

Гумилёв 1995 – Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М., 1995.

Дмитрюк 1985 – Дмитрюк Н.В. Национально-культурная специфика вербальных ассоциаций. – М.,1985.

Залевская 2000 – Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию. – Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯз РАН, 2000.

Докт филол наук А.И.Бахарев (Балашов)

ДИРЕКТИВНОЕ И РЕКУРСИВНОЕ ОТРИЦАНИЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ.

Средства отрицания (в разных языках) могут направлять свою негативную силу или вправо, или влево от себя. Первый вид отрицания мы называем *директивным* (лат. Directus «прямой»), а второй – *рекурсивным* (лат. Recursus «попятное движение, возвращение»).

В латинском, английском и немецком языках отрицание носит по преимуществу директивный характер как на морфолого-словообразовательном, так и на коммуникативно-синтаксическом ярусах языковой структуры, например:

1) лат.: felix – infelix – «счастливый – несчастный»;

англ.: happy – unhappy – «счастливый – несчастливый»;

нем.: glucklich – unglucklich – «счастливый – несчастливый»;

2) лат.: Nemo praeter mercatores in Britaniam adiit – Никто, кроме торговцев, не прибыл в Британию (Цезарь. Записки о галльской войне);

англ.: He always shouted , newer talked – Он всегда кричал, никогда не говорил;

нем.: Niemand meldete sich – никто не появился.

В ряде случаев рекурсивное отрицание наблюдается и в германских языках., например в немецком: farblos – « бесцветный»; Ich arbeite nicht – Я не работаю.

В русском языке, как и в других славянских, нет отрицательных постфиксов.

В тюркских языках, в частности в узбекском, глагольное отрицание выражается постфиксом -ма-, например : Ит акилламайди, кушлар сайрамайди – Собаки не лают, птицы не поют (Айбек).

В отличие от русского в узбекском языке показатели отрицания ставятся **после** глагольных, именных и отглагольно-именных форм , то есть в узбекском языке имеет место рекурсивное отрицание. На словообразовательном уровне наиболее активное средство выражения отрицания в современном узбекском языке – аффикс -сиз. При помощи этого аффикса образуются прилагательные, обозначающие отсутствие того, что выражено исходной основой. По значению и функциям постфикс -сиз соответствует русским отрицательным префиксам и предлогу *без,* например: аевсиз «беспощадный», тагсиз «бездонный», тузсиз «без соли» .

Вместе с тем в узбекском языке наблюдается и директивное отрицание. Так, под влиянием персидского и таджикского языков в узбекском языке появились некоторые префиксы, в том числе и с отрицательным значением, ср.: пул «деньги» – бепул «бесплатный», маълум «известный» – номаълум «неизвестный» и т.п. Директивное отрицание выражается также в отрицательных местоимениях и наречиях: ким «кто» – хеч ким «никто», хеч кандай «никакой», хеч качон «никогда» и др.

Различая директивное и рекурсивное отрицания, мы можем констатировать, что они имеют неодинаковую степень распространенности в разноструктурных языках. Для индоевропейских языков характерно в основном директивное отрицание, а для тюркских – рекурсивное.

Аспирантка Ван Минци (Пенза)

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Китай – страна древнейшей культуры, история которой насчитывает тысячи лет. В математике китайцы в древности использовали числа и могли производить достаточно сложные операции. Примерно в 16 – 11 веках до нашей эры (Цзягувэнь Эпохи Шан) встречались не только числа от 1 до 9, но и 10, 100, 1000, 10000 и так далее. Примерно в 11 – 3 веках до нашей эры в школах Эпохи Чжоу были уроки математики, на которых изучались сложные математические действия. Таким образом, число в китайской культуре и числительное в китайском языке имеют древнейшую историю.

Имя числительное в современном китайском языке представляло собой определенную систему: китайские числа в простом начертании и прописном, что соответствует написанию в русском языке цифрами и рядом – словами (например, выданная сумма денег). Имя числительное состоит из двух частей: коэффициент и разряд. Коэффициент образуется с помощью следующих цифр:

0 – ling (нуль),
– – yi (один),
– er (два),
– san (три),
– si (четыре),
–wu (пять),
– liu (шесть),
– qi (семь),
– ba (восемь),
– jiu (девять).

Все эти десять цифр относятся к разряду ge ↑ (единицы), они выражают основное количество, являются основными элементами образования чисел. К коэффициенту принадлежит и число | – shi (десять), обозначающее разряд десятков.

– shi (десять) обозначает разряд десятков,

– bai (сто),

– qian (тысяча),

– wan (десять тысяч) соответственно обозначают разряды сотен, тысяч и десятков тысяч. Каждый последующий разряд в 10 раз больше предшествующего.

Кроме этих 14 иероглифов-цифр, в китайской системе счета есть еще иероглиф yi, который обозначает сто миллионов, и иероглиф , который обозначает «пол-, половина».

Характерная особенность китайской системы счета состоит в том, что в ней, по сравнению с системой счета, принятой в русском языке, имеются дополнительные разряды wan (вань – десять тысяч), yi (и – сто миллионов), соответствующие десяти тысячам и сотне миллионов. По-русски, после девяти тысяч идет число «десять тысяч». А по-китайски, после девяти тысяч для обозначения «десять тысяч» употребляют особое число – yi wan (и вань – десять тысяч, в буквальном переводе – один десяток тысяч). При дальнейшем счете употребляются уже wan (вань – десять тысяч). Так, «сто тысяч» по-китайски будет shi wan (шы вань, в буквальном переводе – 10 десятков тысяч). С другой стороны, в китайской системе счета нет такого разряда, как миллион. Поэтому “один миллион” в китайском языке соответствует числу yi bai wan (и бай вань, в буквальном переводе – сотня десятков тысяч).

Подводя итоги, заметим, что китайские числительные, таким образом, образуют три серии, русские – четыре. Можно говорить о своего рода лакуне, являющейся одной из причин тех трудностей, с которыми сталкиваются при переводе числительных с одного языка на другой как русские, так и китайцы. И действительно, по-русски говорят “миллион”, а по-китайски – “сто десятков тысяч”, по-русски – 15 миллионов, а по-китайски – “тысяча пятьсот десятков тысяч”.

Аспирантка Ван Минци (Пенза)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕТОЧНОГО КОЛИЧЕСТВА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Любой предмет объективного мира обладает количественными характеристиками. Количественные характеристики познаются путем исчисления или измерения. Дискретные однородные предметы поддаются счету. Наряду с этим существуют явления и вещества, аморфность, непрерывность, неоднородность которых не позволяет их сосчитать. Только дискретные предметы непосредственно считаемы, вещества поддаются счету «лишь при условии их предварительной дискретизации с помощью единиц

измерения (сравните: два яблока, но два литра молока)» (С.Д.Кацнельсон 1972: 138). Исчисление, таким образом, бывает прямым и косвенным. Измерение возникло давно и сыграло большую роль в практической деятельности людей. Без измерения нельзя было обойтись ни при создании орудий труда, ни при постройке жилищ и дорог и пр.

Понятие количества употребляется в разных науках: математике, статистике, социологии, истории, географии, астрономии, а также – в философии и филологии.

Во всех языках существуют числовые обозначения лексического характера. Среди прочих лексических средств, числительные составляют ядро категории количества. Числительные обособляются от других количественных слов как в плане содержания, так и плане выражения. Выражая значение числа, числительные соотносятся с абстрактными единицами, лишенными предметности, чем и отличаются от существительных. Лишены числительные значений процессуальности, качественности, указательности, суммарности, которые присущи другим лексико-грамматическим группам. Числительные выражают отвлеченную идею числа, а в формальном плане представляют своеобразный тип сочетания с существительным.

Категория количества (а количество может быть точным и неточным, относительным) может выражаться в языке различными способами и средствами. Точное количество выражается числительными, что является закрепленным морфологическими и синтаксическими правилами.

Предметом нашего рассмотрения является так называемое «неточное количество», которое отличается многообразием форм выражения, как в русском языке, так и в китайском.

Прежде чем рассматривать способы выражения неточности в русском языке, отметим, что «в языке различаются две основные разновидности неточности: неопределенность и приблизительность» (А.Н.Шустов 1991: 61).

а) Неопределенность выражается словами неопределенного количества, в отличие от приблизительности, количество здесь не просто неточное – оно вообще не установлено (*сколько, столько, несколько, много, немного, мало, немало, достаточно*).

Неопределенность – очень важное свойство мышления, придающее ему гибкость и образность.

б) Приблизительность выражается разными способами:

1) сдвоенными числительными (*4-5 человек, 5-6 книг, 20-30 человек*),

2) обратным порядком числительного и существительного (*лет двадцать, часов одиннадцать*),

3) с помощь предлогов (*под сорок лет, за сорок лет, около сорока лет*),

4) с помощью наречия, вводного слова (*более/менее двадцати лет, не более/менее двадцати лет, больше двух лет, меньше двух лет, примерно двадцать лет; кажется, двадцать лет*),

5) порядковыми числительными (*третий год*).

Хотя имя числительное – ядро категории количественности, однако понятие количества могут выражать не только числительные, но и другие части речи. Прежде всего это имена существительные, глаголы и наречия. С помощью этих частей речи обычно выражается идея неточного количества.

1. Имя существительное.

Имя существительное выражает количество двумя главными способами: лексико-семантическим и грамматическим.

а. Лексико-семантический аспект.

«Отвлеченные существительные обозначают неопределенно-большое количество чего-нибудь: *бездна, гибель, уйма, масса, пропасть, тьма*. Например: *Народу съехалось тьма-тьмущая*». (Виноградов 1947: 315). Эти отвлеченные существительные, со значением неопределенно-большого количества, имеют значение (нумерализация), большинство из них относятся к женскому роду. К этой же группе можно отнести следующие слова: *туча, куча, группа, толпа, ватага* и так далее. Эта «нумерализация» существительных еще не ведет к утрате ими форм рода и синтаксических свойств имени существительного. Она сказывается лишь в ослаблении у этих слов предметного значения и в сочетании их с формами глаголов прошедшего времени единственного числа среднего рода. Например, у Пушкина: *«Таких, как он, такая бездна!»*; у Достоевского: *«Публики сегодня приходило целая бездна»* и т.п.

б. Грамматический аспект.

У имен существительных имеется форма числа. Обычно единственная форма выражает единичный предмет, а форма множественного числа – множество более одного предмета, например: книга – книги. Форма «книга» понимается нами как «одна книга или один вид книг», а форма «книги» указывает на количество книг более одной: их может быть две, три, четыре или сто.

2. Глагол.

Глагол, подобно существительному, также выражает количество лексико-семантическим и грамматическим способами.

а. Лексико-семантический аспект.

Часть глаголов содержит значение количества – прежде всего те из них, которые произведены от основ числительных, например: *удвоить – удваивать, троить(ся)* и так далее. Некоторые содержат значение изменения количества, например: *удешевить – удешевлять, удлинить – удлинять, укоротить – укорачивать, укрупнить – укрупнять, увеличить – уве-*

личивать, умножить – умножать, уравновесить – уравновешивать, усилить, усугубить, участить(ся) и так далее.

б. Грамматический аспект.

По мнению Л.Д.Чесноковой, действия подобно предметам могут подвергаться счету. В связи с этим понятие единичности и множественности применительно к глаголам трактуется как выражение единичности или множественности самих действий. Каждое действие, которое количественно превышает одно действие, относится к множественному числу, и соответственно – каждое действие, количественно равное единице, должно квалифицироваться как единственное число действий. Особенностью глагола – со стороны выражения количественных отношений – является многосторонность количественных характеристик. Данный момент проявляется в том, «что глагольное слово может выражать: 1) единичность или множество самих действий: *подпрыгнуть* (одно действие) – *подпрыгивать* (несколько действий); 2) единичность или множество производителей действия: *подпрыгнул* (один субъект производит действие) – *подпрыгнули* (несколько субъектов производят действие); 3) множество или количественную неопределенность объектов действий: *соединил, перецеловал, разбросал* (обязательно несколько предметов) – *толкнул, спешил* (неопределенное количество предметов – может быть и один, и несколько предметов). Иными словами, глагол может определять в количественном отношении само действие, производителя действия, объект действия» (Л.Д.Чеснокова 1983: 82).

3. Наречие.

Качественное наречие на *-о* (иногда на *-ски*: *адски, дьявольски, чертовски* и др.) обозначает степень и количество. В системе наречий значение степени и количества (как определений качества и действия) становится, по-видимому, средством качественной характеристики. В этом отношении очень показательно наличие форм субъективной оценки (т.е. образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами) у количественных наречий, например: *немного – немножко – немножечко; понемногу – понемножечку,* при отсутствии соответствующих форм у исходного прилагательного *немногий*. Целый ряд наречий на *-о* в современном русском языке употребляется для субъективного или объективного выражения степени качества и действия. Таковы, например, наречия: *довольно, достаточно, много, немного, мало, крайне, совершенно* и так далее. В некоторых наречиях количества и степени развивается своеобразный оттенок модальности, сближающий их с модальными словами и частицами, например: *далеко не, вовсе не* и т.п. (В.В.Виноградов 1947: 315).

В группах количественных наречий наблюдается переход от качественно-оценочного и субъективного понимания степени и количества до точного, объективного обозначения степени и количества, иногда выраженных даже в числах. Другая часть – это наречия степени: *очень, крайне,*

совершенно, чрезвычайно, замечательно, слишком, чрезмерно, более, насколько, гораздо и т.п.

Наречия первого вида указывают на меру или числовое выражение степени, они сочетаются только с глагольными и отглагольными словами, обозначающими уменьшение, увеличение, или с прилагательными и наречиями в форме сравнительной степени. Например: *вдвое больше, втрое больше, гораздо больше, цены снизились вдвое* и т.п.

Теперь остановимся на способах выражения неточного количества в китайском языке. Значение неточного количества в китайском языке выражается:

1. С помощью специальных слов, указывающих на приблизительность – (сколько, со значением «лишний, несколько»).

(hao xie), (ruo gan) – (много, несколько), в сочетании с числительным они выражают значение неточного количество. Если первое чаще всего употребляется в устной речи, то два последних – в книжной речи.

Указывает на количество меньше десяти (hao xie), (ruo gan) обычно не ограничивается количеством. И (hao xie), и (ruo gan) могут стоять прямо перед именем существительным или счетным словом: (hao xie ren) – *много людей*, (ruo gan ren) – *несколько людей*; (hao xie ge ren) – *много* (ge) *людей*, (ruo gan ge ren) – *несколько* (ge) *людей*. Из них (ji) ставится либо перед названием разряда (несколько десятков, сотен и т.п.), либо после целых чисел. Например: (shi ji) – *десять с лишним*, (er shi ji) – *тридцать с лишним*, (ji shi) – *несколько десятков*, (ji bai) – *несколько сотен*, (ji qian) – *несколько тысяч* и так далее.

2. С помощью словосочетания «имя числительное + слово со значением неточности:

(duo) – больше, более, свыше;
(lai) – около,
(ba) – около;
(zhi duo) – максимум, максимально;
(zuo you) – около;
(shang xia) – около;
(yi shang) – свыше;
(yi xia) – ниже.

Когда « (duo), (lai)» выражают неточное количество, они тесно связаны со счетными словами. Счетные слова – специальные слова в китайском языке. Они называют единицу счета и в обязательном порядке употребляются между числительным и существительным. Китайский языковед Люй Шусян считает, что если счетное слово является словом вида, то только многоразрядные числа с нулем на конце могут сочетаться с « (duo), (lai)», но « (duo), (lai)» нельзя поставить после счетного слова.

Например, можно сказать:

В то же время нельзя сказать:

(ba) – (около) – выражает неточное количество, когда употребляется после (bai) – сто, (qian) – тысяча, (wan) – десять тысяч, при этом «единицы» не употребляются, т.е. число подвергается округлению.

(ba) может стоять также после счетного слова (ge) и выражать неточное количество, но в таких случаях имя числительное перед счетным словом не употребляется. Например: . – *В летние каникулы он был в Китае около месяца*.

Слова: (zhi duo) ‘максимально’,

(zhi shao) ‘минимально’,

(zuo you) ‘левее или правее, со значением меньше, больше’,

(shang xia) ‘выше или ниже’,

(yi shang) ‘больше, сколько’,

(yi xia) ‘меньше, сколько’ – могут сочетаться с числами и выражают неточное количество.

(zhi duo), (zhi shao) ставятся перед числительным для оценки или определения верхнего или нижнего ограничения количества. Например: (Этому преподавателю максимум пятьдесят лет).

(yi shang), (yi xia) обычно сочетаются только с точными числами, их ставят после конкретного числа, например:

(er shi sui shang xia) ‘восемнадцать-девятнадцать или двадцать один-два года’;

(lang mi zuo you), то есть ‘один метр девяносто восемь-девять или два метра один-два сантиметра’.

(zuo you) (левее или правее, со значением “меньше” или “больше”), (shang xia) (выше или ниже) имеют значение “около”, “примерно”, “приблизительно”.

3. С помощью словосочетания “число + следующее число (число - число + 1)”.

Например:

(ba jiu sui) ‘лет девяти, восемь-девять лет’,

(wu liu ren) ‘пять-шесть человек’,

(er san shi) ‘два-три десятка’,

(qian ba bai) ‘тысяча-восемьсот’,

(wan ba qian) ‘десять тысяч-восемь тысяч’,

(bai wan) ‘сотня-десять тысяч’,

(qian bai wan) ‘тысяча-сотня десятков тысяч’.

4. С помощью словосочетания «слово со значением неточности +имя числительное»:

(cheyg) ‘свыше’,

(shang) ‘ближе’,

(yue) ‘примерно’,

(shao) ‘меньше’,

(shu) ‘несколько’,

(jin) ‘ближе + число’.

(cheng) ‘свыше’ обычно сочетается только с (bai) сто, (qian) ‘тысяча’, (wan) ‘десять тысяч’ и выражает большое неопределенное количество.

Например:

(cheyg qian shang wan) – *свыше тысячи, ближе к десяти тысячам, со значением «много»*;

« (shang)» чаще всего сочетается с (bai) ‘сто’, (qian) ‘тысяча’, (wan) ‘десять тысяч’, (yi) ‘сто миллионов’, обычно не сочетается с « (shi) ‘десять’ и обладает ярко выраженной книжной окраской, в разговорной речи употребляется мало. Его значение близко к (ji), этот иероглиф может сочетаться с « (shi) ‘десять’, (bai) ‘сто’, (qian) ‘тысяча’, (wan) ‘десять тысяч’, (ji) ‘сто миллионов’.

(jin) может сочетаться с именем числительным разряда и с целым числом, оканчивающимся на 0, например:

(За последние годы в Китае произошли потрясающие изменения).

5. С помощью слова (liang) ‘два, пара’. Оно обозначает неопределенное количество (не выше десяти). Например:

(Через пару дней поговорим). Здесь (liang tian) нельзя понимать буквально как «два дня», это выражение соответствует словосочетанию «несколько дней»: может быть, два дня, а может быть пять, семь.

Русский и китайский языки относятся к разным семьям, являются двумя далекими друг от друга языками. Особенности языков проявляются в области выражения значений неточного количества. Русский язык выражает грамматические связи, в основном, с помощью морфологических изменений, а китайский язык выражает подобные связи, главным образом, с помощью специальных служебных слов. Способы выражения такого общечеловеческого грамматического значения, как значение неточного количества, в русском и китайском языках имеют немало различий: если неточное количество в русском языке чаще всего выражается через грамматические категории, то в китайском языке главная роль принадлежит лексике.

Цитируемая литература:

Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1947. – 738 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. –138 с.

Чеснокова Л.Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Вопросы языкознания. – 1983.. – № 6. С. 87-90..

Шустов А.Н. Несколько – это сколько? //Русский язык в школе. – 1991. – № 4. – С. 61-64.

Докторант Т.В.Махрачёва (Тамбов)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАЗДНИЧНО-КАЛЕНДАРНОГО ВРЕМЕНИ В ПОВЕРИЯХ И ТЕРМИНОЛОГИИ ТАМБОВСКИХ ГОВОРОВ

Народные представления о традиционной празднично-календарной культуре (тесно связанной со всеми сторонами жизни крестьянина и, особенно с аграрным циклом) являют собой яркий пример бинарно-аксиологического (хорошо/плохо, свой/чужой, земное/сакральное и т.д.) восприятия не только окружающего мира, но и времени, в котором он существует. Формирование данного мировоззрения и расстановка аксиологических доминант в нём происходили на основе сочетания мифологического восприятия мира с прагматическими навыками. В результате этого параметры календарного рубежа (переходный период) оказываются в народном сознании тесно связанными с темой «плохого (неблагоприятного) времени» (Ср.: ***Страшная неделя*** – *Неделя накануне Пасхи*; ***Кривой Касьян***, ***Злой Касьян*** – *День Святого Касьяна* и т.д.). Само время становится воплощением характерных черт «переломного периода, со свойственным ему разрушением границ между мирами, их взаимопроницаемостью, а также практически беспрепятственным «внедрением» «того» мира и «того» времени в текущую, земную жизнь» (более подробно о формировании и интерпретации «плохого» времени на общеславянском материале см. в работе: Т.А.Агапкина 2002: 57). Отрицательное воздействие распространяется на всё, что попадает в поле этого времени.

Так, например, на Юрьев день (6.05) существует запрет на зачатие людей и животных, в основе которого лежит поверье о неблагоприятном, уродливом (или мертвом) рождении потомства: *«Говорили, что на Ягория нельзя, ну как это по научному… никакое зачатие не должно быть. На Ягория. Дети будут уродливые… и ни в коем случае нельзя яички ложить под наседку. И вот обычай такой. Яички из гнезда, сколько бы их не было, из их яичницу делают, их в этот же день уничтожают. Это я точно знаю, бабуля учила…»* (Петровский р-н).

Уродства обусловлены с мифологической точки зрения тем, что зародыш попадает в космическую полосу безвременья, хаоса, где жизнь замирает. Непригодным этот день оказывается и для посева зерновых и посад-

ки овощных культур на огороде: *«Торопются, всё сажают. До Ягория надо посадить… Вот и семечки сажают на огороде. Вот до Ягория надо посадить… если на Ягорья посадить они, не знаю… не созреють, что ля, да, вот так…»* (Ржаксинский р-н).

Семантику дня удачно передает пословица, хорошо известная жителям области: *На Руси два Егория: холодный (9 декабря) и голодный (6 мая)*. Последнее обнаруживает некоторое родство с Градобитным (на территории области он известен как Царь-град) днём и Благовещеньем. Жители области убеждены, что, сажая на Царь-град, они тем самым навлекают на свои участки град, который неизбежно побьёт всходы. Относительно дня Благовещенья существует поверье о вреде, сила которого сохраняется длительное время, поэтому день недели, на который приходится Благовещенье, становится непригодным для полевых работ в течение всего года.

Оппозицию «плохому» времени составляет «хорошее, благоприятное» (Ср.: ***Святая, Светлокрестовое воскресенье, Святой день, Святое воскресенье – о Пасхе; Святые вечера – о Рождественских вечерах*** и др.), заряд которого также распространяется на всё окружение. Так, душа человека, умершего на Пасху, попадает сразу в рай, а человек получает статус святого.

Докт. филол. н. В.Г.Руделёв, докторант Т.В.Махрачёва,
студ. А.А.Чемерчёва (Тамбов)

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРОЗЕ В ОБРЯДАХ, ПОВЕРЬЯХ И ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ, СОБРАННОМ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Основу народных представлений о метеорологии, в частности о грозе, составляют убеждения об их особой, божественной сущности. Необыкновенно красивый мифопоэтический образ рисует народное поверье о возникновении грозы, зафиксированное нами в Пичаевском р-не: *А про синиц у нас говорят так: синицы чиркают друг от друга, и от них молнии на небе* (Упоминание синиц, «создающих» молнии, находит свою параллель в материалах, далеко выходящих за пределы Тамбовской области. – Подробнее об этом см. работу: Т.А.Агапкина, А.Л.Топорков 1989: 230-253.)

Мифологизируя грозу, жители области наделяют этот природный феномен то благодатной, то карающей силой.

Неоднозначное (амбивалентное) отношение к грозе обусловлено, с одной стороны её разрушительным, смертоносным началом для человека (смерть от удара молнии, пожары), с другой – созданием святых источников (ассоциирующихся с водой, а значит обеспечивающих жизненный цикл человека). Однако, карающая, смертоносная сила грозы, не является

в народном представлении чем-то хаотичным, не обоснованным. Как правило, информаторы указывают в своих сообщениях, что Божий гнев следует как наказание за нарушение общепринятой системы правил.

Так, за выполнение работы в праздничный день, мог пострадать не только сам работающий, но и его семья, односельчане, их имущество: *«Да. У нас одну женщину убило громом на Ильин день. Пололи они картошку в этот день, шли с поля… И вот внезапно собрался дождь и гром, и ударил, и её убило…» (Кирсановский р-н); «У нас случай был. Один мужчина на этот праздник, раньше соломой крышу крыли, и он этот угол подкрывал, вроде ветром снесло. И он подкрыл этот угол. И вот зашла гроза такая, молния, и с этого угла загорелся дом. Да. А дождик был! На ровном месте час поливал дождик, вот какой дождик был. Вот в этот день ничё не делают, грозный праздник… У нас вроде такой был разговор, что от чёрной коровы молоком заливать. Да, вроде потухнет пожар. <Это относится к любому пожару? – прим. авторов>. Нет только от молнии» (Кирсановский р-н)*.

Обращаясь к аналогичным текстам, необходимо заметить, что жители области разграничивают людей, пораженных грозой (наказанных), считая их грешниками, и людей умерших от грозы, считая последних святыми, ср.*: богоугодный, богоизбранный, достойный; <Громом убивает святых или грешников? – прим. авторов> «Нет, святых, кто достойный. Тут опять у нас тут мальчик лет двенадцать или тринадцать, шёл из полю, и дождик пошёл. Вот шёл, шёл, молонья сверкнула, и громушко вдарил и убил его» (Мордовский р-н).*

Второй пример обращает внимание на тот факт, что не только молния, но и огонь (пожар) является сакральным. Поэтому использование привычных, традиционных средств (то есть воды) жителями области признаётся неэффективным. В обряде защиты от пожара прибегают к особым средствам: чисточетверговым пасхальным яйцам, троицкой траве, молоку от чёрной коровы. Результатом воздействия этих необычных средств является тление и, в конце концов, затухание пожара. Упоминание молока от чёрной коровы в данном контексте очень интересно, поскольку органично вписывается в однородные представления о небесном стаде, небесном пастухе и т.д. (упомянутая нами параллель убедительно выстраивается Н.И.Толстым в работе: Толстой Н.И. Ещё раз о теме «тучи – говяда, дождь – молоко» // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 3-15).

Обратив внимание на карающую, смертоносную силу грозы, необходимо сказать и о благодатной её стороне. Наиболее любопытным в этом отношении является «рождение» от грозы (грома) святых источников, места почитания и поклонения во время засухи *(на территории области они известны как **Громо'вые**, **Гро'мовые колодцы:** Громовый. Ещё маленькие были, и громом пробило. Поэтому его назвали Громовой колодец.*

Громом прямо, гром вот гремить, и прямо удар попал в эту яму, и вот его вырыли, колодец сделали. Было хорошо, было, валиком было, ну щас валика нет тама, но там хорошо, пойдёшь, посмотришь – прямо хорошо сделано, красиво сделано, начальники умные делали. Щас вода прямо как слеза. Мордовский р-н).

Канд. филол. н. Т.А. Сироткина (Пермь)

ЭТНОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРЫ

Как известно, «этнонимия определяется культурой в широком смысле, в том числе связями данного этноса-носителя с другими народами» (Шапошников В.Н. Историческая этнонимика: Учебное пособие. – Спб., 1992. – С. 29).

Интересно в этом плане посмотреть, как через этнонимы выражается оппозиция «свой-чужой» в языковой картине мира.

Для описания «чужих» могут быть использованы указательные и неопределенные местоимения «тот», «этот», «какой-то», «какой-нибудь».

Например, русские в Прикамье начиная с 16 века общались с вогулами (манси). Хотя, по свидетельствам очевидцев, вогулы уже в конце 19 века выглядели обруселыми, русские старожилы и в конце 20 века рассказывали о них как об особом народе: *«У нас отец колды-то лошадь им, этим вогулам, продавал. Шибко они лошадей наказывают - ножом проткнут и кровь пьют, вот их и назвали самоедыма»* (д. Акчим Красновишерского района Пермской области). Там же записаны многочисленные свидетельства о контактах русских с удмуртами: *«Он удмур был какой-то»*.

О тесном взаимодействии русских и татар на территории Прикамья рассказывают пермские деловые памятники: *«И звалъ де онъ Шалкейко Русайкова сына Рогозю караулить техъ татаръ»* (Кунгурские акты 17 века. – Спб., 1888. – С. 24).

Очень часто этнонимы приобретают дополнительные коннотативные смыслы: еврейка – «жадная, злая», татарин – бестолковый» и т.д.: *«Мачеха-то у меня такая еврейка была, слова я при ней сказать боялась»* (Словарь пермских говоров. Вып. 1. – Пермь, 2001. – С. 243).

Именно оппозиция «свой-чужой» породила такие лингвистические термины, как автоэтноним, аллоэтноним, эндоэтноним, экзоэтноним, обозначающие либо самоназвания народа, либо названия, данные им другими народами.

Выражают отношение народа к своим соседям также шуточные рифмованные поговорки, имеющие в составе этнонимы: *«Вотяки - бурлаки»; «Ты татарин басурман, посадил девок в карман»* и т.д.

Таким образом, этнонимы – важная составная часть этнокультуры. Они служат проявлением самоидентификации людей и принадлежности их к конкретной общности.

З.М.Степанова (Пенза)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕКОТОРЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ
(на материале предлогов французского и русского языков)

В последние годы в отечественной науке понятие и термин 'концепт' стали употреблять в исследованиях взаимодействия языка, культуры и сознания. В этом русле оформилась новая отрасль научного знания – лингвокультурология (см. Воробьев 1997; Маслова 2001; см. там же обширную библиографию). Появился Словарь русской культуры (Степанов 1997; 2001).

Сопоставительная лингвокультурология только начинает развиваться. На сегодняшний день она представлена небольшим числом работ, наиболее интересной из них является монография (Голованивская 1997), в которой изучаются особенности французского менталитета с позиций носителя русского языка и культуры. Материалом для анализа послужили абстрактные существительные в русском и французском языках – *судьба, душа, ум, совесть, мысль* и др.

Одним из фундаментальных понятий лингвокультурологии является понятие лингвокультурного, или культурно-языкового концепта.. Существует огромная литература по природе, структуре, типологии концепта и по исследованию отдельных концептов (см. напр.: Арутюнова 1998; Бабушкин 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1997; Гак 1998; Залевская 2001; Карасик 1996; Кубрякова 1996; Ляпин 1997; Пузырев 2002; Слышкин 2000; Степанов 2001; Шаховский 1996).

Ю.С.Степанов определяет концепт следующим образом: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». (Степанов 2001:43). И далее: «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ibid). Являясь ментальной единицей, концепт принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке (Слышкин 2000:9). В силу сказанного концепт служит основой синтезного исследования языка, культуры и сознания.

Концепт – многомерное смысловое образование, имеющее сложную структуру. По В.И. Карасику концепт содержит в себе три составляющих: ценностную, понятийную и образную (Карасик 1996: 3-16; см. об этом также: Слышкин 2000: 11-13). К сфере понятийного элемента концепта В.И.Карасик и Г.Г.Слышкин относят выделяемые Ю.С. Степановым три слоя, имеющиеся у любого концепта:

1) основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него;

2) дополнительный, или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей культуры;

3) внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов (Степанов 2001:44-45).

Концепты различаются по своему содержанию, организации, способу репрезентации в сознании носителей языка (см. о типах концептов: Бабушкин 1996).

А.Я.Гуревич делит концепты культуры (автор использует термин 'категория': Гуревич 1984) на две группы: 1) «космические», философские категории, которые он называет универсальными категориями культуры (*время, пространство, причина, изменение, движение*) и 2) социальные, или культурные категории (*свобода, право, справедливость, труд, собственность* и др.). В.А.Маслова (Маслова 2001:51) считает целесообразным выделение еще одной группы концептов: категорий национальной культуры (для русской культуры это – *воля, доля, интеллигентность, соборность* и т.п.).

В.И.Шаховский (Шаховский 1996:84-96), опираясь на идеи В. Гумбольдта и его последователей, оспаривает тезис А. Вежбицкой о духовном единстве человечества и о тождественности способов мышления и восприятия у разных этносов, поскольку, по мнению автора, культурные концепты реализуются не только и не столько в языковых кодах, сколько в памяти об исторической протяженности их существования. А эта память фундаментально различна у разных языковых общностей. Как полагает исследователь, против тезиса А.Вежбицкой свидетельствует также этническая функция языка, обособляющая в известной степени одну нацию от другой. В.И.Шаховский подчеркивает, что различия языков объясняются различием культур, концептуальных ходов и ментальных стилей у различных народов (Op. cit.: 85).

Из краткого изложения данного спорного вопроса следует, на наш взгляд, что важнейшей задачей лингвокультурологии и ее раздела – сопоставительной лингвокультурологии – является выявление универсального и национально-специфического и их соотношения в содержании концептов, которые принадлежат многим культурам.

Концепты также классифицируются по тематическому признаку. Для обозначения тематической группы концептов Ю.Д.Апресян использует термин 'наивная картина мира' (*наивная геометрия, наивная этика, наивная психология* и т.д.) (Апресян 1995:351). Г.Г.Слышкин (Слышкин 2000:13-14), исходящий из того, что содержание концепта не ограничивается наивно-образным элементом (см. выше), не находит возможным применение термина 'наивная картина мира' для обозначения тематической

группы концептов. Автор использует для этого иной термин: *концептосфера* (термин был введен Д.С. Лихачевым: Лихачев 1993:5).

Мы считаем возможным использовать в нашей работе данный термин для обозначения всей совокупности концептов, составляющих, условно говоря, «гиперконцепт» пространства. Этот последний мы и назовем *концептосферой пространства* (КСП). КСП состоит из многих частных пространственных концептов, таких как *вверху/внизу, слева/справа, впереди/сзади* и т.п.

Один из вопросов теории концепта – вопрос номинации и, шире, языковой репрезентации концептов. Именами концептов служат номинативные единицы языка – лексемы (универбы) и фразеологизмы. Для данной работы существенным оказывается практический вопрос: какие имена должны получать пространственные концепты, составляющие КСП? В частности, могут ли быть именами концептов предлоги? Исходя из вышеизложенного, понятно, что этот вопрос тесно связан с другим: являются ли предлоги номинативными единицами языка, иначе говоря, способны ли они выполнять номинативную функцию. Это дискуссионный вопрос. Традиционная точка зрения дает на него отрицательный ответ (см.: Виноградов 1986: 35; Общее языкознание 1972: 447-448). Нам представляется заслуживающей внимания точка зрения, в соответствии с которой предлоги выполняют *неавтономную* номинативную функцию (Гак 2000: 431), они отражают внеязыковую действительность (связи и отношения) в сочетании с полнозначными (знаменательными) словами. В пользу «номинативности» предлогов свидетельствуют факты автономного употребления предлогов в эмотивных высказываниях (диалогических репликах) типа:

– *Никак не найду молоток*!

– *Да посмотри в чулане на ящике*!

– *На или в?*

– *На!*

При решении вопроса о том, могут ли предлоги служить именами концептов, следует, очевидно, принять во внимание то обстоятельство, что предлоги неоднородны по степени их смысловой весомости. С одной стороны, выделяются предлоги, выражающие какое-либо одно определенное отношение. У таких предлогов все семантические реализации совпадают с их инвариантным значением. С другой стороны, есть предлоги, имеющие сложную семантическую структуру, инвариантное значение которых реализуется во множестве лексико – семантических вариантов (в иной концепции такие предлоги называют полисемантическими). Для обозначения этих двух типов предлогов нам представляются наиболее удачными термины *специализированные / неспециализированные* предлоги (эти термины используются в работе: Гак, Ройзенблит 1965: 220-230).

Совершенно очевидно, что специализированные предлоги стоят ближе к автономным лексемам, чем предлоги неспециализированные. Об этом

также свидетельствует легкость взаимообратимости: специализированный предлог ↔ наречие. Ср.: *Он шел позади нас → Он шел позади.* Но: *Он шел за нами →* Он шел за.*

Вышеизложенное дает основание полагать, что именами концептов могут служить только специализированные предлоги. С этой точки зрения, есть, например, концепты «позади», «внутри», но нет концептов «за», «в».

В случаях, когда в выражении концептов участвуют неспециализированные предлоги, мы считаем возможным использование в качестве их имен:

1) сочетания предлога с существительным обобщенной семантики (напр.: «на поверхности») или с местоимением («у себя»);

2) существительного, содержащего сему 'реляционность' (в сочетании с определением). Так, в высказываниях с глаголами типа *прильнуть к кому-либо* отражен концепт, который предлагается назвать «эмоциональный контакт».

Как отмечалось выше, пространство относится к универсальным, «космическим» категориям. Пространство – основной атрибут материи, одна из первых реалий, которые воспринимаются и дифференцируются человеком. Можно a priori сказать, что основные пространственные представления в разных культурах совпадают. Их универсальность закрепляется универсальным характером соответствующих предлогов. Так, очевидно, во многих языках есть предлоги, эквивалентные русским предлогам *в, на, над, под, вдоль, поперек* и др.

Наблюдения над текстами (оригиналами и переводами) показывают, что наряду со схождениями в употреблении пространственных предлогов (что естественно!), имеют место и довольно многочисленные расхождения. Именно языковые *расхождения* «высвечивают» национально-культурную специфику универсальных концептов.

Исходя из сказанного, попытаемся определить национально-культурное своеобразие некоторых пространственных концептов и связанные с ним особенности менталитета и поведения носителей французского и русского языков путем анализа наиболее типичных расхождений в употреблении предлогов.

I. Концепты "внутри"/"на поверхности"

Данные концепты образуют оппозицию. Ср.: *Книга лежит в столе / на столе*. То же во фр.: *Le livre est dans le bureau / sur le bureau.*

Наиболее типичное выражение эти концепты получают в конструкциях с предлогами *в/на*; соответственно фр.: dans/sur. Таким образом, имеет место эквивалентность на уровне языковой системы: *в – dans; на – sur,* которая реализуется во многих типичных контекстах (см. пример выше). Однако нередки случаи обратных соответствий: *dans – на; sur – в.* Рассмотрим некоторые примеры.

1.1. Соотношение *dans – на*

Данное соответствие можно проиллюстрировать такими хрестоматийными примерами:

*dans la rue – на улице; dans l'île – на острове (*букв."в улице," "в острове");

dans le ciel – на небе; dans les champs, dans les prés – на полях, на лугах;

dans le sentier – на тропинке (букв. "в тропинке") и т.п.

В парадигматическом аспекте предлоги *dans* и *в* относятся к глубинно-контактным предлогам, тогда как *sur* и *на* – к поверхностно-контактным (термины Г.А.Тер-Авякяна: Тер-Авакян 1983:48). Это значит, что *dans* и *в* концептуализируют некое пространство (локус) как объем, вместилище, как территорию с четко очерченными границами. Предлоги *на, sur*, напротив, представляют пространство как плоскость без четко очерченных границ.

Приведенные выше и многие другие факты соответствия предлогов *dans – на* наводят на мысль о более закрытом, замкнутом характере французского Космоса, что вполне соответствует физической географии Франции: на карте территория Франции имеет вид почти правильного шестиугольника, вписанного в окружность. Русский Космос, напротив, характеризуется открытостью: Россия – огромная страна с безбрежными просторами. Эта мысль неоднократно проводится в работах Г.Д. Гачева о национальных образах мира. Автор так характеризует русский образ мира: «Путь-дорога от порога в бесконечность по горизонтали равнины» (Гачев 1998:26). По мнению ученого, для России характерна «горизонтальная ориентация в мире» (Op. cit.: 18).

Идея простора, открытости может пониматься метафорически. Рассмотрим соответствие:

prendre du thé dans la cuisine - пить чай на кухне (букв. "в кухне"). Ср. в рус.: *на кухне*, но: *в спальне, в столовой, в гостиной* и т.п.

Для французов (и европейцев вообще) кухня – просто место, помещение в доме. Для русских же кухня имеет особое предназначение: здесь часто собирается вся семья, на кухне (вопреки традиционному образу "тесноты") ведутся задушевные, доверительные разговоры между близкими людьми. Кухня для русских – символ искренности отношений.

1.2. <u>Соотношение *sur – в*</u>

Выше было рассмотрено соответствие *dans – на*. Обратное соотношение – *sur – в* – встречается гораздо реже. Отметим два примера, представляющих интерес в лингвокультурологическом аспекте:

1) *tirer sur qn – стрелять в кого-либо* (букв. "на кого-либо"). Представляется, что предлог *sur*, употребляемый в данном словосочетании, можно рассматривать как своего рода эвфемизм по суеверию, как стремление носителей французского языка смягчить описываемую ситуацию;

2) *embrasser qn sur la joue – поцеловать в щеку* (букв. "на щеку"). Мы объясняем данное расхождение следующим образом. Для французов поцелуй "на щеку" – всего лишь атрибут повседневного поведения, тогда как русские вкладывают в этот жест более глубокий, интимный смысл.

В рамках рассматриваемых концептов проанализируем еще некоторые предложные соответствия.

1.3. Соотношение *dans - из*

Ср.: *prendre le livre dans la serviette – взять книгу из портфеля* (букв. "в портфеле");

manger dans une assiette – есть из тарелки (букв.”в тарелке”);

boire dans un verre – пить из стакана (букв.”в стакане”);

ср. также: *mordre dans un croissant – откусывать рогалик* (букв. "кусать в рогалик").

Подобные языковые факты также могут свидетельствовать о тяготении французов к замкнутому пространству, к глубине, что не свойственно русскому языковому сознанию.

1.4. Соотношение *de – в/на*

Французский предлог *de* чрезвычайно многозначен. Его прямое пространственное значение – указание на исходную точку движения. В этом случае предлогу *de* регулярно соответствует в русском языке предлог *из*: *venir de France – приехать из Франции.* Однако в лингвокультурном плане больший интерес представляет несколько иное употребление предлога *de*, очень характерное для французского языка.

Ср.: *les meubles de mon appartement – мебель в моей квартире* (букв. "мебель моей квартиры"); *l’appartement de la rue V. Hugo – квартира на улице В. Гюго* (букв. "квартира улицы В. Гюго").

В подобного рода конструкциях предлог *de* синкретично совмещает два значения: посессивное и пространственное, причем, более четко проявляется именно посессивное значение (под влиянием конструкции *le livre de Pierre – книга Петра*). В русском же варианте реализуется собственно пространственное отношение (предлоги *в, на*).

Как представляется, рассмотренное расхождение в употреблении предлогов отражает глубокое исторически сложившееся различие в менталитете и поведении сравниваемых национальных общностей, а именно: примат частной собственности в жизни французов и решающую роль соборности, духа коллективизма в жизненном укладе русских.

II. Концепт "у себя"

Лингвокультурное своеобразие этого концепта связывается, прежде всего, с французским предлогом *chez*.

Предлог chez (от лат. *casa* – ‘*дом*’) не имеет смыслового эквивалента в русском языке. На наш взгляд, его можно отнести к лингвоспецифическим явлениям французского языка. Этот предлог выделяется среди всех других пространственных предлогов тем, что вводимое им существительное (или

местоимение) обозначает лицо, являющееся хозяином, собственником того или помещения (дома, квартиры, магазина, предприятия и т.п.). Предлог *chez* связан с идеей частной собственности, а также с понятием приватного пространства, в котором он чувствует себя наиболее комфортно, и разрушение приватного пространства (в метафорическом смысле) пагубно влияет на душевное состояние человека. Cf.: *Ma famille, je n'y suis pas chez moi, j'y étouffe!* (Troyat) – *В моей семье я чувствую себя среди чужих, я там задыхаюсь!*

Сочетание *chez moi* переводится «у меня (дома)». Однако, в отличие от предлога *chez*, русский предлог *у* не обязательно указывает на владельца дома или иного помещения. Ср.: *Эта книга у меня* (книга может находиться у меня дома, либо, к примеру, она может лежать на моей парте в классе, где я учусь).

Интересно отметить, что русской фразе типа *Аптека находится возле их дома* во французском соответствует высказывание: *La pharmacie est près de chez eux* (букв. «возле у них дома»). Употребление предлога *chez* в подобных фразах вовсе не является избыточным. Оно отражает, вероятно, дух частной собственности, свойственный французам в гораздо большей мере, чем русским.

III. Концепт «эмоциональный контакт»

Мы связываем национально-культурную специфику этого концепта, прежде всего, с французским предлогом *contre*. Предлог *contre*, восходящий к лат. *contra* – «напротив, против», также не имеет точного эквивалента в русском языке. В результате семантической эволюции этот предлог перешел в разряд *контактных*, точнее – поверхностно-контактных.

Cf.: *Le lit est contre le mur. – Кровать стоит у стены* (впритык к стене). Для целей нашей работы интересно рассмотреть сочетание предлога *contre* с именами лиц и глаголами *se serrer, se presser, s'appuyer* («прижиматься», «опираться», «прислоняться») и их синонимами.

Cf.: *Elle s'appuya contre lui* (Troyat) – *Она прильнула к нему.*

Serrés l'un contre l'autre… - Прижавшись друг к другу…

В сочетаниях типа *se serrer contre qn* («прижаться к кому-либо») ощущается противоречие между семантикой глагола и семой «против», изначально присутствующей в значении предлога *contre*. Это противоречие можно объяснить, очевидно, тем, что индивид воспринимает даже близкого ему человека как нечто, нарушающее его приватное пространство. Предлог *к* не содержит названной семы. Приватное пространство русского человека более открыто для родных и близких.

IV. Концепт «трасса движения»

Этот концепт отражает «продольную ориентацию» движущегося объекта по отношению к локусу (пути движения). Во французском и русском языках имеются соответствующие предлоги: *le long de – вдоль*. Однако для нас представляет интерес регулярное соотношение:

dans / sur – по:

se promener <u>*dans*</u> *les allées du parc – гулять* <u>*по*</u> *аллеям парка* (букв.”в аллеях”)

*s’élancer dans l’escalier – помчаться вверх по лестнице (*букв.”в лестнице”);

marcher <u>*sur*</u> *le trottoir – идти* <u>*по*</u> *тротуару (*букв.”на тротуаре”);

rouler sur la route – ехать по дороге (букв. «на дороге»).

Следует отметить, что в зависимости от описываемой ситуации (движение /покой локализуемого объекта) пространственные предлоги делятся на динамические и статические. В парадигматике (взятые вне контекста) французские предлоги *dans* и *sur* несомненно осмысляются как статические, тогда как русский предлог *по* относится к динамическим. Если *dans* и *sur* локализуют предмет в определенном месте, то *по* указывает на путь его движения. Таким образом, в приведенных выше сочетаниях семантический признак 'движение' во французском варианте содержится только в глаголе, а в русском он дублируется в глаголе и предлоге.

Предлог *по* в определенных контекстах реализует сему 'повсеместность'.

Cf.: *Le vent court* <u>*dans*</u> *la plaine…* (Gamarra) – *Ветер гуляет* <u>*по*</u> *равнине…;*

Son crayon voletait <u>*sur*</u> *le papier* (Troyat) – *Ее карандаш летал* <u>*по*</u> *бумаге.*

Проанализированное соответствие *dans/sur – по* дает основание говорить о более динамичном характере русского пространства по сравнению с французским.

V. <u>Концепт «возле»</u>

В обоих языках имеется несколько предлогов, выражающих данное пространственное представление: фр. *près de, à côté de, devant;* рус. *рядом с, возле, подле, с.* Среди названных предлогов два – *à côté de* ('сбоку от') и *devant* ('перед', 'впереди') – отличаются от всех остальных тем, что отражают антропоцентричность пространства, под которым в данном случае понимается связь пространственных отношений с асимметрией тела человека (наличие передней, задней и боковых сторон).

Наблюдения над речевым материалом показывают, что часто предлоги *à côté de* и *devant* передаются на русский язык предлогами, нейтральными в названном отношении.

Cf.: *Pierre se carra dans un fauteuil,* <u>*à côté de*</u> *sa femme* (Troyat). – *Пьер устроился в кресле* <u>*подле*</u> *жены* (букв.”сбоку от жены”);

Elle se sentait bien <u>*devant*</u> *cet homme* (Troyat) – *Ей было хорошо* <u>*рядом с*</u> *этим человеком* (букв.”перед этим человеком”).

Из вышесказанного следует, должно быть, что пространство, непосредственно окружающее француза (его ближайшее пространство) отно-

сительно более антропоцентрично, чем соответствующее пространство русского человека.

Таким образом, рассмотренные особенности употребления некоторых пространственных предлогов французского и русского языков позволяют сделать некоторые выводы относительно национально-культурной специфики концептосферы пространства, а именно:

– в представлении французов пространство замкнуто, тяготеет к глубине, оно более статично, более приватно и антропоцентрично;

– в представлении русских пространство более открыто, менее замкнуто, характеризуется отсутствием четко очерченных границ, оно более динамично, менее приватно.

Данные представления связаны с такими характерными чертами национального менталитета как частнособственнический дух и индивидуализм французов / соборность и душевная открытость русских.

Сделанные выводы нуждаются в проверке на более обширном речевом материале.

Литература:

Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1998.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1996.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов./Отв.ред. Г.А. Золотова. – 3-е изд. испр. – М.: Высш. шк., 1986.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М., 1997.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М., 1965.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. – М., 1998.

Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка – М., 1997.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.

Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь: Тверской гос. университет, 2001.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке //Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр./ Науч. ред. Карасик В.И. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. №1. С. 3-9.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода //Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. Вып. 1. С. 11-35.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972.

Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2001.

Тер-Авакян Г.А. Значение и употребление предлогов во французском языке: Пособие по грамматике для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1983.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты /Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 84-96.

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. н. Е.В.Бабаева (Волгоград)

МОДЕЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ КАК ЧАСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА

Лингвокультурологический подход базируется на понимании концепта как ментального образования, которое содержит ценностную, понятийную и образную составляющие (В.И.Карасик, Н.А.Красавский, Г.Г.Слышкин). Понятийно-ценностные признаки находят выражение в прямых и переносных значениях слов. Метафорические переносы, зафиксированные в языке, выявляют те объекты внеязыковой действительности, которые представляются носителям языка сходными, а также основания имеющихся сходств и различий (стороны, признаки, функции). Изучение метафорических переносов позволяет обнаружить ассоциативные связи понятийного признака и построить модель ассоциативного поля концепта.

При построении модели ассоциативного поля в качестве материала анализа могут выступать пословицы и поговорки, которые фиксируют результаты метафоризации. Основная часть пословично-поговорочного фонда сформировалась в 15-16 вв., и существование данных культурно-специфичных текстов на протяжении продолжительного периода времени свидетельствует об актуальности тех смыслов, которые закреплены в семантике данных единиц.

Широкая представленность номинантов собственности (как в прямых, так и в метафорических значениях) в пословично-поговорочных текстах немецкого языка указывает на важность концепта собственности для языкового сознания немцев. Многочисленные ассоциативные связи номинантов собственности наглядно демонстрируют включенность данных объектов в человеческую жизнедеятельность. Значимость анализируемого концепта для социальной сферы подтверждает употребление номинантов собственности для метафорического наименования статусных отношений (Diener, Herr), социальных ролей, например, в семье (Mutter, Bruder). Однако для языковой картины мира более важной оказывается связь с индивидуальной сферой. Выявленные связи характеризуют как внутренний мир человека, так и его проявление вовне. В первом случае обращает на себя внимание связь со сферой чувств и эмоций (Liebe, Vergnuegen), личностных качеств и способностей (klug, Wille), душевным состоянием и физическими потребностями (gesund, Hunger, Seele). Во втором случае объекты собственности обнаруживают сходство с такими проявлениями человеческой сущности, как речевая деятельность (schweigen), внешний вид (Plunder).

Номинанты собственности ассоциативно связаны с материальным и идеальным миром. Среди объектов окружающей действительности выделяются природные объекты, например, животные (Kuh), растения (Wurzel) и артефакты (Schwert). В сфере идеального выделяются этические категории с положительной (Gut, Gott) и отрицательной (Suende, Schande) характеристикой.

Изучение метафорических употреблений номинантов собственности позволяет установить место концепта в языковой картине мира социума. Наиболее тесная связь исследуемого культурно-языкового концепта прослеживается с концептами времени и пространства, с отношением к труду, к чести, к здоровью.

Канд. филол. н. Э.М.Гукасова (Краснодар)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Проблема отражения культуры в языке основывается на раскрытии связи между миром и человеком через определенную концептуальную модель мира, закрепленную в языке. Модель мира, отраженная в языке, служит программой поведения, «сеткой категорий» (Е.С.Кубрякова 1988), стоящей за употреблением языка и одновременно предопределяющей классификацию множества явлений как для отдельной личности, так и для целого коллектива.

Культура, как многогранное и многоаспектное явление, представляет собой не только совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определенной общностью людей, но и поведенческие нормы данного коллектива.

В общем виде национально-культурная специфика речевого общения складывается из следующей системы факторов, обусловливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данного языкового коллектива: 1) факторы, связанные с культурной традицией; 2) факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения; 3) факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т. е. особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности; 4) факторы, связанные с наличием в тезаурусе данной общности тех или иных специфических реакций, понятий и т. п., то есть со спецификой денотации; 5) факторы, определяемые спецификой языка данной общности.

Определяя, какие компоненты культуры могут иметь национально-специфический характер, философы, лингвисты, литераторы, культурологи и психологи относят к ним традиции, обряды, бытовую культуру, тесно связанную с традициями, повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), художественную культуру, отражающую культурные традиции того

или иного этноса, «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры.

Как компонент национальной культуры коммуникативное поведение – реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности, выступает как аспект проявления в общении языковой личности (И.А.Стернин 1996).

Общекультурные нормы (а с учетом их особенностей ситуационные и индивидуальные нормы), характерные для всей лингвокультурной общности, в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого обращения. Они связаны с ситуациями: привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование.

Заслуживают внимания доминантные особенности общения, под которыми понимаются такие особенности общения, которые проявляются у представителей данного народа во всех или в большинстве коммуникативных ситуаций, то есть вне зависимости от конкретной ситуации общения, тематики общения, состава коммуникантов и т.д. Следует отметить следующие доминантные особенности, характерные для коммуникативного поведения греческой лингвокультурной общности: средний уровень громкости и многословие; высокий уровень самоконтроля в общении; эмоциональная экспрессивность; высокий уровень бытовой вежливости; некатегоричность общения (греки не любят говорить четко «нет»); антиконфликтная ориентация общения (стараются избегать высказываний, могущих вызвать несогласие, спор, конфликт); нежесткая тематическая регламентация общения в большинстве ситуаций; высокий уровень фактического общения; большая роль устного общения.

Аспирант Л.П.Дружаева (Пенза)

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ФУНКЦИИ КАЧЕСТВЕННЫХ

В русской лингвистической традиции наибольшее распространение получило деление прилагательных на качественные, относительные и притяжательные. Использование же относительных прилагательных в значении качественных характеризуется обычно как переход прилагательного из одного разряда в другой. Но однозначного подхода к этому явлению в современной лингвистике нет.

Известно, что качественные и относительные прилагательные близки структурно и генетически. Многие ученые связывали появление качественного (безотносительного) значения с развитием отвлеченного мышления: «По мере того как связь прилагательного относительного с его перво-

образным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность...» (Потебня 1968, Т. 3: 414]. Некоторые современные исследователи, развивая идеи Потебни А.А., Виноградова В.В. и др. ученых, пытаются представить несвойственное для языковой системы употребление относительных прилагательных (*паспортное* сходство, *кухонная* ссора, *спичечные* (в знач. *короткие*) дни и т.п.) как закономерную тенденцию в развитии значения относительных прилагательных. Сторонники этой точки зрения употребление кратких форм, форм степеней сравнения, отвлеченных существительных, образованных от относительных прилагательных (экономика *рыночна, самые рыбные* места, *дамскость*), квалифицируют как лексико-грамматические показатели качественности.

Лингвисты, придерживающиеся другой точки зрения (Чеснокова Л.Д., Буланин Л.Л. и др.), считают, что переход относительных прилагательных в качественные надо рассматривать только как явление диахронии, а ненормативные словоупотребления – как индивидуально-авторские неологизмы. По мнению Л.П.Катлинской, при синхронном подходе следует говорить не о процессе перехода, а о позициях относительных прилагательных в речи.

В словосочетаниях с относительными прилагательными, употребленными в прямом и переносном значениях (*железобетонная* конструкция – *железобетонная* логика, *оперный* театр – *оперные* жесты), различен характер семантических отношений между определяемым и определяющим. Семантические отношения в словосочетаниях с прямым значением относительного прилагательного имеют денотатную природу, так как определяемое существительное соотносится с денотатом слова, мотивирующего прилагательное (то есть соотносится с тем множеством объектов действительности, которые могут именоваться данной лексической единицей). Семантическая связь в словосочетаниях с переносным значением относительного прилагательного имеет иную природу – сигнификативную, или ассоциативную. В этих словосочетаниях денотат определяемого существительного соотносится не с тем или иным объектом действительности, а с представлением о его свойствах, которое складывается в сознании носителей языка (то есть с сигнификатом). Семантические отношения в таких словосочетаниях “ограничиваются лишь указанием на связь определяемого слова с комплексом понятий, сигналом которого служит основа отсубстантивного прилагательного” (Катлинская 1977: 101).

Денотативный характер отношений определяемого и определяющего характеризует, как правило, словосочетания, где существительное называет предметы вещного мира (*деревянный* дом, церковь, мост и т.п.) Тип отношений меняется, когда то же прилагательное попадает в иную позицию: используется как оценочное при существительных лексико-семантической группы “человек” (*деревянная* походка, лицо, голос).

Мнение, что все относительные прилагательные рано или поздно приобретут качественные значения, кажется необоснованным, так как язык сохранил массу прилагательных, неизменная роль которых – передавать отношение субъекта к объекту: *часовой* механизм, *компьютерная* графика и т.п.

Особенности лексического значения относительных прилагательных, выступающих в роли оценочных слов, их художественно-эстетическая функция, словообразовательные особенности, характер семантических отношений в словосочетаниях с такими прилагательными позволяют утверждать, что их употребление в речи обусловлено контекстом и поэтому не может существенно влиять на языковую оппозицию качественных и относительных прилагательных.

Канд. филол. н. А.Ф.Калинин (Балашов)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРНОГО ТИПА ИНФИНИТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Инфинитивно-субстантивные предложения в грамматическом аспекте – это один из структурных типов двусоставных предложений в русском языке, строящихся по схеме Inf – N1 , подлежащее и сказуемое которых имеют свои специфические признаки. Инфинитивное подлежащее в данном типе предложений обозначает действие или состояние, сказуемое – предикативный признак и состоит из двух компонентов: связки и присвязочного члена существительного.

Связка в инфинитивно-субстантивном предложении является определяющим компонентом его грамматической и семантической структуры; связка выполняет грамматические и семантические функции. Грамматические функции связок – выражение предикативных значений и связи между подлежащим и сказуемым – достаточно полно описаны в лингвистике.

Существенным для инфинитивно-субстантивных предложений являются семантико-грамматические функции связок – посредническая и квалифицирующая.

Посредническая функция связки выявляется в инфинитивно-субстантивном предложении при соотнесении существительного, находящегося в позиции присвязочного компонента именного составного сказуемого, с инфинитивом в позиции подлежащего, между которыми посредством связки устанавливаются отношения «отвлеченное действие или процессуальное состояние – его предикативный признак квалификация» (Русская грамматика // Под ред. Н.Ю.Шведовой: В 2-х т. М., 1980. Т.2. С. 311). Посредническую функцию – оформление предикативных отношений между подлежащим и сказуемым в инфинитивно-субстантивных предложениях выполняют: связка *это,* связки *это и есть* и *есть* (связка *есть* не-

редко опускается), а также другие специализированные связки, выраженные полузнаменательными глаголами *стать, становиться, оказаться, оказываться, казаться, показаться, являться* и др.: *Найти себя есть счастье; Учиться в университете – это и есть его мечта; Руководить этим предприятием – стало (становится, кажется) нелегким делом.*

Квалифицирующая функция связок состоит в квалификации семантического типа отношений, наличествующих в основе предикативных. Семантика структурной схемы инфинитивно-субстантивных предложений детерминирует их как семантический тип предложений квалификации, при этом квалификация представлена или как качество, способность к чему-нибудь, или как оценка: *Быть в поисках – естественное состояние для ученого;* (Тригорин); *Поймать ерша или окуня – это такое блаженство!* (А.П.Чехов); *Скрытничать перед ней – это был бы грех!* (И.С.Тургенев).

В семантическом аспекте инфинитивно-субстантивные предложения, как и в грамматическом аспекте, являются двусоставными предложениями, включающими как минимум в свой состав семантический субъект и семантический предикат, поскольку «в подлежащно-сказуемостных предложениях подлежащее несет в себе значение субъекта, а сказуемое – значение действия или состояния» (Русская грамматика 1980. Т.2. С. 132).

В коммуникативном аспекте инфинитивно-субстантивные предложения являются расчлененными двусоставными, членятся на тему и рему. Нерасчлененных вариантов данные предложения не образуют.

В конситуативно независимых предложениях тема-подлежащее предшествует реме-сказуемому. Конситуативно независимые инфинитивно-субстантивные предложения отвечают на вопрос: «чем является или чем характеризуется действие, названное инфинитивом?» и являются двусоставными общеинформативными высказываниями: *Ехать на этой лошади// было для Ростова наслаждение* (Л.Н.Толстой).

Сказуемое-рема предшествует теме-подлежащему в таких инфинитивно-субстантивных предложениях, в которых сказуемое-рема имеет качественно-характеризующее значение: (Перчихин) *Расчудесное это занятие –// снегирей ловить!* (М.Горький) Такие предложения отвечают на частичный диктальный вопрос и являются двусоставными частноинформативными высказываниями.

Прилагательное при существительном-сказуемом может находиться в качестве ремы на последнем месте в предложении. На прилагательное в данном случае приходится основной информативный груз: *Погибнуть охотнику от зверя – // смерть законная и даже почетная (*В.Тендряков). В данных предложениях имеет место частичный диктальный вопрос: «*какая это смерть – погибнуть охотнику от зверя»,* и они являются двусоставными частноинформативными высказываниями.

Итак, исследование инфинитивно-субстантивных предложений в трех основных аспектах: грамматическом, семантическом и коммуникативном

–выявило, что они являются особым типом двусоставных неглагольных предложений в типологии простого предложения в русском языке.

Канд. филол. н. О.В.Кунытина (Челябинск)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ, ВКЛЮЧАЮЩИХ КОМПОНЕНТ-МЕСТОИМЕНИЕ*

Фразеологические частицы, как и фразеологические предлоги и союзы, относятся к морфологически неизменяемым единицам, состоящим из фразообразующих компонентов, которые являются структурно и семантически обязательными.

Каждый компонент вносит свою сему, из которых формируется значение фразеологической единицы, следовательно, каждый компонент является обязательным элементом фразеологического целого.

Под компонентом фразеологизма мы понимаем слово, знаменательное или служебное, с претерпевшим качественные изменения значением как системы сем и сохраняющее внешнюю, формальную отдельность слова, которое не может выступать самостоятельно в качестве обозначения или члена предложения.

В 25 фразеологических частицах, как показывает анализ нашего материала, есть компонент – местоимение, например: **без того, во всяком случае, во что бы то ни стало, вот тебе и, и без того, и того, не кто другой как, самый что ни на есть, что-что а.**

Но выводы и суждения здесь проверяются дольше, кропотливее, ***во всяком случае*** *их не отвергают так скоро и самоуверенно, с обидной снисходительной улыбкой* (Е.Ильин. Путь к ученику). – *Павел Сергеевич, еще кусочек (торта) подложить? –* ***А что ж****, я не против, – согласился Павел* (Семенихин, Новочеркасск). – *Повадился к нему медведь на пчельник ходить* ***и самые что ни на есть*** *лучшие ульи таскать* (Новиков-Прибой. На медведя). *Тобой* ***и без этого*** *Никифорович интересуется* (М.Горький. Мои университеты.). – *Некогда, – говорит, – мне разговаривать.* ***Без того*** *проспали, а траву смотреть пошли* (П.Бажов. Медной горы Хозяйка).

Анализ нашего материала показал, что компоненты-местоимения, утрачивая категориальное значение указательности, отнесенность к какому-либо разряду, категории рода, числа и падежа и сохраняя только форму, вносят элементы своих значений, формируя тем самым значения фразеологических частиц.

Фразеологическая единица **самый что ни на есть** выражает значение высшего проявления какого-либо признака. Компонент-местоимение **самый** вносит сему «высшее проявление чего-либо». Не случайно, что ме-

стоимение **самый** в сочетании с качественным прилагательным служит для образования превосходной степени.

Частицы **и без этого, без того** служат для выделения, указания на кого-чего-либо. Сему «указательность», на наш взгляд, вносят в значение частицы компоненты – указательные местоимения **того, этого**. ***Без того*** *проспали* – указание на действие, ***и без этого*** *интересуется* – выделение, подчеркивание значимости состояния, осложненное семой усиления, которую вносит компонент – частица **и**.

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, ГРАНТ № 02-04-00401 а/Т (руководитель – Чепасова А.М.).

Докт. филол. н. А.В.Лемов (Саранск)

ТЕРМИНЫ И НОМЕНЫ

Если обобщить точки зрения на специфические свойства, приписываемые термину и номену в различных публикациях, то выявляется следующее. Термин обладает преимущественно сигнификативным значением, номен – денотативным, поскольку связан с более конкретным понятием. Термин выполняет и номинативную, и дефинитивную функции, номен – только номинативную. Они связаны между собой родовидовыми отношениями.

Мнение о преимуществе (превалировании) понятийной или денотативной стороны по существу декларативно. Никто не предложил методики доказательства такого преимущества. Видимо, оно должно чем-то обосновываться, определяться, измеряться, наконец. К общим рассуждениям относится и мысль о том, что у термина проявляется, в противовес номену, дефинитивная функция. Никто не показал и на примерах не пояснил, в чем она состоит. Термин вообще не обладает дефинитивной функцией. В нем присутствуют лишь фрагменты дефиниции, связанные с ориентирующими возможностями некоторых терминоэлементов. Но почему эти ориентирующие возможности терминоэлементов должны быть противопоказаны так называемым номенам? А вот то, что все профессиональные слова обладают номинативной функцией, – не требует доказательств. Но это объединяющий, а не разъединяющий данные слова факт.

Признание за номеном связи с более конкретным в отличие от термина понятием также нуждается в доказательстве хотя бы в виде методики разграничения большей-меньшей конкретности- абстрактности профессионального понятия. Примеры, которые приводятся в качестве доказательств такого различения, очень неубедительны. Почему, например, *ин-*

струмент – это термин, а *тиски, напильник* – это номены? Существует масса разновидностей тисков и напильников и по форме, и по функциям, и по специфике применения, и вследствие этого слова, их обозначающие, обладают набором признаков, родовых и видовых, что и составляет сущность понятия.

Не является, следовательно, особой чертой, разграничивающей термины и номены, и наличие родовидовых отношений между ними. Такие отношения могут существовать и в виде деривационной (в широком смысле) цепочки, в которой родовые и видовые признаки понятия переходят друг в друга. Например: *инструмент – напильник – надфиль – треугольный надфиль.*

Невыразительны и примеры из лингвистики: *согласный звук* – термин, *звук [д] русского языка, звук [п] русского языка* и т.д. – номены. *Падеж* – термин, *именительный падеж русского языка, родительный падеж русского языка* – номены. По понятийному содержанию каждого из указанных (в качестве «беспонятийных» номенов) слов можно привести не только отдельные рассуждения, но о некоторых из них написать исследования в виде статей и даже целых монографий. Вряд ли у кого-либо вызовет недоумение монография, например, озаглавленная «Родительный падеж в русском языке» или статья «Звук [д] в русском языке как представитель фонемного ряда» и т.п.

Противопоставление термина и номенклатурного обозначения является скорее внутренним, чем внешним противопоставлением: у терминосистемы и номенклатуры больше сходного, чем различного. «Противопоставление понятийной и предметной соотнесенности наименований не только не очевидно, но и вообще, по-видимому, не существует: трудно представить соотнесенность наименования только с понятием без связи его с предметом или только с предметом без связи с понятием» (А.И. Моисеев).

В филологии достаточно давнюю историю имеет выделение – в одном и том же слове – аспектов категорий *лексис* (отражение чувственного восприятия) и *логос* (отражение познавательного процесса и места в системе) (Г. Шпет). А.В.Суперанская считает, что на основании этих объективно присущих слову категорий и происходит деление профессиональных слов на термины и номены: «Слово в системе понятий, в понятийном поле – логос, термин; слово как обозначение изучаемого и наблюдаемого предмета – лексис, номен». Но Шпет выделил эти категории как присущие одному и тому же слову. Следовательно, использовать его идею для дифференциации слов на термины и номены некорректно, так как из нее вытекает, что те свойства, которые мы находим у терминов и номенов, на самом деле принадлежат одновременно одному и тому же профессиональному названию. Отсюда нет необходимости (по крайней мере в лингвистике) разделять специальную лексику на так нечетко выявляемые сферы

терминологии и номенклатуры. Гораздо плодотворнее обнаруживать в каждом профессиональном слове черты, которые наделяют его свойствами логоса-термина (наличие сигнификата в лексическом треугольнике) и лексиса-термина (наличие в этом треугольнике денотата).

Докт. филол. н. О.А.Нечаева (Улан-Удэ)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАУЗАЛЬНОСТИ (В ПРЕДЛОЖЕНИИ И РЕЧИ ТИПА РАССУЖДЕНИЯ)

Каузальность – “одна из важнейших онтологических категорий, отраженная в языковой картине мира каждого языка” (М.В.Всеволодова. Теория функционально-семантического синтаксиса. МГУ, 2000. С. 89). Известно, что поле причинности входит в объединение ФСП обусловленности, включающее также поля условия, цели, уступки.

Отмечая, что изосемическим средством выражения причинно-следственных отношений является сложноподчиненное предложение, а также бессоюзное сложное предложение, сложносочиненное предложение и простое с обстоятельством причины (там же, с. 90), необходимо также считать средством выражения каузальных отношений структуру дедуктивного и индуктивного рассуждения. В сложноподчиненном предложении “причинный фактор (порождающая ситуация – C_1) и его следствие (порождаемая ситуация – C_2) представлены развернуто и соположены” (Суда задержались в порту, потому что начался шторм). (Там же.)

Таким образом, причинно-следственные отношения выражаются не только формой предложения, но и более широкими структурами: дедуктивным и индуктивным рассуждением (Все перелетные птицы на зиму улетают на юг. Ласточки – перелетные птицы. Ласточки на зиму улетают на юг). Дедуктивное рассуждение содержит три предложения (две посылки и вывод), поэтому и причинные отношения в рассуждении имеют более развернутую форму, чем в сложном предложении. Сложное предложение обычно бинарно (причина и следствие), а в референциальном отношении содержится две ситуации (порождающая и порождаемая), причем “само явление причины нам как “отдельная субстанция в наблюдение не дано” (там же, с.90).

В рассуждении как форме доказательства ситуаций не две, а три: две порождающие (C_1 + C_1) и одна порождаемая (C_2), потому что выражается более глубинное обоснование какого-либо доказываемого явления. При этом порождающие ситуации не даны в наблюдение, они так же, как и в обычном причинно-следственном построении в виде сложноподчиненного предложения есть всегда результат некоторой мыслительной операции.

В рассуждении, таким образом, мыслительных операций больше, чем в структуре сложного предложения. Возникает более глубинная порож-

дающая ситуация, чем в сложноподчиненном предложении. Это обычно обозначение какого-либо общего постоянного свойства предметов данного класса. (Ласточки улетают на юг, а это свойство всех перелетных птиц, не только ласточек, принадлежащих к этому общему классу перелетных птиц).

Итак, в рассуждении, как форме с причинно-следственными отношениями, порождающая ситуация имеет расширенную сущность: как общее постоянное свойство данного явления и как принадлежность данного объекта к числу явлений с общим глубинным свойством. Мыслительный процесс проходит следующие этапы: 1) осознание наличия какого-либо постоянного свойства из целого ряда однородных предметов, 2) выявление принадлежности данного предмета к числу этих однородных предметов (в смысле проявления причины действия этого предмета), 3) как следствие проявление этого свойства в данном предмете. Хотя большая посылка в рассуждении часто опускается, но эта порождающая ситуация присутствует в имплицитной форме.

Студ. А.П.Новакова (Волгоград)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РАЗУМ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия лингвистами осознана необходимость определения внутренней иерархии полевых структур различного рода. В работах многих ученых выделяются принципы и критерии распределения единиц в поле, выявляются центр и периферия поля и т.п. (см.: В.П.Москвин, М.С.Поспелова, Ю.В.Федосов). В нашем сообщении мы хотели бы остановиться на рассмотрении оценочного параметра лексико-семантического поля «Разум».

Как и многие лингвистические категории понятие «лексико-семантическое поле» трактуется разными авторами по-разному. Мы придерживаемся его следующего определения: лексико-семантическое поле – совокупность единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений (Л.А. Новиков). Лексико-семантическое поле обладает неоднородной, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений. По горизонтали располагаются семантические участки – микрополя. По вертикали располагаются конституенты микрополей, которые в то же время являются конституентами макрополя. В большинстве полей выделяется доминанта, то есть конституент поля: а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый (Г.С.Щур).

Лексико-семантическое поле *разум* делится на микрополя по различным семантическим параметрам. Одним из них является оценочный пара-

метр. Слова, выражающие положительную оценку *разума,* представлены в немецком языке субстантивным синонимическим рядом с доминантой Verstand, синонимическими прилагательными klug, gescheit, intelligent, gelehrig, (auf-) geweckt, klardenkend, scharfsinnig, vernuenftig, vernuenftbegabt, nuechtern, einsichtig, einsichtsvoll, besonnen, begabt, geistreich, weise, schlau, sinnreich, verstaendlich, spitzfindig, weislich (gehob.), klueglich (gehob.), hell (umg.) и т.д., а также глаголами verstehen, erfassen, auffassen, erkennen, begreifen и т.д. Субстантивный синонимический ряд с доминантой Verstand в немецком языке представлен словами Verstand, Verstaendlichkeit, Vernunft, Vernunftigkeit, Klugheit, Begreifen, Sinn, Intelligenz, Intellekt, Einsicht, Besinnung, Weisheit, Wissen, (Auf)Gewecktheit, Geist, Nuechternheit, Erkenntnis, Erfassen, Erfassung, которые как нейтральные единицы имеют широкое применение. Слова Vernunftelei, Klugelei, Koepfchen, Verstehste имеют ироническую, шутливую окраску. В эмоциональной речи положительная оценка *разума* представлена фразеологизмами “hat Gruetze im Kopf”, “nicht auf den Kopf gefallen sein” и др., а также пословицами “Verstand ist das beste Kapital”, “Verstand ist zu beachten, Schoenheit zu betrachten” и др.

Канд. филол. наук Н.Н.Оломская (Краснодар)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ.

Язык рассматривается как код, передающий огромное количество информации.

Лингвистический код использует символы – сигналы, которые обозначают или передают какое-либо сообщение.

Язык использует звуки как основу, составляющую символы языка. Каждое слово в языке – символ, согласование звуков или букв дают определенное лингвистическое значение.

Наиболее весомая характеристика социального человеческого общения – умение говорить. Иногда говорящий вступает в акт коммуникации с определенными людьми, иногда с теми, кто готов его выслушать, и с теми, кто не всегда готов слушать, кроме того, коммуникация происходит на внутреннем уровне.

Человеческий язык выполняет огромное количество функций, поэтому важным фактом является употребление языка в процессе мышления, т.е. часто человек говорит «про себя». Имеется в виду то, что управление процессом мышления было бы невозможным, без использования языка, особенно это, касается абстрактных идей.

Основой является когнитивная жизнь, но она выступает не главным аспектом в прагматической основе использования языка, употребления языка, чтобы воздействовать на события.

Обращая внимание на тот факт, для чего люди употребляют язык, при этом важно подчеркнуть то, как говорящий произносит слова в определенной ситуации, что предполагает возможность догадываться о побуждениях, целях, верованиях и желаниях на основе того, что говорит человек.

При использовании языка, процесс произношения и распознавания предложений происходит на бессознательном уровне.

Коммуникация – это социальное действие, обычно берущее свое начало вне контекста точно определенной социальной ситуации.

Под ситуацией понимается наличие таких условий, при которых акт коммуникации возможен, поскольку участники процесса коммуникации полагаются на взаимное понимание, которое облегчает данный процесс.

Канд. филол. н. Н.Н.Панченко (Волгоград)

ТРИАДА ‘КЛЕВЕТА’ – ‘СПЛЕТНИ’ – ‘СЛУХИ’ В ИХ ФРЕЙМОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Мы исходим из тезиса об исключительно редких случаях наличия абсолютной синонимии, поэтому условимся говорить о наличии квазисинонимов, при помощи которых можно описать близкие понятия. Выделяются два принципиально различных вида квазисинонимии – однофреймовые и межфреймовые квазисинонимы. Рассмотрим триаду ‘клевета’ – '‘сплетни’ – ‘слухи’ для выяснения их фреймовой принадлежности.

Мы полагаем, что имена ‘сплетни’ – ‘слухи’ лексически воплощают один фрейм – **ложное сообщение**, который имеет следующие слоты: коммуниканты, невозможность установления источника информации, сенсационный характер сообщаемого, объект(-ы) действия, уровень формальности и т.д. Аргументом в пользу выдвинутого тезиса может служить взаимозаменяемость синтагматического окружения: *игнорировать слухи (сплетни), пикантные слухи (сплетни), нелепые сплетни (слухи)* и т.п. В пользу их семантической близости может свидетельствовать и метафорическое осмысление сплетен и слухов, представленное посредством моделей: I) СПЛЕТНИ/СЛУХИ – ВРЕДНЫЕ СУЩНОСТИ; вирус которых может заразить огромное количество людей, при этом функциональная идентичность сплетен и слухов как причиняющих ущерб в коллективном сознании наблюдается при взаимозамене в контексте: *слухи/сплетни наши уши поражают;* 2) СПЛЕТНИ/СЛУХИ – ПИЩА, съедобная субстанция, а следовательно, источник жизненной энергии: *«фаршировав сплетен кормом ...мчится новость рассказать»* (Маяковский): 3) СПЛЕТНИ/СЛУХИ – ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: *волна сплетен сопровождает, слухи ветром носит.*

Концептуальное сходство между слухом и сплетней наблюдается также в их одинаковой персонификации, основанной на осмыслении их

как динамичных сущностей, способных к передвижению и проникновению в различные места: *просочились слухи/сплетни, ходят сплетни /слухи по домам (умам).* Различия появляются в масштабе, уровне подаваемой (обсуждаемой) информации. Сплетни не предполагают информации государственного масштаба, пищей сплетен являются аспекты частной, семейно-бытовой сферы жизни человека. Территория проникновения слухов шире, и интересы их простираются на все области человеческого знания – от узкомасштабных вопросов приватного и бытового характера до социально ориентированных проблем мирового масштаба.

Наблюдаются различия и в слоте ‘направленность информации’. Слухи однонаправлены: они не предполагают обратной связи, обмена известиями. Отсутствие у слухов, в отличие от сплетен, тенденции к ведению беседы отражается в языке: *распускать* можно как *слухи,* так и *сплетни,* но обмениваться можно только сплетнями – *сплетничать,* а не слухами, отсюда невозможность лексемно-предикатного образования **слухничать.* Слухи мыслятся русским языковым сознанием как однонаправленная сущность, что упрощенно можно представить в виде схемы: S1 → S2 → Sn и т.д., пока не станет достоянием обширной диффузной аудитории, в то время как сплетни представляются действием со сменой ролей коммуникантов: S1 ↔ S2 ↔ Sn.

Слухи и сплетни, с одной стороны, и клевета, с другой, являются лексическими представителями межфреймовой квазисинонимии. Имя 'клевета' вербализует фрейм, который можно обозначить как **ложное обвинение**.

В докладе предполагается рассмотреть точки пересечения сопоставляемых фреймов, их различия, а также ассоциативно-образные представления о клевете.

Канд. филол. н. Р.В.Патюкова (Краснодар)

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СОЗНАНИЮ

Системы сознания и языка возникли вместе с обществом и представляют собой необходимые стороны его бытия, неразрывно связанные друг с другом и вплетенные в деятельность людей.

Наметим функции языка по отношению к сознанию Важнейшая из них: язык позволяет сознанию стать практическим, действительным, существующим для других людей. Язык выступает в роли ***орудия формирования самих актов сознания.*** Только соединив каждый акт, каждое «движение души» со словом и выразив в слове, человек осуществляет этот акт действительно, практически.

Второй функцией языка по отношению к сознанию является следующая: ***язык есть средство*** *его* ***выражения.*** Содержание сознания общества

фиксируется и выражается лексикой и грамматическим строем языка. Следовательно, фиксируются и выражаются те результаты его развития и его деятельности, которые соотнесены с элементами языковой структуры. Содержание работающего сознания отдельного человека выражается организацией элементов языка в речевые последовательности.

Язык – это условие и средство моделирования процесса деятельности сознания. Применение языка в речи, развертывание языковой цепи объектирует развертывание содержания сознания, обеспечивая тем самым возможность воспринимать это содержание не только слушателями и читателями, но и самим автором высказываний. Язык, в данном случае, становится ***условием осознания человеком деятельности собственного сознания.*** Тем самым язык делает возможным для человека ***контроль*** за деятельностью собственного сознания, объективируя акты сознания, язык позволяет соотносить его деятельность со свойствами и признаками отображаемых сознанием участков мира.

В возникновении и развитии человеческого сознания язык сыграл свою выдающуюся роль как одно из главных условий очеловечивания актов сознания. Зачатки сознания свойственные животным, они были и у предков человека. Но они не соединялись с мыслью и не обогащались ею. Только язык позволил обобщать отображения чувственные и строить на их базе отображения логические.

Аспирант М.М.Родин (Саратов)

СИСТЕМА ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ И ТЕОРИЯ ПОЛЯ

Количество работ, посвящённых самым разным аспектам оценочной семантики, на сегодняшний день едва ли обозримо.

Оценочная семантика, несмотря на внимание к ней со стороны многих исследователей, как нам кажется, ещё недостаточно описана в терминах теории поля. Немногие работы, посвящённые изучению ЛСП ОЦЕНКА (возможно, в результате «неуловимости» и «вездесущности» оценочного значения, а также отчасти по причине некоторой путаницы в терминологии), рисуют различную во многих её деталях картину макрополя ОЦЕНКА.

Отдельно самостоятельное ЛСП ОЦЕНКА рассматривалось в работах Э.А.Столяровой [1988] и М.А.Ягубовой [1992]. В ключевых для понимания структуры оценочной семантики вопросах эти авторы едины: и Э. А. Столярова, и М. А. Ягубова 1) ставят ЛСП ОЦЕНКА в один ряд с другими полями, т. е. считают поле ОЦЕНКА образованием того же уровня, как и все другие поля; 2) допускают единственно возможной классификацией внутри ЛСП ОЦЕНКА классификацию не семантическую, а логическую (по основанию оценки) (Столярова 1988: 189; Ягубова 1992: 24; ср. также: Арутюнова 1999: 183).

Ниже следует рассмотрение этих вопросов.

1) Тот факт, что роль и положение системы оценочных значений внутри языковой семантики в некотором смысле исключительны, заставляет нас смотреть на данное поле как на образование иного порядка, нежели «простые» ЛСП. Оценка не только проникает во все сферы жизни человека, но присутствует на всей «территории» языковой модели (картины) мира. Поэтому, видимо, расположение поля ОЦЕНКА на горизонтальной плоскости по соседству с другими полями не будет отражать онтологии оценочной семантики и реальных позиций и соотношений оценочных значений в лексико-семантической системе. ЛСП ОЦЕНКА не соседствует, а как бы пронизывает все ЛСП естественного языка. «Выражая те или иные мнения о мире, человек постоянно налагает на него свето-теневую сеть общечеловеческих и индивидуальных представлений о добре и зле (хорошем и плохом)» (Арутюнова 1984: 6). Таким образом, оценка является неким наложением на языковую модель (картину) мира.

Исходя из приведённых выше соображений представляется целесообразным говорить не об ЛСП ОЦЕНКА и даже не о макрополе ОЦЕНКА (т. к. данное образование выделяется не просто своими масштабами), а об «оценочной модели мира». Под «оценочной моделью мира» мы понимаем не мир ценностей (который является не лингвистической, а скорее этической или психологической реалией) и не «идеализированную модель мира» (термин Н.Д.Арутюновой: [1999, 180, 182]), которая скорее относится к сфере культуры, чем языка, а о т р а ж е н и е реалий окружающего мира сквозь призму ценностей. Мы принимаем термин «модель мира» условно, лишь в том смысле, что он передаёт «глобальность» и «вездесущность» оценки. «Оценочная модель мира» представляется нам своего рода эллипсоидом, на противоположных концах которого находятся два ядра «макрополя» ОЦЕНКА или два полюса «оценочной модели мира» (положительный и отрицательный). Здесь необходимо заметить, что некоторые исследователи (напр. М.А.Ягубова) не разделяют положительно- и отрицательно-оценочные элементы, не принимая во внимание явную семантическую асимметрию между положительной и отрицательной оценками. При таком взгляде на оценочную семантику совершенно чётко вырисовывается не одно, а два ядра «макрополя» ОЦЕНКА. Эти два ядра отражают онтологически противопоставленные на оценочной шкале «полюса» и располагаются в центре соответствующих зон «оценочной модели мира» – положительной и отрицательной. Первым из этих двух ядер является ЛСВ со значением общей положительной оценки *хороший*, вторым – ЛСВ со значением общей отрицательной оценки *плохой*. Вокруг двух «полюсов» «оценочной модели мира» находятся ЛСП, представляющие ярко выраженную положительную или отрицательную оценку. На границе между положительной и отрицательной зонами (в «пограничной» зоне) распола-

гаются единицы, которые трудно однозначно отнести к положительной или отрицательной зоне.

2) Для того чтобы найти критерии семантической классификации, нам необходимо обратиться к определению феномена оценки. Как известно, существует немало определений оценки, однако практически все они согласуются в том, что оценка есть соотнесение предметов, событий, явлений окружающего мира с определёнными ценностями (или же, по терминологии Н.Д.Арутюновой, определение «соответствия между миром и его идеализированной моделью» – см.: Арутюнова 1999: 182). Это определение, однако, не отражает (да и не может) все нюансы оценки. Для такого сложного явления, как оценка, как нам кажется, невозможно найти всеобъемлющего определения. Каждое из определений отвечает лишь тем задачам, которые стоят перед исследователем. Нам необходимо определение оценки, которое бы соотносилось с полевым методом и в широком смысле имело бы в виду описание языковой картины мира. Главной чертой как «оценочной модели мира», так и языковой его картины является антропоцентричность.

Всё, что человек воспринимает органами чувств и разумом извне, прежде чем отразиться в языковой картине мира, проходит «сквозь» человека. Это, однако, можно сказать не только об отражении мира в языке, но и об оценке. Таким образом, оценка в нашем случае может получить следующее определение: оценка есть реакция человека на окружающий мир, состоящая в соотнесении реалий мира с миром ценностей.

То мнение, что семантическая классификация оценочной лексики невозможна, позволяло, однако, предлагать классификации, которые считались логическими (см. Вольф 2002: 27; Арутюнова 1999: 189-199). Нам семантическая классификация оценочной лексики представляется возможной, если при структурировании «оценочной модели мира» будет достаточно полно учитываться «человеческий фактор», т. е. «канал восприятия» реалий окружающего мира. При этом перспективным представляется первичное деление оценочной семантики на 1) пневмическую оценку (от греч. pneuma дух) – в неё входят единицы, обычно относимые к рационалистической и этической оценкам; 2) психическую оценку (от греч. psyche душа) – к ней относятся все оценочные словозначения, которые представляют собой выражение и названия чувствований (сюда входят в т.ч. значения ‘ласка’ и ‘брань, хула’); 3) соматическую оценку (от греч. soma тело) – в неё входят сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки, а также отчасти оценки эстетические (эстетические оценки, по-видимому, входят ещё и в состав группы психической оценки). Необходимо заметить, что это деление не является строгим, границы этих групп весьма и весьма размыты, и объективно существует немало единиц, которые в строгом смысле не могли бы быть отнесены только к одной из

них. Такое членение находит отражение в семном составе входящих в эти группы элементов.

Очевидно, что данные различия не являются результатом какой-либо *логической* классификации оценочной лексики. Эти различия лежат глубоко в структуре оценочных значений – эти различия *семантические*.

Цитируемая литература

Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики: 1982. – М.: Наука, 1984.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд-е 2-е, доп. – М., Едиториал УРСС, 2002.

Столярова Э.А. Лексико-семантическое поле оценки в разговорной речи. // Словарные категории. – М., 1988. – С. 186-191.

Ягубова М.А. Лексико-семантическое поле «ОЦЕНКА» в русской разговорной речи: Дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 1992.

Канд. филол. н. Д.А.Романов (Тула)

СТАТУС РИТМА В ЭМФАЗЕ И СПОСОБЫ РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Типология эмфаз закономерно приводит к анализу ритма и установлению его эмоционального наполнения. При этом вопрос о статусе ритма в науке не решен ни однозначно, ни окончательно. В структуре русской просодии вообще (не только эмоциональной) ему или отводят самостоятельное место, или помещают в область интонационной суперсегментизации как ее особую разновидность. Следует сразу исключить из рассмотрения литературоведческие трактовки ритма, лежащие исключительно на уровне поэтики и не имеющие к языку прямого отношения. Среди лингвистических концепций на сегодняшний день можно выделить две основные.

I. Ритм как вершинная и самая глобальная суперсегментная единица, надстраивающаяся над интонацией и объединяющая текст. По мнению В.В.Васильевой, устанавливается четкое соотношение сегментных и суперсегментных (объединительных) единиц: такт – ударение, фраза – интонация, текст – ритм. (Васильева, 1990). Ритмической организацией при таком подходе наделяется любой текст; без ритма текста не существует. Ритм создают выделенные и не выделенные логическим ударением такты (их упорядоченное единство), причем у каждого создателя текстов, например писателя, свой доминирующий ритм.

При всей логичности и внешней убедительности такой теории с ней едва ли можно согласиться. К сомнениям приводит сама стройность системы. Просодика в ее соотношении с линейными единицами речи не может быть столь однозначно стройна. Такт объединяется не только ударением, но и возможной незавершенной интонацией, а фразу скрепляет, помимо интонации, фразовая акцентуация и т.д. В тексте же свою роль играет и ударение, и интонация, и ритм. На наш взгляд, «возвышение» ритма над интонацией в иерархии суперсегментных единиц не может быть достаточно обосновано. Кроме того, сводить ритмическую организацию текста только к повторяемости единства выделенных и невыделенных тактов значит существенно обеднять разнообразие способов ее реализации.

II. Ритм как особая интонация – четко оформленная и повторяемая – рассматривается многими фонетистами и интонологами (напр., Л.Р.Зиндером, Ю.А.Жлуктенко и их научными группами: Интонация, 1978). Данный подход, так же как и приведенный выше, едва ли перспективен с точки зрения раскрытия в ритме еще не известных лингвистике сторон (главным образом, его семантического – психологического – наполнения). Во-первых, потому что интонация сама по себе – явление обязательное для фразы и текста, а ритм все-таки не обязателен: он маркирует лишь определенные тексты. Во-вторых, интонация довольно убедительно характеризуется через тоновые просодические цепи – интонационные конструкции (теория Е.А. Брызгуновой), ритм же столь четко и однозначно не определим.

Поэтому представляется наиболее продуктивным рассматривать ритм как особую форму организации интонации. Причем ритмически могут быть организованы как интонация в целом (в совокупности своих составляющих), так и ее отдельные компоненты. Применительно к эмфазе это выглядит следующим образом: а) ритмична вся эмфаза, б) ритм образуют по отдельности ее составляющие, в) ритм – регулярное чередование комбинаций эмфатических компонентов (темп + паузы, высота голоса + тембр и под.). Из отдельных составляющих эмфазы ритм могут создавать регулярно повторяемые 1) смена голосовых высот (движение тона), 2) изменение силы голоса, 3) динамика темпа, 4) упорядоченные тембральные модификации, 5) повторение пауз, 6) регулярные акценты (ударения). Движение тона изучено в системе ИК. Акцентный ритм подробно разработан стиховедением в теории литературы (тоника и силлабо-тоника). Прочие способы ритмической организации нуждаются в исследовании.

Любой ритм эмфатичен. Текст может содержать ритмическую динамику и ритмическую константность (моноритм). Эти специфические ритмические характеристики текста также всегда эмфатичны.

Канд. филол. н. А.В.Свиридова (Челябинск)

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *НЕ)*

Как всякая наука, лингвистика изучает не только свой объект, но и отражает языковое сознание человека, стремится к интеграции с другими научными дисциплинами – философией, психологией, литературоведением, социологией. Категория отрицания является универсальной для всех естественно развивающихся сущностей.

Отрицание, характеризуясь как часть целого – языковой системы, – предназначено обслуживать коммуникативные задачи, а значит, включено в текст. Формы языка или грамматические отношения закрепляют самое типичное в мышлении и могут отставать от развивающегося сознания, поэтому оно использует уже имеющиеся языковые средства в новых комбинациях.

Во фразеологическом уровне языка категория отрицания проявляет себя специфично: 1) маркер отрицания *не* образует путем экспликации новые ФЕ со значениями, противоположными значениям производящих фразеологизмов *(иметь цену – не иметь цены, выходить из себя – не_ выходить из себя);* 2) порождает переходные единицы типа *не особо, не_ фонтан, не прельщает, не очень* в дискурсе, особенно в публицистических текстах; 3) фразеологизмы с *не* идентифицируются лексемами и свободными словосочетаниями утвердительного характера (*не верить своим ушам* – удивляться услышанному, *рукам воли не давать* – избегать рукоприкладства, сдерживать гнев, *глаз не подымать* – стыдиться); 4) маркеры отрицания в современном русском языке обладают высоким потенциалом порождения устойчивых единиц типа *нет проблем, нет смысла, нет аналогов, нет толку, не прошибешь, не авторитет, не вагон* и др.; 5) обладая наивысшей степенью коннотации, ФЕ с компонентом *не* стремятся к многозначности и характеризуются разнообразными сочетаемостными рефлексами; 6) отрицательные маркеры образуют грамматические фразеологизмы – союзы, частицы – на основе лексических и фразеологических единиц, например: *едва – едва не, едва ли – едва ли не, чуть – чуть не, только – не только...,но и, если – если не, как бы – как бы не, как – как не;* 7) служит средством категоризации концептуализации действительности в человеческом сознании как на фразеологическом уровне, так и на лексическом (здесь уместно привести пример репрезентации концепта ‘несостоятельность социального статуса лица’ фразеологизмами с компонентом *не* разных семантико-грамматических классов).

Категорию отрицания, как языковую универсалию, рассматривать только в рамках одного фразеологического уровня считаю достаточно узкой специализированной задачей, так как она является принадлежностью высказывания, текста, фактором текстообразующего процесса.

Анализ категории отрицания в настоящее время находится не в области уровневого разделения или классификационного описания, а в аспекте наблюдения за функционированием глобальных категорий, обладающих системой значений и формальным выражением в языке и речи.

Докт. филол. н. В.С.Соловьева (Балашов)

АППОЗИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СИНКРЕТИЗМ

Аппозитивные отношения в синтаксисе выявлены в трудах А.А.Потебни, А.А.Шахматова, А.М.Пешковского, а позднее изучены отечественными лингвистами – А.А.Мухиным (1974), К.П.Орловым (1971), Л.А.Рыбаковой (1978, 1980), А.А.Камыниной (1983) и др. Аппозитивные отношения возникают между определяемым словом и приложением, то есть а п п о з и ц и е й (от лат. appositio) – приложение, согласуемое именное определение.

Важным свойством аппозиции является «двувалентность» – связь с определяемым элементом и со сказуемым, поскольку appositio – это «добавление одного элемента к другому, находящемуся в синтаксической связи с третьим элементом» (А.М.Мухин 1974: 244).

В составе предложения двувалентность, или дуплексия (АГ-80) доказывается экспериментально – путем устранения: при эллипсисе определяемого слова приложение «берет на себя функцию своего определяемого, а при эллипсисе сказуемого занимает позицию предиката» (А.А.Камынина 1983: 68).

Сравним:

Онегин, добрый мой приятель, Родился на брегах Невы –
Добрый мой приятель родился на брегах Невы;
Онегин – добрый мой приятель.

Подвергнув трансформации онегинские строки Пушкина, мы наблюдаем, как приложение «добрый мой приятель» в независимой позиции выполняет референтную роль субъекта, а во втором случае – атрибутивно-характеризующую роль предиката (Н.Д.Арутюнова 1992: 411). Находясь в субъектно-объектной роли (при эллипсисе определяемого), аппозитив усиливает значение предмета и сохраняет коннотативное (оценочное), как, например, субстантивированное прилагательное обладает ярким свойством синкретизма, совмещает значение предмета и его признака.

Способность существования аппозитива без определяемого (референта) выводит аппозитивные отношения за рамки одного предложения и даже целого текста, при этом аппозитивные связи приобретают ассоциативный характер и восстанавливаются на основе логико-мыслительной операции с опорой на ретроспективный (реже на перспективный) контекст: Куда поскачет мой проказник? (об Онегине); Защитник вольности и прав

В сем случае совсем не прав (о Руссо); Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй (внетекстовые референциальные связи романа «Евгений Онегин» – предположительно, об Ольге Калашниковой, «крепостной любви» Пушкина). В художественной речи распространителями референта являются средства «косвенной референции» – перифразы, синонимы, сравнения, обладающие аппозитивностью, двувалентностью и способные употребляться в отрыве от определяемого (референта) независимо или свободно, что нередко требует «перевода» на язык прямых номинаций. При этом «разгадка референции часто зависит от догадливости адресата» (Н.Д.Арутюнова 1982: 15) – читателя, от пресуппозиции (преждеизвестности) и носит поисковый характер.

Докт. филол. н. В.М.Хамаганова (Улан-Удэ)

АКТАНТНОЕ ЯДРО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОПИСАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

Вычленяемый на логической, функционально-смысловой основе (Н.С.Поспелов, М.П.Брандес, Г.Я.Солганик, О.А.Нечаева) – на значении синхронности существования признаков статичного объекта – фрагмент монологической части целого текста, репрезентирующий описательную микротему и названный термином “описание”, представляет интерес с точки зрения его структурно-семантической модели.

Визуальное описание (в дальнейшем “описание”) в отличие от описания-характеристики номинирует синхронно существующие конкретные признаки объекта действительности, воспринимаемые в определенный момент времени, причем положение воспринимающего зафиксировано в определенной точке пространственно-временного континуума.

Описание обладает семиотическими свойствами, которые присущи знаковым системам: наличие “постоянных” и “переменных” величин в его структурно-семантическом составе.

Применение теории В.Я.Проппа как семиотического принципа, дающего основание классификации сущностей по их функциям, позволило вскрыть ряд закономерных свойств описательного текста. Семиотический принцип высветил определяющую роль актантного ядра в описательном тексте. Являясь “переменной “ величиной в составе описательного текста, актантное ядро, “скрепленное” предикатами со значением “существование” (“постоянная величина”), выполняет деривационную, текстообразующую функцию в описательном тексте, ибо именно оно передает содержательную суть текста.

Синтаксическое оформление описательного текста строится на основе бытийных предложений всех семантических разновидностей и предложений характеризации; описание имеет такое же соотношение “постоянных”

и “переменных” элементов, как бытийное предложение: ”постоянным” является значение предиката (“существование”); “переменной” величиной – область бытия и бытующий предмет, образующие актантную часть. Изначальная первичность значения бытийности в предложениях характеризации актуализируется в описательном тексте как основное

В описательном тексте, онтологически связанном со значением бытийности, трехчленная семантическая структура используется своеобразно. Один из типичных образцов выражения семантической структуры бытийности в описательном тексте заключается в том, что локатив описания, находящийся в начале текста, распространяет свое значение на все компоненты микротемы, поэтому каждое предложение, входящее в описание как его компонент, содержит значение “зоны бытия”, хотя вербально в каждой предикативной части оно не выражено. Текстовая детерминантность “зоны бытия” является способом выражения объекта действительности, подвергающегося описанию. Например: “В спальной не было ни души. Утреннее солнце било в окно сквозь спущенную занавеску, и дрожащий луч, тонкий, грациозный, как лезвие, играл на графине. Слышался стук колес...” (Чехов. Тиф.)

Отражая предметный характер воспринимаемой говорящим действительности, актантное ядро является логико-смысловым началом описательного текста. Ядром повествовательного текста служит перечисление действий объекта, вербализованных предикатами предложений.

Основополагающее значение актантов подтверждается анализом интонационных свойств (Н.В.Черемисина) описательного текста: синтагматическое или фразовое ударение выделяет актанты как содержательно значимые элементы, смысловые центры высказываний, составляющих описательный текст.

Исследование показало, что актантное ядро описания содержит иерархически неоднозначные семантические компоненты, которые определяют состав и семантические свойства модели описательного текста.

Применение семиотического принципа в исследовании текста типа “описание” позволяет обнаружить новое свойство, дифференцирующее описание и повествование, – их деривационную основу – актантное или предикатное ядро.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

М.А.Грабарская (Пенза)

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ФЕНОМЕНА ПОНИМАНИЯ НА РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ

Продолжая традиции ученых, обозначающих подходы, ориентированные на анализ когнитивной активности индивида в условиях естественной целенаправленной деятельности (Г.М.Андреева 1999: 15), мы предлагаем рассмотреть роль когнитивных процессов на разрешение конфликтной ситуации.

Реальность и картина мира, присущая субъекту сильно различаются и это отличие наиболее ярко выступает в исследованиях иллюзорного восприятия (псевдоскопии зрительного образа, инверсии, фи-движения и т. п.) и в исследованиях межличностного восприятия (пристрастность субъектов восприятия, их индивидуальный опыт и жизненная позиция обусловливают характер межличностного общения).

Ориентация в окружающем мире всегда была потребностью человека, а ускоряющийся темп социальных изменений, заставляет людей учиться межличностному взаимодействию, познавать явления социальной природы и находить пути благоприятного разрешения конфликтных ситуаций, при которых каждая сторона будет принимать исход конфликта как благоприятный. Для адекватной деятельности необходима правильная интерпретация событий, однако, обыденный человек, при оценке окружающей действительности, опирается на упорядоченную систему представлений и знаний об окружающем мире, сформированную на ранних этапах развития и реконструирующуюся в процессе жизнедеятельности, отражением этой системы являются понятийные схемы или конструкты. Так как в познание реального мира включены субъективные вкрапления, то и вся структура внутреннего мира человека представляет собой субъективное отражение реального мира. Исходя из этой структуры, человек интерпретирует события, происходящие с ним, и объясняет взаимосвязь между социальными ситуациями и поведением человека, а также между поведением и его результатами**.**

Влияние структуры жизненного мира человека на его взаимодействие с окружающими людьми не осознается им самим и воспринимается как объективное видение ситуации и адекватное реагирование на нее («наивный реализм»). Непонимание факта наличия субъективной картины мира как у себя самого, так и у оппонента приводит к убеждению, что собственное восприятие мира единственно правильное, что при интерпретации ситуации другие люди должны прийти к такому же мнению и действовать так же. Из этого убеждения вытекают и ошибки атрибуции, их отражение в действии и восприятие этих действий другим субъектом как реальных.

Отсюда следует, что отражение субъективного понимания ситуации также является субъективным. При особой значимости ситуации для субъектов, их взаимодействие, основанное на искажении объективной реальности и убеждении, что собственная точка зрения единственно правильная и тождественна Истине, приводит к конфликту.

Отметив данную особенность межличностного взаимодействия, основанного на преобладающем влиянии перцептивных факторов, мы предположили, что объективной составляющей межличностного конфликта в таком случае является перцептивная и мотивационная предвзятость и разрешение конфликта во многом зависит от преодоления этих барьеров. Однако, как показывает практика, простое указание субъектам конфликта на их ошибки восприятия или объяснение механизмов восприятия не приносят ожидаемого благоприятного результата. В качестве условия преодоления ошибок восприятия, мы рассмотрели осознанность субъективной реальности и ее причин. Мы предположили, что для разрешения конфликта необходимо понимание и принятие его объективной составляющей. Объективной составляющей межличностного конфликта в таком случае будет когнитивная, перцептивная и мотивационная предвзятость, которая проистекает когда когнитивные представления, которые нам случается выбирать или приходится использовать, оказываются неточными в каком-либо существенном отношении или когда мы применяем их не к месту (игнорируем или эксплуатируем имеющуюся информацию).

Понимание субъектами конфликта объективной реальности зависит от понимания фактов:

1) у каждого из них существует сложный внутренне структурированный мир;

2) эти миры очень отличаются друг от друга;

3) из-за уникальности жизненных миров разные люди по-разному и интерпретируют ситуацию и по-разному в ней действуют (по-разному отражают).

Целью нашего исследования было рассмотрение взаимодействия перцептивных и когнитивных факторов в конфликтной ситуации и изучение влияния динамики понимания объективной реальности на разрешение конфликтной ситуации. Для достижения поставленных нами задач, в практической части работы мы провели психологическое измерение и интраиндивидуальный эксперимент.

Человек познает мир, в зависимости от того, как в нем действует и действует в зависимости от того, как познает. Исходя из положения, что человек постоянно соотносит свои знания со знанием социального окружения, познавая таким образом мир и действует в нем на основе полученных знаний, в нашем исследовании по изучению влияния динамики осознания на разрешение конфликта, в создании картины объективной реальности принимала участие группа, состоящая из 11 учащихся гуманитарной

гимназии №1 г. Печоры. Возрастной диапазон участников группы составлял от 16 до 20 лет.

Предметом конфликта выступало стремление каждого из участников конфликта на зачете оказаться лидером для получения приза, который являлся объектом конфликта – поездка в Санкт-Петербург на конференцию по изучаемому предмету. Победители выявлялись в течение года по бальной системе, введеной с общего согласия группы. В финал вышло двое участников группы (S1 и S2).

Таким образом, объективная реальность данного межличностного конфликта в данной группе состояла из субъективной интерпретации конфликта всеми участниками группы и уникальных конструктов, присущих каждому человеку и служащих основанием для данной субъективной интерпретации.

Известно, что феномен понимания проявляется в мыслительном процессе, а стимулом мышления является проблемная ситуация. Однако, как мы видели, в общем случае, проблемную ситуацию возможно преодолеть на уровне перцептивной или вообще образной регуляции действий. Но этот выбор остается перцептивным, поскольку «вектор» траектории обходного пути задается структурой перцептивного поля и не требует для его «извлечения» никаких специальных преобразований (Л.М.Веккер 2000: 241). Исходным пунктом специфически мыслительного пути преодоления информационного дефицита стимульной ситуации является вопрос. Вопрос есть психическое отображение нераскрытости, непредставленности тех предметных отношений, на выяснение которых направлен весь последующий мыслительный процесс. Проблемный же характер вопроса, при котором пусковая функция выражена гораздо более явно, заключается не просто в факте нераскрытости соответствующих отношений, а в факте их непонятности. Здесь в исходном пункте мыслительного процесса отсутствует понимание отношений – важнейшая характеристика мысли как результата этого процесса. Такое информационное выражение нераскрытости и непонятности предметных отношений самим фактом информации о соответствующем информационном дефиците ставит задачу, в собственном смысле этого термина, т.е. задачу как специфически мыслительный феномен, составляющий начальную фазу мыслительного процесса направленного на устранение этого дефицита и тем самым представляющего собой его решение. В этом состоит сущность распространенной трактовки процесса мышления именно как решения задач. Самая же задача описывается и определяется в экспериментальной психологии как «знаковая модель проблемной ситуации» (Л.М.Фридман 1963).

В нашем случае, для понимания субъектами собственной субъективной интерпретации конфликтной ситуации и причин, породивших этот субъективизм, мы должны предоставить им задачи, отражающие дефицит понимания отношений между собственной интерпретацией и видением

ситуации другими людьми, а также отражающие дефицит в понимании причин, породивших разницу в интерпретации. Задачи должны быть сформулированы в вопросах, ответы на которые будут раскрывать данные отношения и приводить к пониманию субъектами конфликта объективной реальности – наличие субъективности при интерпретации картины мира и наличие уникальных жизненных миров у разных людей.

Объективная реальность, таким образом, для испытуемых нашего эксперимента состоит в наличии субъективной интерпретации конфликта и наличии причин, по которым происходит субъективная интерпретация. Так как наши задачи должны отображать дефицит информации об объективной реальности, то нераскрытость отношений в *интерпретации* конфликта участниками конфликта и видения ситуации группой в первом случае будет выражаться в вопросе: «Как видят ситуацию другие?», а нераскрытость отношений в *причинах* субъективной интерпретации, будет выражаться в вопросе: «Почему другие видят ситуацию по-другому?».

Мы предположили, что совершение мыслительных операций в решении данных задач, приведет к пониманию субъектами конфликта более глубоких причин своего противостояния, а осознание объективной реальности будет способствовать благоприятному разрешению конфликта.

Первая разработанная нами задача состояла из вопросов, отражающих ожидаемый и действительный результат собственной интерпретации конфликта и видения ситуации группой и, следовательно, разницу в интерпретации конфликтной ситуации группой и участниками конфликта.

Вторая разработанная нами задача состоит из вопросов, составленных по принципу осуществления мыслительных операций: сравнения, анализа, синтеза, абстракции и конкретизации. Эти вопросы способствуют поэтапному продвижению к пониманию уникальности жизненных миров и принятию собственной субъективной интерпретации и других личностей.

Использовав таблицу, разработанную А.В.Дмитриевым для интерпретации конфликта самими субъектами, и модифицированную таблицу А.В.Дмитриева для интерпретации конфликта другими участниками группы, мы смогли разработать задачу, решение которой дает ответ на вопрос: *«Как видят ситуацию другие?»,* Модифицированная нами методика отображает те же параметры оценки конфликтной ситуации, но вместо граф «МОИ» «ОППОНЕНТА», мы использовали «S1» и «S2». Задача помогает субъектам конфликта (S1 и S2) выявить разницу между собственной интерпретацией ситуации конфликта и интерпретацией участников группы. Перечень параметров, по которым испытуемые должны описать конфликт, состоит из 10 компонентов. Исходя из данных компонентов, участники группы, которые будут интерпретировать ситуацию, должны будут максимально точно ее описать, то есть *отразить.* В то же время, зная действие субъективной интерпретации, рассмотренной нами ранее, мы не можем не учитывать, что размытость границ категориальных суждений,

представленных в данной таблице, дает простор для действия механизмов субъективной интерпретации и проявлений «наивного реализма».

Ответы при решении задачи, раскрывающей дефицит в понимании различной интерпретации конфликтной ситуации, должны отражать разницу в интерпретации конфликтной ситуации самими субъектами и группой. Перед субъектами конфликта поставлена задача, которая выражается в следующих вопросах:

Вопрос № 1: «Как ты думаешь, описание ситуации конфликта группой похоже на твое описание?»

Вопрос № 2: –«Сколько человек видят ее также как и ты?»

Затем мы предъявляли стимульный материал в виде диаграммы, отражающей интерпретацию конфликтной ситуации группой. Для наглядного представления интерпретации конфликтной ситуации участниками конфликта, для каждого параметра были введены критерии, отражающие субъективную интерпретацию данной ситуации группой и субъектами и соответствующие возможным искажениям конфликтной ситуации. Результаты - как интерпретируют ситуацию конфликта участники группы, выделили на диаграмме и представили субъектам конфликта S1 и S2.

Вопрос № 3: «Что ты можешь сказать, глядя на данную диаграмму?»

Следующий шаг в данной задаче – предоставление ответов каждого участника группы, рассортированных нами по параметрам, и собственные ответы субъектов конфликта по таблице А.В.Дмитриева.

Вопрос №4: «По каким вопросам мнения участников группы совпадают с твоим видением ситуации и сколько человек видят ситуацию точно также как и ты?» Полученные субъектами конфликта данные отражают разницу в собственной и групповой интерпретации конфликтной ситуации. Рассогласование ожидаемого и действительного результата, могут привести к возникновению у субъектов потребности поиска причин и объяснения данного рассогласования через применение «схем причинностей», без углубленного понимания и принятия объективной реальности. Поэтому, следующим нашим шагом была разработка задачи, отражающей дефицит понимания отношения причин субъективной интерпретации и следствия – субъективной интерпретации

Исходный информационный дефицит преодолевается, и задача поэтапно решается путем осуществления мыслительных операций. К числу основных мыслительных операций относят:

1. Сравнение, вскрывающее отношения сходства и различия между соотносимыми объектами.

2. Мысленное расчленение целостной структуры объекта отражения на составные элементы (анализ).

3. Мысленное воссоединение элементов в целостную структуру (синтез).

4. Абстракция и обобщение, при помощи которых выделяются общие признаки, “освобождение” от единичных, случайных и поверхностных “наслоений”.

5. Конкретизация, являющаяся обратной операцией по отношению к абстрагирующему обобщению и реализующая возврат ко всей полноте индивидуальной специфичности осмысливаемого объекта.

С.Л.Рубинштейн, описывая мыслительные операции, вполне обосновано указал на то существенное положение, что эти операции - не просто различные рядоположные и независимые варианты умственных действий, а что между ними существуют отношения координации, поскольку они являются частными, видовыми формами основной, родовой мыслительной операции: «Все эти операции являются различными сторонами основной операции мышления-«опосредования», т.е. раскрытия все более существенных объективных связей и отношений» (цит. по: Л.М.Веккер 2000).

Для разработки задачи, решение которой дает ответ на вопрос: «Почему другие видят ситуацию по-другому?», мы используем метод репертуарных решеток Дж. Келли. Основывая свой подход на философии конструктивного альтернативизма, гласящего, что "любое событие для любого человека открыто для многократного интерпретирования", Келли полагал, что люди воспринимают свой мир при помощи четких систем или моделей, называемых конструктами. Понимание вероятностной разницы в построении решеток разными людьми, должно способствовать пониманию и принятию различной, субъективной интерпретации окружающего мира. При создании вопросов, мы также опирались на предложенные Г.Келли критерии принятия решений, использование которых могло бы привести к формированию правильных атрибуций.

В соответствии с нашей целью, мыслительные операции должны раскрываться в сущности вопросов, поставленных перед субъектами. Вопросы в таком случае будут звучать следующим образом:

Скажи, твоя решетка похожа или не похожа на конструкт S1/S2?

По каким элементам твой конструкт может совпадать с решеткой S1/S2, а по каким – различаться?

Можно ли людей, находящихся в ваших решетках объединить как-то еще?

Исходя из рассмотренной решетки, скажи, как ты думаешь:

а) во всех ли ситуациях люди с самыми отрицательными качествами вели себя одинаково плохо?

б) если бы была такая же ситуация раньше, мог ли тогда S1/S2 поступать так же, как сейчас?

в) как другие люди будут поступать в подобной ситуации?

г) Что показывает твоя решетка?

Факт понимания данных причин фиксировался нами по проявлениям действия пецептивных факторов, а именно: по направлению суждений о

конфликтной ситуации и действиях оппонента, по интенсивности экспрессивных и инструментальных реакций и проявлению механизмов перцептивной защиты, а также по когнитивным факторам: по промежутку времени, затраченному на осмысление, по глубине суждений, отражающих понимание этих причин.

При проведении исследования мы выделили основные этапы, характеризующиеся динамикой развития конфликтной ситуации и нашим воздействием на ее ход. Первый этап, таким образом, мы назвали *началом конфликта*, второй этап – *развитием конфликтной ситуации и действием мотивации на ее разрешение,* третий этап – *решением первой задачи и решение второй задачи,* последний – четвертый этап – *разрешением конфликта*. До и после конфликта нами было проведена диагностика коммуникативной установки по методике В.В.Бойко.

Каждый этап нашего эксперимента включает в себя ряд стимулов, предъявляемых испытуемым и их ответов, зафиксированных в виде проявления перцептивных и когнитивных факторов в соответствии с критериями, введенными нами при шкалировании стимулов. Стимулы, предъявляемые нами и зависящие от нашей воли, представлены следующими воздействиями: *на первом этапе* – напоминание по нашей просьбе руководителем группы о зачете и условиях поощрения за лучшие показатели, *на втором этапе* мы воздействовали на динамику конфликтной ситуации обращением к группе и субъектам конфликта, мотивируя их к взаимной помощи в разрешении конфликта и оказали влияние, ответив на вопросы S1и S2 о значении процедуры исследования, *на третьем этапе* мы предъявили стимульный материал в виде двух задач. Кроме того, субъектам конфликта было предоставлено время для осмысления полученных результатов в промежутке между первой и второй задачами. *На четвертом этапе* наше воздействие заключалось в вопросе к участникам конфликта как они оценивают результаты зачета. Так же мы фиксировали действие других переменных, независящих от нашей воли. На первом этапе это было взаимодействие самих субъектов конфликта, на втором этапе – взаимодействие субъектов конфликта, просьбы группы прекратить перепалку субъектами S1 и S2 и приступить к исследованию, а также – включение группы, кроме самих субъектов в процедуру психологического измерения, третий этап не содержал фиксируемых нами побочных переменных, на четвертом этапе их воздействие характеризовалось ситуацией зачета и определением победителя и взаимодействием субъектов между собой и с группой.

Данные, полученные при ранжировании ответов испытуемых по каждому критерию были внесены в сводную таблицу. Таблица подходит для множественной интерпретации, однако мы рассмотрим главное. В соответствии с нашей гипотезой, в конфликтной ситуации перцептивные и когнитивные факторы взаимодействуют. Чтобы проверить данную часть

гипотезы, мы провели сравнительный анализ полученных данных. Для наглядности полученные результаты мы отобразили действие перцептивных и когнитивных факторов в конфликтной ситуации на графике (здесь не приводятся).

Проведенный нами сравнительный анализ взаимодействия перцептивного и когнитивного факторов в конфликтной ситуации показал, что на начальной фазе конфликтной ситуации решающую роль играют механизмы перцептивного фактора, которые выражаются в субъективной интерпретации как самой ситуации конфликта, так и причин ее возникновения, а также в объяснении поведения других субъектов как основанного на эгоизме или идейной предвзятости. Кроме того, убежденность в собственной правоте не требует у самих субъектов в нашем случае подтверждения, в результате чего мы могли наблюдать тактику «ухода» от разрешения конфликта. В связи с данным фактом, мотивация субъектов конфликта являлась внешней, а именно: с помощью группового воздействия, что мы наблюдали на этапе развития конфликта. Действие когнитивных факторов на данных этапах является скачкообразным, что вероятнее всего связано с длительностью времени при определении своей позиции в конфликте и затем решению данной ситуации на перцептивном уровне. Подобное решение оставляет не задействованными процессы мышления в их специфическом качестве, проявляясь в импульсивности ответов на воздействие стимулов в соответствии с выбранной ролевой позицией.

Третий этап дает нам возможность рассмотреть переход приоритетного действия в конфликтной ситуации перцептивного фактора – когнитивному, для этого изучим его более подробно. Начало третьего этапа – решение первых вопросов в первой задаче, выявляющих ожидаемые результаты интерпретации конфликта группой, характеризуется низким уровнем проявления когнитивных факторов, что выражено в малом промежутке времени между воздействием и ответной реакцией субъектов и уверенности в предсказании результатов, не являющихся реальной действительностью, данный факт объясняется отражением S1 и S2 своих ролевых позиций, занимаемых в данной конфликтной ситуации. Воздействие, характеризующееся предъявлением диаграммы видения конфликтной ситуации группой, а также вопросом, требующим от субъектов пояснить свои мысли по поводу полученных результатов, способствовало резкому росту действия когнитивных факторов, проявляющегося в длительности обдумывания и выражении частичного понимания разницы между собственной интерпретацией конфликта и интерпретации группы через простые незаконченные предложения, действие перцептивного механизма в форме «последней попытки» у S1 и «веры в справедливый мир» у S2. Наблюдаемую нами реакцию у S1, можно обосновать как стремление субъекта совладать с ситуацией расхождения ожидаемых и действительных результатов, не подтверждающих его позицию и не принесших удовлетворения. Результаты

видения конфликтной ситуации группой способствовали их принятию S2, а потому, смене каузальных ожиданий, каузальных представлений и механизма перцептивной защиты. «Переломный» момент в процессе решения задач у обоих субъектов отразился при ответе на следующий вопрос: «Исходя из рассмотренной решетки (репертуарная решетка Дж. Келли), как ты думаешь, во всех ли ситуациях люди с самыми отрицательными качествами вели себя одинаково плохо?» Признание субъектами факта *относительности* отрицательных характеристик неприятных им людей является самым сложным барьером на пути разрешения конфликтной ситуации.

Мы наблюдали преодоление барьеров на пути понимания объективной реальности и действие в этом процессе механизмов мышления. Вероятно, решение задач, направленных на выявление все более глубоких закономерностей в отношении наличия субъективной интерпретации и ее причин, способствует более полному пониманию объективной реальности и ее принятию, что должно привести к разрешению конфликтной ситуации. Наблюдаемое нами взаимодействие субъектов после объявления результатов зачета можно охарактеризовать как положительное, что предполагает разрешение конфликта.

Далее мы проверим вторую часть гипотезы, заключающуюся в предположении о том, что осознание объективной реальности способствует благоприятному разрешению конфликта. Для начала проверим, что в динамике рассмотренной нами конфликтной ситуации, понимание является следствием решения задач, а не воздействия посторонних факторов, так как именно решение задач приводит к осознанию объективной реальности. Для проверки данного факта, мы нашли средние значения показателя действия когнитивного фактора в рассматриваемой конфликтной ситуации, объединив предварительно для удобства подсчетов первый и второй этапы конфликтной ситуации, после чего внесли в таблицу:

1 – начало и развитие конфликтной ситуации

2 – решение задач

3 – разрешение конфликта

	1	*2*	*3*
S1	6,14	12	9,6
S2	7	12	9

Полученные значения были обработаны при помощи факторного анализа, тем самым была выявлена степень достоверности нашего предположения. F эмпирическое > F критическое, что подтверждает наше предположение о существенном проявлении когнитивного фактора при решении задач в отличие от его проявления при воздействии других переменных (Е.В.Сидоренко 2001: 240-245).

Окончательный анализ был проведен на результатах тестового и ретестового исследования коммуникативной установки В.В.Бойко при помощи φ критерия – углового преобразования Фишера (Е.В.Сидоренко 2001: 161-162). Данные, полученные при проведении измерения, показывают высокий уровень негативной коммуникативной установки на начальной стадии конфликтной ситуации и его значительное снижение при завершении конфликта. При помощи метода математической обработки полученных данных, мы выявили достоверность нашего предположения, что конфликт между субъектами S1 и S2 разрешен и результаты разрешения конфликта воспринимаются ими как благоприятные.

Проведенное нами исследование показало взаимодействие перцептивных и когнитивных факторов в конфликтной ситуации, а так же существование влияния феномена понимания нераскрытых ранее отношений на разрешение данного конфликта. Действие перцептивных факторов, проявляющееся в создании барьеров на пути разрешения конфликтной ситуации, по мере разрешения конфликта, меняет направление, барьеры преодолеваются, восприятие объективной ситуации происходит через ее принятие, и преобладающее влияние когнитивных факторов становится более наглядным. Решение задач, направленных на выявление все более глубоких закономерностей в отношении наличия субъективной интерпретации и ее причин, способствует более полному пониманию объективной реальности и ее принятию, что привело к разрешению конфликтной ситуации.

При составлении экспериментального плана и проведении исследования, мы учитывали не только зависящие от нас воздействия, но и действие побочных переменных, которые всегда проявляются в жизненных ситуациях и влияют на поведение субъектов, но зачастую остаются не учтенными.

Изучив особенности взаимодействия процессов перцептивного и когнитивного факторов в конфликтной ситуации и динамику влияния феномена понимания на ее разрешение, мы выявили перспективу дальнейшего изучения роли социального познания в жизнедеятельности человека, изучения влияния рассмотренных нами закономерностей на разрешение других типов конфликтных ситуаций на разнообразных выборках испытуемых.

Цитируемая литература:

Андреева Г.М. К проблематике психологии социального познания. Цикл "Психология социального познания", посвященный юбилею Г.М.Андреевой. // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 15-23.

Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – М.: Смысл; Per Se, 2000. – 685 с.

Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: ООО «Речь», 2001. – 350 с., ил.

Фридман Л.М. Моделирование как форма продуктивного мышления в процессах постановки и решения задач // Экспериментальное исследование продуктивных творческих процессов мышления. М., 1963.

Соискатель А.К.Григорьева (Пенза)

ОШИБКИ МЫШЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ошибками мышления мы называем фактические и логические ошибки, которые возникают в процессе познания действительности и отражают искажения картины мира в создаваемых языковыми личностями речевых произведениях. Появление этих ошибок обусловлено “сбоями” в функционировании “механизма эквивалентных смысловых замен”, составляющего основу знаковой действительности индивида (О.Д.Кузьменко-Наумова), а качественные и количественные соотношения определяются характером отражаемых объектов действительности и познавательными возможностями языковой личности.

Изменение качественно-количественных характеристик ошибок позволяет объективировать некоторые стороны процесса формирования речевого мышления – необходимой составляющей языковой компетенции.

Уровни языковой компетенции / Виды ошибок		Учащиеся начальных классов	Учащиеся средних классов (5-8)	Учащиеся старших классов	Ученые и учителя
Ошибки мышления		2,8%	3,1%	5,5%	9,1%
в том числе:	Фактические	1,1%	1,4%	2,1%	2,8%
	Логические	1,7%	1,7%	3,4%	6,3%

Как следует из таблицы, по мере повышения уровня владения языком доля ошибок мышления в общем количестве ошибок обнаруживает тенденцию к увеличению, что связано, на наш взгляд, с расширением круга объектов, подлежащих “означиванию”, изменением характера отражательной деятельности мышления и усложнением функций речи как “способа формирования и формулирования мысли” (И.А. Зимняя).

Совершенствование языковой компетенции происходит на основе развития словесно-логического (понятийного) мышления, а переход от одного речевого возраста к другому обеспечивается формированием новых операциональных структур. Можно сказать, что речевое мышление развивается от установления предметно-понятийных соответствий к фор-

мированию и совершенствованию межпонятийных связей. Это отражается в изменении “качества” фактических и логических ошибок у лиц разного уровня владения языком.

Так, в речевых произведениях учащихся начальных и средних классов к наиболее частотным можно отнести фактические ошибки, свидетельствующие о недостаточном уровне усвоения денотативно-сигнификативной структуры значения слова: *Белка спряталась в* ***конуру****; Она* [белка] *побежала поглубже в лес, чтобы сделать там себе* ***норку****.*

О трудностях “формирования правильного сигнификата” (С.Н.Цейтлин) свидетельствуют и некоторые виды логических ошибок, когда, например, в качестве однородных членов в предложении объединяются слова, имеющие видовое и родовое значение: *В лесу живут разные* ***звери и белки****.*

Отметим, что по мере овладения языком количество ошибок данного типа сокращается, а к старшему школьному возрасту они исчезают совсем, зато увеличивается число фактических ошибок, обусловленных употреблением терминов – “языковых знаков второго порядка” (Л.Б.Ительсон), предназначенных для описания и моделирования отношений между идеальными объектами. Искажается как общественно-политическая, так и филологическая терминология: *Великая Октябрьская социальная революция; Более красочно помогают представить картину эпитеты: прошла ее пора; Эта фонема наполнена лексическим смыслом.*

Переход мышления с эмпирического уровня на теоретический в плане формирования языковой компетенции сопровождается появлением в речи (начиная со среднего школьного возраста) логических ошибок, вызванных нарушением “закона единства оснований” (А.А.Киклевич), когда в суждениях (предложениях) смешивается логика жизни и логика литературного произведения, совмещаются факты языковой и внеязыковой действительности: *Самсон Вырин был мученик четырнадцатого класса; Музыкальный ряд образуют флейта и ноктюрн, которые связаны глаголами; Самым бурным всплеском негативных эмоций можно считать синтаксические конструкции, употребляемые в качестве клятвы-угрозы.*

Частотность подобных ошибок у лиц среднего и высшего уровней языковой компетенции свидетельствует от устойчивости операциональных структур эмпирического мышления и сохраняющейся во всех речевых возрастах асимметрии когнитивного и языкового развития личности.

Учитель Т.В.Муштакова (Пенза)

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Для проверки предположения о том, что звуковой состав ключевых слов соотносится с общим текстовым звукорядом, мы решили поставить

эксперимент (всего получено более тысячи ответов). Суть его заключалась в следующем.

Опрашиваемым были розданы карточки с печатным текстом двух вариантов одного и того же стихотворения. Предлагалось выполнить следующие задания:

1. Прочитайте стихотворения. Пронумеруйте их цифрами 1 и 2: цифрой 1 – то, которое, по вашему мнению, было написано первым, цифрой 2 – то, которое было написано вторым.

2. Обведите в кружок цифру того варианта, который вам больше понравился.

3. На обратной стороне карточки напишите свое место учёбы или работы и объясните, почему вы сделали именно такой выбор.

Цель эксперимента до опрашиваемых не доводилась. Когда некоторые из участников спрашивали, правильно ли они поняли смысл опроса, экспериментатор – в соответствии с полученными рекомендациями – уходил от ответов и сообщали: 1) «Эти стихотворения написал один из пензенских поэтов, и мне интересно, совпадает ли ваш вариант с действительностью»; 2) «Это нужно студентке педагогического университета для дипломной работы» и т.п.

Встретились – правда, редкие – случаи отказа от ответов: некоторые опрашиваемые считали, что это проверяют их интеллект, который по результатам мог бы оказаться ниже среднего уровня. В таких ситуациях участников эксперимента выполнять задания не заставляли.

В качестве одного из экспериментальных текстов использовались такие его варианты:

Анна, Анна…
Всё чуточку странно…
Бродят вопросы
И просят ответ:
Будет ли тайна?
Будет секрет?
Анна!
Быть исполненью мечтаний?
Да?
Или нет?
Анна, Анна!
Мне нужен совет:
Время ползущее
Как переждать?
Глаз твоих свет
Даст мне судьба?
Анна, Анна,
Я знаю ответ –

Таня, Таня…
Тот танец чуть странный…
Бродят вопросы
И просят ответ:
Будет ли тайна?
Будет секрет?
Таня!
Быть исполненью мечтаний?
Да?
Или нет?
Таня, Таня!
Мне нужен совет:
Время ползущее
Как переждать?
Глаз твоих свет
Даст мне судьба?
Таня, Таня,
Я знаю ответ –

Нет	Нет
Или да…	Или да…

Использование статистических инструментов позволяет утверждать, что при ответе на первый вопрос опрашиваемые (студенты вузов и ученики школ г. Пензы) не смогли точно определить очередность появления этих вариантов (статистически существенные различия среди разных групп испытуемых отсутствуют).

В то же время достаточно большое количество испытуемых (чаще всего лица с гуманитарным образованием) оценило первый вариант стихотворения как более ценный, как эстетически более привлекательный.

Заметим, что предпочтение варианта с именем Анна может быть связано с более богатыми фоносемантическими возможностями этого имени (сравнительно с именем Таня).

Предпочтение варианта с именем Анна обосновывалось следующим образом:

1) чувствую это подсознательно;

2) строчка «Все чуточку странно…» больше подходит по логике, чем слова про танец;

3) имя Анна более подходит под общий стиль стихотворения;

4) стихотворение с именем Анна «льется» без преград с мягкой аллитерацией «н». Это продукт вдохновения. Стихотворение более лиричное и романтичное;

5) для такого интересного стихотворения больше подходит полное имя Анна;

6) не понравилась строчка «Тот танец чуть странный…», а строчка «Все чуточку странно…» одна может стать целым стихотворением, отдельным произведением;

7) в варианте с именем Анна упоминается полное имя, а это, как считают некоторые психологи, свидетельствует о целостном восприятии данной личности;

8) в полном имени Анна больше чувств, чем в «домашнем» имени Таня;

9) рифма «Анна – странно» лучше, звучнее, чем рифма «Таня – танец»;

10) стихотворение с именем Анна лучше звучит. Чем-то эта Анна напоминает Анну Каренину;

11) в стихотворении с именем Анна лирический герой с уважением относится к девушке. Для него <u>все</u> кажется странным, а не только танец; и т.п.

Проведенный эксперимент (а нами привлекались и другие стихотворные тексты) позволяет утверждать, что хотя отчётливый параллелизм в порождении и восприятии стихотворного текста не выявлен (количественные различия правильных и неправильных ответов на первый вопрос не

выходят за рамки одной статистической вероятности), но всё-таки «истинные» стихотворные варианты стабильно оцениваются носителями русского языка как более эстетически привлекательные. В этом смысле проблема параллелизма в порождении и восприятии стихотворного текста не лишена смысла и нуждается в продолжении исследований.

Докт. филол. наук И.М. Румянцева (Москва)

«НА ЗАКАТЕ «АКМЭ»: ДИНАМИКА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТАРОСТИ И ИХ КОРРЕКЦИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

«Акмеология» (от греческого «акмэ» – период наивысшего расцвета человеческой личности) – раздел возрастной психологии, занимающийся проблемами зрелой личности. Нам близка точка зрения, согласно который зрелость подразделяется на раннюю (17–25 лет), собственно зрелость (25–50 лет) и позднюю зрелость (50–75 лет).

В педагогической практике автора встречалось немало людей в возрасте 60–75 лет, которые при помощи нашей психокоррекционной учебной системы с успехом овладевали иноязычной речью.

У пожилых людей, помимо жестко сформировавшихся психологических стереотипов и барьеров, обычно возникают возрастные физиологические изменения, связанные с нормальным старением. Это приводит к ухудшению некоторых видов памяти, восприятия, объема и переключения внимания, скорости работы мыслительных процессов. Так, любое незначительное возрастное нарушение сенсорных функций (ухудшение слуха, зрения, обоняния, осязания и даже вкуса) может способствовать искажению восприятия и других психических процессов. Органы чувств – «это ворота в мозг», поэтому, и органы чувств (сенсорику), и сами чувства нужно регулярно тренировать.

Иногда физиологические изменения в области сенсорики у пожилых людей становятся стойкими. Наиболее встречающимся дефектом оказывается нарушение слухового восприятия, что особенно отражается на понимании звучащей речи. Чаще всего такое нарушение проявляется в том, что человек перестает слышать звуки высокой частоты или слышит их очень приглушенно. А если принять во внимание, что звуки речи представляют собой целый «оркестр» из различных частот (от низких до высоких), и что именно высокие частоты в наибольшей степени ответственны за звукоразличение, то становится понятно, почему у пожилого человека возникают проблемы с пониманием речи, особенно непривычной – иностранной. Причем, чем сложнее оказывается звук, тем труднее бывает пожилому человеку с ним оперировать. А ведь живая речь бывает окружена всевозможными шумами, которые составляют ее фон, и из которого ее необхо-

димо выделить. В этом случае пожилые люди оказываются в особо невыгодном, по сравнению с молодыми, положении.

Тем не менее, и такие нарушения можно в определенной степени корректировать путем специальных слуховых упражнений, что доказано нашей многолетней практикой. Такие упражнения составляют в нашем обучении отдельный тренинг. Здесь же лишь отметим, что, в частности, бывает полезно ежедневно слушать специальные речевые звукозаписи, сделанные на фоне различных шумов. Если же проблема оказывается действительно серьезной, то можно делать записи звучащей речи в пропорционально более низкочастотном варианте, например, низким мужским голосом.

Канд. филол. н. Ф.Г.Самигулина (Ростов-на-Дону)

СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мышление и язык теснейшим образом связаны между собой, а потому изучение всех процессов, происходящих в речевой деятельности человека, требует обращения к природе его мышления. Это и обусловливает актуальность междисциплинарного подхода к анализу языковых явлений.

Мышление – это сложный и многоступенчатый процесс. Простейшими формами психического отражения считаются такие, как ощущение, восприятие и представление. Различные виды модальностей данных психических явлений, связанные с сенсорными системами человека, находят свое отображение на всех уровнях мыслительного процесса. Причем, согласно теории НЛП, любая модальность (визуальная, аудиальная, кинестетическая) имеет свое вербальное выражение, называемое репрезентативной системой. Из всех репрезентативных систем самой значимой и универсальной представляется кинестетическая модальность. Это объясняется первичностью ее происхождения в ходе биологической эволюции сенсорных систем человека.

Известно, что язык человека развивается в рамках сенсо-моторного познания. Но, как показывают наблюдения над речевой деятельностью человека, сенсо-моторное познание продолжает играть большую роль уже и после овладения языком. Решающее влияние сенсо-моторного познания при реализации речевой деятельности можно проиллюстрировать на примере замещения глаголов говорения и мысли глаголами конкретного действия. Так, в экспрессивной речи часто используются вместо глаголов *говорить, сказать* глаголы со значением конкретного действия *городить, молоть, отрезать, подхватить* и др. А глаголы *въехать, врубиться, догонять* довольно употребительны в значении «понять». Какова же природа подобного применения глаголов со значением конкретного действия?

Глаголы говорения и мышления обозначают психические процессы, поэтому для лучшего восприятия необходим перевод их абстрактных значений в сферу конкретных ощущений. Этому процессу и соответствует тенденция к употреблению глаголов конкретного действия в качестве глаголов речемысли-тельной деятельности. Действенность и частотность такой замены объясняется спецификой работы правого полушария мозга человека, реализующего конкретное и образное представление окружающей действительности. При подобном словоупотреблении происходит материализация идеального явления психики: абстрактное значение глаголов речемыслительной деятельности становится более ощутимым, наглядным, что в свою очередь улучшает его восприятие и понимание.

Тенденция к замещению глаголов речи и мысли глаголами конкретного действия последовательно проявляется именно в разговорной диалоговой речи, за которую, как известно, отвечает в большей степени правое полушарие. Примечательно; что чаще всего в роли этих глаголов выступают глаголы конкретного действия, обозначающие моторную деятельность человека. При таком использовании происходит перенос значения в сферу кинестетической модальности. Это подтверждает значимость кинестетической модальности, выделяемой физиологами в качестве базовой, служащей основой для создания образа любой модальности. В дальнейшем представляется интересным рассмотреть описанное языковое явление с точки зрения его национальной специфики.

Канд. филол. н. К.Я. Сигал (Москва)

В ПОИСКАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ)

До недавнего времени сочинительная связь в простом предложении рассматривалась как наименее интересное явление для психолингвистического исследования. Это было связано с двумя основными причинами: во-первых, традиционно-грамматический анализ сочинения ограничивался преимущественно "внутренним" синтаксисом сочинительных рядов и фактически сводился к систематизации союзных средств связи равноправных членов предложения; во-вторых, первые попытки психолингвистического изучения сочинения совпали с развитием идей Н.Хомского о порождении предложений с сочинительными конструкциями в результате сокращения совпадающих частей в двух и более изоструктурных предложениях. Действительно, ни в одной из названных традиций сочинение не получило какой бы то ни было разумной психолингвистической интерпретации, так как в его анализе подчеркивался либо момент статической формальной организации, либо момент динамического формального преобразования, реализуемого в одношаговой речевой операции.

В развиваемой нами психолингвистической концепции сочинения (см., например, монографию [Сигал 2001]) подчеркивается, что порождение сочинительной конструкции опосредуется целой системой речемыслительных операций, которые образуют механизм структурирования сочинительных отношений и функционируют в процессе "достраивания" синтаксической структуры порождаемого предложения-высказывания. Учитывая данные А.А.Леонтьева и его учеников о том, что синтаксическая структура речевого высказывания становится окончательно проясненной только на завершающих этапах порождения, мы выдвигаем следующее теоретическое положение: появление сочинительного блока в предложении-высказывании может быть обусловлено разными факторами, как собственно лингвистическими, так и психологическими (в широком смысле), действующими на разных уровнях и этапах порождения.

В серии специальных психолингвистических экспериментов, проведенных нами в течение нескольких лет, было подтверждено объемное представление структурирования сочинительных отношений, заключающегося во взаимодействии и разнонаправленной связи нескольких речемыслительных операций. И тем не менее наблюдения над речевым материалом, в том числе анализ ошибок и стилистических погрешностей, свидетельствуют о том, что порождение сочинения может завершаться до момента приобретения создаваемой сочинительной конструкцией эталонного – с точки зрения языковой способности – вида. Такие явления, как декомпозиция сочинительных конструкций и пр., обнаруживают различные свойства частных текстопорождающих стратегий: инертность структурных связей в синтаксической цепочке, антиципацию отдельных фрагментов сочинительного блока и некоторые другие. Все это позволяет утверждать, что психолингвистические механизмы сочинительной связи в высшей мере адаптированы к условиям ретроспективных и проспективных текстовых ситуаций, причем как стандартных, так и "аварийных", по выражению И.М. Богуславского, и во многом подобны тем психолингвистическим механизмам, которые индуцируют микростратегии лексико-синтаксической развертки текста (= речевого высказывания).

В заключение отметим, что сочинение обладает мощной инклюзивной способностью, результатом чего является то, что в механизмах порождения сочинения задействованы многие линии межуровневого взаимодействия единиц языковой системы. Наиболее очевидным следствием этого является роль сочинительных связей в формировании окказиональных антонимических парадигм в речи и в целом предоставляемая ими возможность однопозиционной синтагматической реализации парадигматически соотносительных компонентов, различающихся семантически, морфологически и даже синтаксически (в мимикрированных формах сочинения). Вместе с тем мы выступаем против термина (и понятия) "расширение" применительно к общелингвистическому механизму сочинения

(Б.Ю.Норман, В.Н.Перетрухин и др.), ибо в нем явно заложена идея лексического ассоциативного развертывания позиции любого члена предложения в уже готовом высказывании. Анализ речевого материала и, главное, результаты психолингвистических экспериментов по методике восстановления деформированного (деграмматикализованного) текста с лакунами свидетельствуют о недостаточности данного объяснения и по сути дела о его механистичности, в малой степени отражающей сущность соответствующего психолингвистического процесса.

Проводимое в докладе обобщение экспериментальных данных дает основания для вывода о том, что сочинение и психолингвистические механизмы его порождения занимают важное место в синтаксическом (суб)компоненте языковой способности homo loquens'a.

Канд. филол. наук Н.М.Юрьева (Москва)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ ДЕТЬМИ КАК ФЕНОМЕН РЕЧЕВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

1. В лингвистике конца XX века на смену статического взгляда на язык и понимания сущности обозначения, как «нечто» подобного приклеиванию этикеток к вещам, затемняющего «внутреннюю работу», рефлексию языкового сознания при осуществлении номинации в процессах речепорождения, приходит осмысление номинации как сложной по структуре, механизмам и средствам операции речемыслительной деятельности субъекта. В самой традиционной лингвистике обозначается поворот к постановке проблемы обозначения в аспекте рассмотрения природы обозначаемого и обозначающего, характера их отношений и механизмов связи как понимания механизма превращений «внеязыковых объектов» в «языковые», что возможно только исследуя природу обозначения со стороны познавательных процессов и функционального бытия номинативной единицы в речи. При изучении детской речи эта тенденция наблюдается в стремлении исследователей выйти из рамок дескриптивизма (с фиксацией внешних проявлений этого процесса), в попытках найти и обозначить внутренние познавательные структуры, стоящие за определенными фактами речевого развития ребенка.

2. Среди психолингвистических проблем онтогенеза речи особую сложность представляют проблемы, связанные с изучением внутренних феноменов речевого развития, к таковым, в силу специфичности процесса понимания языковых значений ребенком, относится проблема восприятия и осознания ребенком семантической структуры мотивированных языковых единиц. В центре нашего внимания находится динамика осознания словообразовательного значения производного слова (далее ПС) в онтоге-

незе речи, которая прослеживается на материале различных структур семантических дефиниций, полученных в экспериментальном исследовании.

3. ПС рассматривается как преобразованный аналог суждения о предмете и включается в триаду «суждение о предмете – понятие о предмете – ПС». Дефиниция ПС понимается как процесс, обратный процессу порождения ПС, который (процесс порождения) начинается с процессов развертывания представления о предмете наименования, семантического анализа ситуации наименования в виде синтаксически расчлененной вербальной структуры и завершается ее синтезом, «семантическим стяжением» в едином слове-универбе или производном. В основе семантической дефиниции ПС лежат аналогичные процессы речемыслительной деятельности: операции развертывания и извлечения информации, закодированной в морфологической структуре ПС. Эти операции и их результаты получают речевую объективацию в различных, как простых, так и весьма сложных языковых структурах. В силу особенностей процессов познания окружающего мира и языка в различные периоды онтогенеза, восстановление образа действительности, стоящего за ПС, и «переход» от знака-названия к знаку-суждению будет характеризоваться неоднородными дефинициями.

4. Анализ экспериментального материала позволил а) выделить различные типы семантических дефиниций, отражающих конкретные ступени освоения дошкольником семантики ПС родного языка; б) определить основные особенности этого процесса (процесса толкования).

Для каждого периода развития ребенка характерен определенный «набор» и соотношение типов интерпретаций производных слов, свой уровень понимания и осмысления ПС, которые являются показателем процесса постижения ребенком семантической структуры такой сложной номинативной единицы, какой является производное слово. Осознание ребенком такого сложноструктурированного языкового феномена, каким является значение ПС, предстает как поэтапный процесс, в котором фиксируются разные уровни (степени) осознанности и постижения ребенком семантики ПС.

Метод определения семантики ПС при помощи семантических дефиниций, с одной стороны, позволяет воспроизвести в конкретных формах и структурах динамику процесса осознания ребенком семантической сложности ПС и демонстрирует качественную неоднородность познавательных структур, формирующихся на различных этапах онтогенеза и определяющих осмысление семантики ПС детьми дошкольного возраста. С другой стороны, опираясь на него, мы еще раз убеждаемся в том, что слово и производное слово, особенно, должно быть не только «присвоено» (А.Н.Леонтьев, Л.С.Выготский), но и освоено ребенком; и что для его освоения ребенок располагает своими, на каждом этапе доступными ему средствами осознания и осмысления значения слова.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Аспирант Л.Ю.Веретенкина (Пенза)

СТИЛИСТИКА МАНИПУЛЯЦИЙ

Одной из характерных тенденций современного этапа развития языкознания является исследование субъективного начала в речи человека, языковых механизмов порождения сообщений, способов воздействия человека на адресата. Так, в последние годы интерес психологов и лингвистов привлекает проблема межличностной манипуляции, манипулирования индивидуальным сознанием на уровне межличностных отношений.

Манипуляцию можно определить как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Е.Л.Доценко 1997: 59). Многие исследователи подчеркивают, что именно язык предоставляет наибольшие возможности для проведения манипулятивного воздействия (С.Г.Кара-Мурза 2000, В.И.Карасик 2002, С.А.Мегентесов 1997, Т.М.Николаева 1988, Е.Ф.Тарасов 1990). С.А.Мегентесов считает, что «язык в своей существенной части предназначен для манипуляции», «он в не меньшей степени есть средство манипуляции, чем средство передачи информации» (С.А.Мегентесов 1997: 61).

В языке существует набор возможностей для проведения манипулятивного воздействия, которые реализуются говорящим в речи. Л.А.Нефедова, исследуя лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении, приходит к выводу, что «использование слова как средства манипулятивного воздействия на адресата заложено в самой системе языка как знаковой системе» (Л.А.Нефедова 1997: 200). Автором выявлены следующие предпосылки манипулятивного использования слова в речи: многозначность слова в системе языка; возможность слова приобретать в речи смысл, неидентичный значению слова как единице лексикона; возможность употребления слова в переносном значении; нечеткость, размытость границ понятия, лежащего в основе лексического значения слова; наличие коннотаций у слова; возможность обозначения одних и тех же объектов действительности разными номинациями, а также парадигматические и синтагматические связи слов в системе языка. На наш взгляд, наличие в языке стилистически окрашенных средств можно считать одной из языковых предпосылок межличностных манипуляций.

Предметом нашего исследования является стилистика манипуляций. Поскольку коммуникативный акт – это результат выбора языковых средств в зависимости от цели общения, очевидно, что манипулятором должны использоваться определенные языковые средства, способствующие сокрытию его истинных намерений, проведению скрытого воздейст-

вия и получению односторонней выгоды. Здесь мы можем говорить о субъязыке манипуляций.

Под субъязыком, вслед за Ю.М.Скребневым (1975), мы понимаем языковую подсистему, которая представляет собой совокупность элементов и форм их синтагматических объединений, обслуживающих ту или иную сферу языкового общения. По мнению Ю.М.Скребнева, язык содержит неопределенное множество субъязыков, поскольку «теоретически допустимо и фактически практикуется лингвистикой выделение речевых сфер разных порядков». В то же время автор подчеркивает, что «используя операциональные понятия речевой сферы и ее субъязыка, лингвист должен руководствоваться критерием прагматической целесообразности: гипостатируемые им сферы должны обладать как социальной, так и собственно лингвистической ценностью» (Ю.М.Скребнев 1975: 36).

Субъязык манипуляций, как и другие субъязыки, состоит из трех разновидностей языковых единиц: 1) абсолютно специфические единицы – свойственные лишь субъязыку манипуляций; 2) относительно специфические единицы, которые, наряду с субъязыком манипуляций, принадлежат также одному или нескольким другим субъязыкам; 3) неспецифические единицы – общие для всех потенциальных субъязыков данного языка, в равной мере принадлежащие данному языку.

Наша задача состоит в том, чтобы в исследуемом материале выделить и описать абсолютно и относительно специфические единицы субъязыка манипуляций. Тогда набор абсолютно специфических языковых средств составит собственно стиль манипулятора.

Для решения данной задачи представляется целесообразным следовать классификации, предложенной Ю.М.Скребневым, и дать характеристику языковых средств, используемых в манипулятивных ситуациях, с точки зрения стилистической фонетики, стилистической лексикологии, стилистической морфологии, стилистического синтаксиса и стилистической семасиологии. В самой системе языка автор разграничивает два аспекта – парадигматический и синтагматический. «Парадигматика – это набор, совокупность единиц разных порядков, составляющих «материальные» ресурсы языка, это инвентарная опись того, чем располагает язык». Синтагматический аспект, в понимании Ю.М.Скребнева, «представляет собой, с одной стороны, отражение речевого процесса языковым сознанием, с другой, – стимулятор речи, совокупность правил ее порождения, правил объединения знаков в некоторые последовательности» (Ю.М.Скребнев 1975: 76-77).

Мы останавливаемся на парадигматическом аспекте, так как парадигматика – это статическая система соотнесенных одна с другой единиц, обеспечивающая возможность выбора адекватных единиц для осуществления акта коммуникации. Нам необходимо выявить, какие единицы из возможных выбирает манипулятор и что влияет на данный выбор.

Нам импонирует мысль Ю.М.Скребнева о том, что парадигматическая стилистика или «стилистика единиц» не ограничивается рассмотрением элементарных единиц, а распространяется также и на единицы, имеющие синтагматическую протяженность, т.е. парадигматически могут быть представлены не только фонемы, морфемы и слова, но и словосочетания и предложения (их модели). При данном подходе важно, чтобы в центре анализа был некоторый набор формально различных единиц, из которых возможен выбор. Рассмотрим стилистику манипуляций в соответствии с традиционно выделяемыми в лингвистике языковыми ярусами.

Парадигматическая фонетика. В связи с анализом письменного текста отсутствуют объективные возможности рассмотрения всего богатства манипулятивной интонации, находящей свое воплощение в мелодике, паузах, силе звучания (фразовое, логическое ударение), темпе и тембре речи. В то же время речевые действия героев драматического произведения характеризуют авторские ремарки. Приведем далеко не полный перечень подобных ремарок, встретившихся в манипулятивных контекстах: «томно», «шепотом», «тихо вскрикивая», «с жаром», «с заискивающей улыбкой», «таинственно», «горячо», «громко вскрикивает», «вскрикивает громче», «со вздохом», «с отчаянием». Очевидно, что каждая ремарка имеет свою коннотацию и характеризует интонацию не только с точки зрения количественного или качественного изменения тона, темпа, тембра, но и с точки зрения передаваемых в высказываниях эмоций.

Следует выяснить место и функции пауз в манипулятивных контекстах. Так, например, при помощи пауз внутри фразы говорящий может создавать впечатление взволнованной речи. Или, намеренно не договаривая свою мысль, говорящий делает паузы, чтобы, во-первых, повысить интерес собеседника к сообщаемой информации и тем самым удержать его внимание; во-вторых, дать собеседнику время домыслить сказанное, то, что в силу определенных обстоятельств, говорящий не может (не хочет) выразить до конца словами. В качестве примера приведем слова Подхалюзина (героя пьесы А.Н.Островского «Свои люди – сочтемся») из разговора с Большовым.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю… то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет… Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с?.. (А.Н.Островский 1975: 123).

Парадигматическая лексикология. На данном уровне выделяем лексику нейтральную и лексику стилистически окрашенную, у которой можно констатировать либо положительные либо отрицательные коннотации. «Возвышенность» и «сниженность» лексики, по замечанию Ю.М.Скребнева, «существуют не сами по себе, не как самодавлеющие стилистические феномены, а как производные социальной оценки мини-

мум трех факторов: объекта речи, характера речевой сферы и участников коммуникативного акта» (Ю.М.Скребнев 1975: 100).

Как известно, основными компонентами коннотативного лексического значения являются эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты. Лексемы с данными компонентами говорящий применяет с целью вызвать у адресата речи определенные чувства, эмоции, облегчающие проведение манипулятивного воздействия. Выбор эмоционально-экспрессивной лексики осуществляется по двум направлениям: 1) положительная оценка говорящим себя и объектов, входящих в его личную сферу, чтобы предстать в более выгодном свете, или для обозначения собеседника и его сферы при выражении лести и комплиментов; 2) те же объекты и явления могут быть представлены говорящим посредством синонимических номинаций, содержащих отрицательную оценку, если говорящий ставит целью принизить значимость, подчеркнуть негативные стороны обозначаемого. Оценочные номинации используются как средство манипулятивного воздействия на адресата, когда говорящий соотносит их с объектами действительности, подлинная ценность которых не соответствует оценке данных номинаций. С помощью таких оценочных номинаций завышается или занижается подлинная ценность объектов.

В рассматриваемом примере Подхалюзин в обращении к Большову открыто демонстрирует свое подчинение: Большов для него «благодетель», «вместо отца родного». Свое положение он подчеркивает следующими оценочными номинациями: «по моему глупому рассуждению», «где же мне с суконным-то рылом-с», «да что я за скотина», «физиономия у меня совсем не такая». Но, с другой стороны, Подхалюзин старается внушить Самсону Силычу, что именно он тот «хороший человек», за которого нужно выдать Алимпияду Самсоновну. Лексическое наполнение высказываний героя определяет их манипулятивный характер: «готов всю душу отдать за вас», «стараюсь для вас», «не могу без слез видеть всего этого», «убиваюсь я теперича из-за вашего дела».

Парадигматическая морфология. В центре внимания – вариантность в употреблении или частичная взаимозаменимость морфологических категориальных форм.

Наблюдения над материалом показывают, что особенно часто в манипулятивных ситуациях говорящим используется синонимия личных форм глагола: например, вместо формы глагола 1 л. ед. ч. «я» встречается употребление «ты» в обобщенном значении (2 л. ед. ч.), «он (она)» (3 л. ед. ч.), «мы» (1 л. мн. ч.), «они» (3 л. мн. ч.).

Формы повелительного наклонения часто используются манипулятором для соблюдения речевого этикета. В то же время формы повелительного наклонения позволяют усилить воздействующий характер высказывания. Например, Подхалюзин, совершая манипулятивное воздействие, говорит Большову: «возьмите в рассуждение», «рассудите об этом», «пой-

мите вы это», «поймите вы из этого», «сами извольте рассудить». Таким образом герой стремится привлечь внимание собеседника к сообщаемому и вызвать его реакцию. Можно предположить, что использование глаголов типа «знать», «понимать», «рассудить» имплицирует факт наличия планируемого манипулятором состояния.

Для выражения главной цели разговора Подхалюзиным используется форма условного наклонения, имеющая значение осторожного учтивого пожелания: «А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с». Вводные слова «по моему глупому рассуждению», «по крайности» подчеркивают ни к чему не обязывающий характер пожелания.

Парадигматический синтаксис. Для изучения стилистической ценности некоторых форм предложений, Ю.М.Скребнев предлагает принять за нейтральную структуру «элементарную двусоставную (подлежащно-сказуемную) модель, т. е. модель не содержащую избыточных элементов и не являющуюся структурно-неполной, – конструкцию предложения с нормальным, обычным для данного языка порядком следования компонентов, исполняющего обычную для данной структуры (не переосмысленную) синтаксическую функцию» (Ю.М.Скребнев 1975: 109). Отклонения от нейтральной структуры рассматриваются автором как стилистически значимые.

Полагаем, что манипулятивные высказывания можно анализировать с точки зрения количественного состава компонентов предложения (с одной стороны, отсутствие, недостаток элементов; с другой стороны, избыточное присутствие в предложении необязательных элементов). Так, например, предварительные наблюдения над материалом показывают, что в манипулятивных высказываниях особую роль играют вводные слова и обращения.

Вводные слова, основная функция которых состоит в передаче отношения говорящего к сообщаемому, в манипулятивных ситуациях характеризуются разнообразием передаваемых значений. Кроме выражения уверенности или неуверенности в достоверности сообщения, часто используются вводные компоненты: а) выражающие эмоциональную оценку сообщения («к счастью», «слава богу», «сохрани господи», «известное дело»); б) указывающие на степень обычности излагаемых фактов («бывает», «как всегда», «очень просто», «понятное дело»); в) указывающие на источник сообщения («говорят», «помнится», «по слухам»); г) выражающие отношение говорящего к способу выражения мыслей («можно сказать», «положим», «по крайности», «по моему глупому рассуждению»).

Избыточным элементом в рассматриваемом диалоге являются обращения Подхалюзина к Большову. Вступая в диалог 27 раз, Подхалюзин 20 раз обращается к своему хозяину по имени и отчеству, показывая тем са-

мым свое почтительное, подобострастное отношение. Впоследствии слова героя о том, что Большов для него как отец родной, превращаются в новое обращение «тятенька» («Тятенька, за что жалуете?», «Слушаю, тятенька-с!»).

Представляет интерес порядок размещения компонентов в предложении, необходимо выяснить, какую стилистическую роль играет необычный, инвертированный сравнительно с нейтральным, порядок слов в манипулятивных высказываниях.

Целесообразно исследовать виды изменений обычных синтаксических функций определенных форм предложений, рассмотреть соотношение таких категориальных значений, характеризующих предложение, как утверждение, отрицание, вопрос, побуждение. Предполагаем, что для сокрытия истинных намерений манипулятором часто используются предложения, которые утратили свое специфическое синтаксическое значение и используются в принципиально не свойственной им функции.

Еще раз обратимся к тексту пьесы. Синтаксической особенностью речи Подхалюзина является активное употребление им отрицательных предложений.

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да *не* могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания *не* взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас *не* оставлю; потому *не* могу – сердце у меня *не* такое.

Вопросительные предложения имеют значение утверждения или отрицания: «Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует?», «А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного?», «Ну есть ли в нем душа после всего этого?». На наш взгляд, данный сдвиг в употреблении вносит в высказывание неопределенность, многозначность, а традиционное структурно-грамматическое оформление высказываний позволяет отвлечь адресата от их внутреннего смысла и назначения.

Парадигматическая семасиология. Речь манипулятора характеризуется большой образностью и экспрессивностью, которые создаются с помощью употребления разнообразных речевых средств. Изобразительно-выразительные средства, используемые в манипулятивных контекстах, на наш взгляд, усиливают действенность высказывания и, следовательно, эффект эмоционального воздействия на адресата.

В речи Подхалюзина встречаются метафоры («чернильная душа», «сердце изныло», «отдают барышню, красоту неописанную», «вся душа-то перевернулась»), эпитеты («дама изнеженная»), гипербола («барышня, каких в свете нет», люблю «больше всего на свете», « ни дня, ни ночи себе покою не даю»), а также фразеологические сочетания («как за каменной стеной», «хоть трава не расти», «оглобли назад поворотил») и пословицы

(«в добрый час молвить, в худой промолчать», «враг-то силен – горами шатает»).

Употребление Подхалюзиным метафор, эпитетов, фразеологизмов подчеркивает его выразительную языковую индивидуальность.

Таким образом, можно утверждать, что в парадигматическом аспекте стилистика манипуляций включает все выразительные средства языка. Следовательно, любые стилистически выразительные единицы могут служить средством манипуляций, если используются при реализации манипулятивного намерения говорящего. Синтагматический аспект стилистики манипуляций – предмет отдельного исследования.

Цитируемая литература:

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.

Мегентесов С.А., Мохамад И. Лингвистические аспекты психического воздействия и приемов манипуляции. – Краснодар: Кубан. госуд. Университет, 1997. – 112 с.

Нефедова Л.А. Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении (на материале современного немецкого языка): Дисс. …канд. филол. наук. – М., 1997. – 226 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 175 с.

Островский А.Н. Свои люди – сочтемся! // А.Н.Островский. Полное собрание сочинений: В 12-ти томах. Т.1. – М.: Искусство, 1973. – С. 85-152.

Соискатель С.О.Гуляйкина (Пенза)

ЭЛЕМЕНТЫ И ЕДИНИЦЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Манипулятивное воздействие, как особый вид психологического воздействия, вызывает неподдельный интерес огромного количества ученых: психологи пытаются раскрыть причины и механизмы акта манипуляции, лингвисты изучают языковые средства, реализующие акт манипуляции, психолингвисты рассматривают, каким образом эти средства оказывают влияние на сознание человека, социологи озабочены разнообразием приемов и тактик манипуляторов в современном обществе, политологов, вероятней всего, привлекает поразительная эффективность изучаемого вида воздействия. Несомненно, что явление манипуляции многоаспектно, и каждый аспект требует детального изучения. В нашем сообщении данный вид психологического воздействия рассматривается с лингвистических позиций.

Манипулятивное воздействие, как и любое другое воздействие – «это, в некотором смысле, ритуальный процесс. У него есть определенный сюжет, есть начало, середина и конец, являющиеся необходимыми элемента-

ми его структуры» (С.Хассен 2001: 328). Неотъемлемой составляющей такого воздействия являются также языковые средства, используемые манипулятором и соединяющие структурные элементы манипулятивного акта.

Неоднократно отмечалось, что единицы лексического уровня языка, в сравнении с другими языковыми единицами, обладают наибольшей эффективностью при осуществлении манипуляции. Исследуя роль слова в манипуляции сознанием, С.Г.Кара-Мурза, вслед за Г.Лассуэллом и Г.Ле Боном, утверждает, что существуют слова, которые способны оказать психологическое воздействие на человека. Это, в первую очередь, так называемые «слова-«амебы», прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни <…>, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*)» (С.Г.Кара-Мурза 2001: 119). Такие слова, как правило, носят научный характер. Замена общеупотребительных лексических единиц словами иноязычного происхождения также снижает способность человека понять услышанное и, соответственно, повышает его восприимчивость к манипуляции. Стивен Хассен описывает роль единиц лексики в управлении сознанием человека следующим образом: «Слова – инструменты, которыми мы пользуемся для мышления. Если вы сумеете контролировать слова, которыми люди оперируют, вы сможете управлять их мыслями» (С.Хассен 2001: 94).

Выбор слов, употребление их различных значений и оттенков, безусловно, осуществляются манипулятором предельно точно и искусно, что и обеспечивает успех манипуляции. Однако, как отмечает Ю.М.Скребнев, природа слова такова, что его невозможно мыслить без контекста (см.: Ю.М.Скребнев 1975: 97). Контекстами слова являются словосочетание, предложение и, иногда, даже целый текст. Следовательно, слово представляется составной частью, элементом, более крупной единицы – предложения, например. По мнению А.В.Пузырева, «у слова «единица» – по сравнению со словом «элемент»» присутствует такой компонент значения, как самостоятельность, целостность. Слово же «элемент» такой самостоятельности обозначаемого предмета не предполагает (ср.: *Важный элемент костюма* и *важная единица костюма*)» (А.В.Пузырев 2002: 52).

Говоря о разграничении анализа по элементам и анализа по единицам в связи с изучением проблем мышления и речи, Л.С.Выготский дает следующее определение единице речевого мышления: «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому,* и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Что же является такой единицей, которая далее неразложима и в которой содержатся свойства, присущие речевому мышлению как целому? Нам думается, что такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова – в его значении» (Л.С.Выготский 1982 т.2: 16).

Если принять точку зрения Л.С.Выготского, то мы должны будем придти к выводу, что единицей манипулятивного воздействия является само значение слова, употребленное манипулятором. Однако, как отмечалось ранее, необходимый оттенок или особое значение того или иного слова часто обнаруживается лишь в определенном контексте. «Человек думает все-таки не словами: единицей мышления, на наш взгляд, является не слово, а мысль.<…> На уровне языка суждению соответствует предложение, но не отдельно взятое слово. Поэтому мы склоняемся к мысли, что слова демонстрируют все-таки явление элементов языка, но не его единиц. Разумеется, что разграничение элементов и единиц в таком случае должно распространяться и на явления, соответствующие языковым на уровнях мышления, речи и коммуникации» (А.В.Пузырев 2002: 53).

В качестве итога предварительных рассуждений отметим, что лексические единицы языка (слова), скорее всего, являются элементами манипулятивного воздействия, а единицами указанного воздействия являются высказывания манипулятора (т.е. предложения в языковом плане), сложные синтаксические целые или даже тексты – все они относятся к синтаксическому уровню языка. В связи со сказанным уместно привести высказывание Р.М.Фрумкиной о том, что понимание текста (в нашем случае текстом является высказывание манипулятора) «кардинально зависит от знания грамматики (включая, разумеется, синтаксис) и в куда меньшей мере – от знания значений слов» (Р.М.Фрумкина 2001: 176).

Рассмотрим несколько примеров ситуаций манипулятивного воздействия, приводимых такими психологами, как Е.Л.Доценко и В.Сергеечева. «На расширенном заседании профкома идет распределение квартир в новом доме. Работник М., не попавший в список получающих, заявляет, что в том списке есть люди, у которых условия проживания, состав семьи и другие характеристики таковы, что он имеет большее право на получение квартиры, чем они. Председатель профкома спрашивает: «Кого конкретно вы имеете в виду?» (Е.Л.Доценко 2000: 48).

«Некоторое время назад на экранах телевизоров то и дело мелькал такой начинающий манипулятор (мы видели его рыжие кудряшки в рекламе детской жевательной резинки). Попробовав пластинку и высоко оценив ее вкус, малыш пообещал приятелям:

– Пойду еще достану,– и отправился к бабушке.

– Скушай пирожное,– предложила та.

– Нет,– возразил юный хитрец. – От него образуется кислота, а я же не могу почистить зубы прямо сейчас.

– Ну, это не проблема, – успокоила его растроганная бабушка, протянув пластик резинки» (В. Сергеечева 2002: 84).

В обоих примерах финальным шагом манипулятивного акта явились реплики самих манипуляторов: в первом случае – вопрос «Кого конкретно вы имеете в виду?» (заставивший работника прекратить свое возмущение),

а во втором – сложное предложение «От него образуется кислота, а я же не могу почистить зубы прямо сейчас».

Что касается особого выбора лексики, то в первом примере можно выделить слово «конкретно», несущее не просто уточняющий оттенок, но и некоторую долю психологического давления на адресата; во второй ситуации следует отметить частицу «же» («я же не могу») и наречие «прямо» («прямо сейчас»). Однако употребление одних лишь вышеуказанных слов недостаточно для успешного проведения манипуляции, необходимо их упорядоченное размещение, наличие соответствующих взаимосвязей и контекста.

Таким контекстом становятся законченные предложения, что позволяет сделать вывод о том, что единицей манипулятивного воздействия в языковом плане является синтаксическая единица (предложение, высказывание, текст), а единицы лексического уровня языка представляются элементами, составляющими целые единицы такого воздействия (высказывания).

Обратимся к английской литературе. В пьесах одного из великих английских драматургов – Бернарда Шоу – находим немало примеров манипуляций, звучащих из уст героев. Приведем несколько эпизодов из пьесы «Обращение капитана Брасбаунда». (Ввиду особенности речи одного из героев, Дринкуотера (Drinkwater) считаем необходимым привести перевод цитируемых отрывков, выполненный П.Мелковой.) В рассматриваемой ниже сцене происходит разговор между леди Сесили, отдыхающей туристкой, и капитаном Брасбаундом, главой команды, предоставляющей услуги эскортирования туристов. Более заинтересованным в предоставлении эскорта, по сравнению с самим капитаном, оказывается его подчиненный – Дринкуотер, так как его в первую очередь привлекает хорошая оплата; он готов сопровождать леди Сесили даже под ее руководством:

«LADY CICELY. Captain Brassbound: I don’t want an escort at all. It will simply get us all into danger; and I shall have the trouble of getting it out again. That’s what escorts always do. But since Sir Howard prefers an escort, I think you had better stay at home and let me take charge of it. I know your men will get on perfectly well if they’re properly treated.

DRINKWATER (with enthusiasm). Feed aht o yr and, lidy, we would.

BRASSBOUND (with sardonic assent). Good. I agree. (To Drinkwater) You shall go without me.

DRINKWATER (terrified). Eah! Wot are you a syin orn? We cawn’t gow withaht yer. (To Lady Cicely) Nawo, lidy: it wouldn’t be for yr hown good. Yer cawn’t hexpect a lot o poor honeddikited men lawk huz to ran ahrseolvs into dineger withaht naow Kepn to teoll us wot to do. Naow, lidy: hoonawted we stend: deevawdid we fall.»

«ЛЕДИ СЕСИЛИ. Капитан Брасбаунд, мне лично совсем не нужен конвой. Он только вовлечет нас в какую-нибудь опасность, и мне же при-

дется потом выпутываться из нее. Так уж всегда получается, когда берешь конвой. Но поскольку сэр Хауард предпочитает, чтобы нас эскортировали, вам, по-моему, лучше всего остаться дома и передать командование мне. Я уверена, что отлично полажу с вашими людьми – для этого нужно только обращаться с ними по-человечески.

ДРИНКУОТЕР (в восторге). И еще как поладите, леди, ручаюсь вам!

БРАСБАУНД (с иронической уступчивостью). Хорошо. Я согласен. (Дринкуотеру.) Поедете без меня.

ДРИНКУОТЕР (в ужасе). Что? Что вы такое говорите? Мы без вас не можем. (К леди Сесили.) Нет уж, леди, так не годится. Да разве мы, несчастные, необразованные бродяги, можем идти на опасное дело без кептена? А кто нами будет командовать? Нет, леди, нет! Вместе мы стоим, по одиночке падаем» (Б.Шоу 1979 т.2: 249).

Реплики манипулятора-Брасбаунда чрезвычайно коротки: согласие «Good.», нераспространенное предложение «I agree.» и распространенное предложение-приказ «You shall go without me». Слова, составляющие данные предложения, не представляют интереса с точки зрения манипулятивных инструментов, но краткость самих фраз и иронический тон капитана, человека решительного и непоколебимого, мгновенно заставляют его подчиненного осознать, что без руководства Брасбаунда команда ничего не сможет сделать. Таким образом, единицами высказываний, изменивших мнение Дринкуотера, являются предложения (как видно из примера, таким предложением может стать слово-согласие «Хорошо»).

В следующем отрывке приводится разговор леди Сесили с Дринкуотером, в котором она, вопреки распоряжениям капитана, пытается командовать в его отсутствие, а Дринкуотер, в силу своей обязанности, старается помешать ей. Рассмотрим, как мастерски, зная страх подчиненных перед капитаном Брасбаундом, леди Сесили устанавливает свое превосходство:

«DRINKWATER. Eah! (He runs to the door and places himself before it.) Where mawt yr lidyship be gowin?

LADY CICELY. I’m going through every room in this castle to find a proper place to put that man. And now I’ll tell you where YOU’re going. You’re going to get some water for Marzo, who is very thirsty. And then, when I’ve chosen a room for him, you’re going to make a bed for him there.

DRINKWATER (sarcastically). Ow! Henny ather little suvvice? Mike yrseolf at owm, y’ knaow, lidy.

LADY CICELY (considerately). Don’t go if you’d rather not, Mr. Drinkwater. Perhaps you’re too tired. (Turning to the archway) I’ll ask Captain Brassbound: he won’t mind.

DRINKWATER (terrified, running after her and getting between her and the arch). Naow, naow! Naow, lidy: doesn’t you goes disturbin the Kepn. Awll see to it.»

«ДРИНКУОТЕР. Эй! (Бежит к двери и загораживает вход.) Вы куда это, ваша милость?

ЛЕДИ СЕСИЛИ. Я хочу осмотреть все комнаты в замке и найти место, где можно уложить этого человека. А сейчас я скажу вам, куда пойдете вы. Вы пойдете и принесете Марцо воды: он хочет пить. Затем, когда я выберу для него комнату, вы приготовите там ему постель.

ДРИНКУОТЕР (саркастически). А еще что изволите приказать? Не стесняйтесь, леди, будьте как дома.

ЛЕДИ СЕСИЛИ (деликатно). Если не хотите, можете не ходить, мистер Дринкуотер. Вы, вероятно, переутомились. (Направляется к арке.) Я попрошу капитана Брасбаунда, он не откажет.

ДРИНКУОТЕР (перепуганный, бежит за ней и загораживает дорогу). Нет, нет! Что вы, леди! Зачем беспокоить кептена? Я все сделаю» (Б. Шоу 1979 т.2: 255).

Манипулятивными высказываниями, предельно вежливо произнесенными леди Сесили, можно считать сложное условное предложение «Don’t go if you’d rather not, Mr. Drinkwater.» и сложное бессоюзное предложение, содержащее объяснение «I’ll ask Captain Brassbound: he won’t mind». В качестве составляющих манипуляции стоит также отметить деликатность, с которой леди Сесили произносит первую фразу, и ее движение по направлению к двери, т.е. к капитану Брасбаунду, говорящее о решительности ее намерения. Лексические единицы, т.е. элементы, приведенных фраз маловыразительны, более эффективными предстают сами факты (намерения о действиях), изложенные в синтаксических единицах, т.е. предложениях.

В следующем эпизоде леди Сесили, выступая на суде, возглавляемом капитаном Керни, намерена склонить его к своей точке зрения и, тем самым, расположить его к себе и к подсудимому с целью вынесения оправдательного приговора:

«LADY CICELY. Well, what was he to do? He wasn’t in love with Sir Howard; and he WAS in love with me. So he naturally offered to swop Sir Howard for me. Don’t you think that was nice of him, Captain Kearney?

KEARNEY. I should have done the same myself, Lady Waynflete. Proceed.»

«ЛЕДИ СЕСИЛИ. Что же ему оставалось делать? Он не был влюблен в сэра Хауарда, но был влюблен в меня. Поэтому он, естественно, предложил обменять сэра Хауарда на меня. Не правда ли, очень мило с его стороны, капитан Керни?

КЕРНИ. Я сам поступил бы точно так же, леди Уайнфлит. Продолжайте» (Б. Шоу 1979 т.2 296).

Ключевой манипулятивной репликой, заставившей капитана Керни согласиться с леди Сесили, является вопросительное предложение, начинающееся с отрицательного оборота «Don’t you think that was nice of him, Captain Kearney?» («Не правда ли, очень мило с его стороны, капитан Кер-

ни?»). Употребление подобного оборота представляется не только вежливым обращением к вышестоящему лицу, но и своеобразной уловкой дамы, нацеленной на “прибирание к рукам” капитана. Также следует отметить такие вводные слова как «well» («же») и «naturally» («естественно»), интонационное выделение глагола «was» («был») и наличие двух вопросительных предложений (первого и уже указанного последнего), предполагающих утвердительный ответ, в речи леди Сесили.

Таким образом, проанализировав вышеуказанные и другие имеющиеся у нас примеры, считаем возможным сделать вывод о том, что как в русском, так и в английском языках единицами манипулятивного воздействия следует считать единицы синтаксического уровня языка, а средства лексического языкового уровня представляются элементами, составляющими данные единицы, нередко придающими им особую эффективность.

Цитируемая литература:

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982-1984.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.:ЧеРо, Издательство МГТУ, 2000. – 344 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. – Алгоритм, 2001. – 544 с. (Серия: История России. Современный взгляд).

Пузырев А.В. Элементы и единицы русского языкового мышления, русского языка, русской речи и коммуникации и нуль в курсе «Современный русский язык» //Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе (Пенза, 23-27 марта 1999 г.): Материалы 3-ей всероссийской Школы молодых лингвистов. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ им. В.Г. Белинского, Пензенская ИПКиПРО, 1999. – С. 13-28

Сергеечева В. Практикум манипулятора. Выбор мишени. – СПб.: Питер, 2002. – 224 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1979. – 179 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.

Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 400 с.

Шоу Б. Полное собрание пьес в шести томах. Т. 2. Пер. с англ. /Редактор тома П.В. Ковалев. Комментарии А.А. Аникста, А.А. Николюкина. – Л.: Искусство, 1979. – 703 с.

Канд. филол. н. И.Е.Денисенко (Оренбург)

ВАРЬИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ОБЩЕФРАНЦУЗСКИХ ФЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ БЕЛЬГИИ

Известно, что, несмотря на формальную устойчивость фразеологических единиц, их компоненты в ряде случаев замещаются другими лексемами, что приводит к образованию вариантов.

При образовании в FB (Français de Belgique) лексических вариантов французских ФЕ независимо от того является ли замещающий компонент бельгицизмом или общефранцузской лексемой, наблюдается определенное семантическое соотношение между варьирующими лексемами.

В результате анализа 1000 примеров, полученных методом сплошной выборки по словарям Ch. Delcourt, W. Bal, A. Doppagne, A. Goosse, J. Hanse, были выделены следующие типы варьирующих компонентов: 1) синонимы, 2) семантически близкие слова, имеющие общую сему, 3) компоненты, соотносящиеся друг с другом по родовым связям, 4) компоненты, принадлежащие к одному тематическому ряду, 5) компоненты, не связанные семантически, 6) асоциативные варианты (метафоры, метонимия). Приведем некоторые примеры:

Замена компонента синонимом.

ФЕ *connaître tous* <u>*les trucs*</u> (FF) ‘быть ловкачом’ имеет в FB вариант *avoir tous* <u>*les tours*</u>, где лексема tour (m) имеет значение ‘трюк, проделка’, синонимичное лексеме truc (m) ‘трюк, уловка, фортель’. Во французском варианте существует ФЕ avoir plus d’un tour dans un sac ‘être particulièrement malin, débrouillard’. В данном выражении содержится намек на сумку фокусника, который достает из нее неожиданные предметы.

Замена семантически близким словом.

Семантическая близость между компонентами возникает за счет наличия общей семы, которая становится архисемой в составе ФЕ, тогда как при употреблении той же лексемы в свободных сочетаниях она является дифференциальной или даже потенциальной. За счет этого ФЕ *avoir des démangeaisons à qn* ‘иметь непреодолимое желание’ приобретает в FB вариант *avoir chatouille à qn*. Лексема chatouille (f) ‘щекотка’ не зафиксирована во французских словарях и образована от глагола chatouiller, близкого по значению к лексеме démangeaison (f) ‘зуд, непреодолимое желание’.

Замена компонентом, принадлежащим к одному тематическому ряду. Наиболее часто встречаются компоненты – соматизмы. ФЕ *se payer* <u>*la tête*</u> *de qn* ‘дурачить, насмехаться над кем-либо’ имеет в FB вариант *jouer avec* <u>*les pieds*</u> *de qn*. ФЕ *faire qch avec* <u>*les doigts*</u> *dans le nez* ‘добиться чего-либо без труда’ имеет вариант *remporter sur* <u>*une jambe*</u>.

Таким образом, специфика бельгийской фразеологии проявляется прежде всего в компонентном составе бельгийских фразеологизмов.

Канд. филол. н. М.Р. Желтухина (Волгоград)

ВОЗДЕЙСТВЕННОСТЬ И СУГГЕСТИВНОСТЬ КЛИШЕ В ЯЗЫКЕ СМИ

На рубеже XX-XXI веков язык СМИ отличается возрастающей активностью использования клише с целью воздействия на сознание адресата,

суггестии. **Клише** – это всякая готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях (Дридзе 1972), представляет собой недостаточно эксплицированный сложный знак (Сорокин 1978), так как обладает признаками некомплектности. **Языковой штамп** – это такое клише, потерявшее для интерпретатора по какой-либо причине свою первичную информационную нагрузку, стало дисфункциональным (Дридзе 1972), является избыточно эксплицированным сложным знаком (Сорокин 1978), характеризуясь признаками комплектности. При этом языковое клише признается явлением лингвистическим, а речевой штамп – явлением психологическим (Прохоров 1996). **Штамп сознания** – составляющая ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, выражаемая различными языковыми/ речевыми конструкциями или не реализующаяся вербально в данной ситуации общения, соотносимая с ментальными стереотипами, присущими определенной культуре и служащая социокультурным маркером специфики речевого общения ее представителей (Прохоров 1996).

Клише как традиционные обороты речи не только принудительно накладываются на нашу языковую деятельность, но и формируют наше мышление, поведение и эмоции. Масс-медиа формируют сознание адресата с помощью клише, а в условиях модернизации общества неизбежно порождает новые клише (Sijderveld 1979). Первоначальная коннотация клише носит чисто лингвистический характер, проявляясь в слишком часто употреблявшемся утверждении или предложении со стершейся семантикой. Переходя границы лингвистики, клише объективируются в молчаливом жесте (пожатие рук, поцелуй в щеку), акте забастовки как рациональном и легально организованном средстве в руках рабочих лидеров, используемом для достижения целей их профсоюзов (потеря символического значения и приобретение политических функций). Клише характеризуются овеществленной природой (сохранение прошлого опыта, неподверженность временным изменениям, передача от поколения к поколению) и повторяемостью, что обеспечивает их автономность по отношению к индивиду в обществе.

Функции клише базируются на двух основных принципах: 1) влияние на человека с устранением сознательного размышления (механическая реакция); 2) многократная повторяемость клише (стимула) с целью отключения мышления при реакции. Основными функциями клише выступают следующие:

1) **Социальная функция:** повторяемость, рациональность и схематический характер употребления клише проявляет сходство с детскими стихами и реализует потребности человека в магии (нерелевантность семантического содержания слов в сопровождении ритмических движений тела,

завораживающее воздействие звуков слов, ритмики фраз и движений тела).

2) **Мобилизирующая функция:** клише прямо воздействуют на речь и поведение, влияют на тенденции, отношение, эмоции, настроения (голосование), побуждают думать, чувствовать и действовать как большинство. Язык СМИ успешно актуализирует основные свойства клише, как повторяемость и гиперболичность (оглушительность лозунгов и клише политики, метафоризация и метонимизация). Мнимая информационная правдивость, естественность и очевидность клише объясняется не семантикой (эвристически неубедительны), а повторяемостью употребления (магически убедительны) с гипнотизирующим действием. Кроме того, клише характеризуются заразительностью, то есть одно клише порождает другое.

3) **Пропагандирующая функция:** современная пропаганда широко использует многократно повторяющиеся идеологические клише человечества (*"демократия", "свободный мир", "терроризм"* и т.п.). Семантическая пустота этих клише функциональна, так как она используется для политических махинаций (левый / правый, прогрессивный / реакционный).

4) **Идентификационная функция:** социальный контроль осуществляется благодаря тому, что значение и правильное употребление клише отличают истинного представителя данного коллектива от людей иностранного происхождения.

5) **Психологическая функция:** клише выступает частью психологии повседневной жизни (Фрейд) и связано с социальной пассивностью. Человеку, сохраняющему своей речью и поведением политическую идеологию, приходится либо отказываться от надоевших клише этой идеологии, либо активизировать агрессию.

Безусловно, власть клише языка СМИ, его воздейственность, суггестивность в современном обществе велика, но может быть ограничена. Равновесие между значением и функцией можно сознательно поддерживать и по необходимости восстанавливать. Возможности для ограничения клише заключаются в более широком привлечении материала религии, научных открытий, социально-политических движений, эстетики и т.д.

Докт. филол. н. Н.А. Красавский,
магистрант Е.Н. Тихомирова (Волгоград)

ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОФЕССИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Лингвистическая гендерология – новая парадигма гуманитарной науки, в настоящее время бурно развивающаяся в России (Г.А.Брандт, А.В.Кирилина, Е.А.Земская, М.А.Китайгородская, И.А.Стернин, И.И.Халеева и др.). Изучение ее базисного понятия – гендера – предполагает обращение ученых к анализу языковых единиц, фиксирующих культурные ценности того/иного этноса.

Поскольку профессиональная деятельность человека занимает значительное место в любом современном социуме, актуальным следует признать исследование вербально оформляющих ее лексических единиц в гендерном аспекте.

Объектом предпринятого нами исследования послужили многочисленные номинации профессий в немецком языке, обнаруженные в лексикографических источниках. В своей работе мы решаем следующие задачи: а) составить перечень номинаций профессий в немецком языке; б) дать семантическую классификацию данным обозначениям в гендерном аспекте.

Предварительно мы установили, что значительная часть номинаций профессий является гендерно маркированной. Примечательно, что обозначений специфических женских профессий значительно меньше, чем мужских. Данный факт мы объясняем традиционным доминированием мужчин в социуме.

В ходе проведенного анализа мы выявили, что мужские профессии являются доминирующими во всех сферах немецкого социума (промышленность, сельское хозяйство, торговля, транспорт, здравоохранение, армия, религия, искусство и др.).

Перспективным нам представляется изучение номинаций профессий в диахронической плоскости. Иными словами, мы считаем чрезвычайно интересным исследование концептосферы «профессиональная деятельность» на разных этапах ее формирования и развития. Проведение исследования в диахронии немецкого языка может выявить определенные закономерности в социальной жизни конкретного сообщества, смену его культурных приоритетов, изменения в иерархии ценностей социума.

Е.Ю.Кученева (Балашов)

ОТМЕЖДОМЕТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Разговорная речь (РР) и кодифицированный литературный язык (КЛЯ) представляют собой две разновидности русского литературного языка, реализация которых определяется экстралингвистическими условиями. РР является сферой коммуникации особого рода, которая реализует специфическую систему языка, характеризующуюся регулярностью (для нее показательны отсутствие ограничений узуального и лексического характера в построении единиц разных уровней и реализации грамматических значений), чертами аналитизма, взаимодействием вербальных средств выражения с невербальными. Аналитизму разговорной морфологии способствует активное функционирование в РР многочисленных классов знаменательных слов, не имеющих форм словоизменения. В РР имеется несколько особых классов неизменяемых слов: 1) предикативы – синкретичный класс слов, выполняющий функции сказуемого личных высказываний и совмещающий черты междометий и глаголов: *трах, бац, бах,*

бу-бу-бу и др.; 2) релятивы (коммуникативы, слова-предложения), например: *Хоть бы чих!* Разговорную речь можно охарактеризовать как идеальную сферу реализации словообразовательных потенций языка. В РР действует более широкий круг основ, чем в КЛЯ. В разговорном словообразовании участвуют и те классы слов, которые бездействуют в словообразовании КЛЯ. К таковым, в частности, следует отнести междометия и звукоподражания.

Данные неологических словарей иллюстрируют широкие потенциальные возможности системы словообразования. К сфере РР и просторечия принадлежат глаголы с семантически «обедненными» корнями, которые строятся в речи не способом образования производного от производящего, а путем подстановки корня в определенную модельную рамку, ср.: *почухаться – по-...-ся (побеспокоиться, позаботиться), выщелкнуться – вы-...-ся (Как было не выщелкнуться перед студентами!)* [НРЛ – 1986, с.345].

От междометий и звукоподражаний в речи легко образуются глаголы звучания с суффиксом *-а(ть) / -ка(ть)*, ср.: *вжикать* [НРЛ – 1985, с.304], *хрумкать* [НРЛ – 1985, с.283].

В разговорном словообразовании глаголов языковеды выделяют лишь один специфический суффикс *-ану(ть)*, производящий глаголы со значением однократного действия, осуществляемого с особой силой, резкостью и интенсивностью, ср.: *Он шухануул гармонью* [НРЛ – 1985, с.291]. В сфере РР у глаголов более регулярно, чем в КЛЯ, реализуется значение однократности действия. В РР более широк состав глаголов с суффиксом *-ну(ть)*, ср.: *гыгыкнуть* [НРЛ – 1985, с.67]. Однократные глаголы представляют собой высокопродуктивный тип, производящий глаголы разной семантики. Например, глагол *аукнуться* со значением «отзываться, сказываться»: *Паника на лондонском рынке аукнулась в Тайланде серьезным ударом по судьбам людей* [НРЛ – 1985].

В РР нередко образуются словообразовательные варианты уже имеющихся в языке узуальных слов, ср.: *гулькать / гулькотать* [НРЛ – 1986, с.76]. Для разговорной и художественной речи характерно образование имен существительных от беспрефиксальных глаголов со значением шума, звучания, ср.: *встрях* [НРЛ – 1985, с.52], *сюсюк* [НРЛ – 1985, с.360], *фырк* [НРЛ – 1986, с.314], *бульк* [НРЛ – 1985, с.38] и др. Разговорной речи свойственно образование контекстных окказиональных синонимов. Так, например, в словаре НРЛ – 1985 зафиксированы имена прилагательные, синонимичные узуальным словам: *чихучая* (пыль), *хрумкие* (огурчики).

Данные словарей НРЛ – 1987, 1988 позволяют дополнить двусловное СГ *«чух»* (*чух / чушка*) тремя производными в парадигмах первого и второго деривационного шага:

чух | *чуш – к – а* |

чух – а – ть		*за – чухать* *по- чухать – ся*

В основной части словарных материалов НРЛ – 1987 зафиксирован отмеждометный глагол чурать (с. 310). Считаем возможным включить его в состав СГ *«чур»*:

чур	*чур – а – ть*	*чурать – ся*	*за – чураться* *от - чураться*

О.Ю.Ладанова (Пенза)

ЗАКОНЫ ЛОГИКИ И РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН (КАТЕГОРИЯ «ИЗОБРЕТЕНИЕ») КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТИЖЕНИЯ ИСКУССТВА СЛОВА

Проблема совершенствования речи интересует педагогов с V века до н.э., и столь же долго ведется поиск адекватных методов развития этой способности у учеников.

Рассмотрим влияние знания законов логики, риторического канона на речь, ориентируясь на труды древнегреческого философа Аристотеля «Органон» и «Риторика» (Аристотель 1978). В основе любого высказывания лежит мысль. Содержание мыслей составляют отражаемые в мысли связи предметов и явлений действительности. Знание логики создает представление о способах соединения частей мысленного содержания, расположения частей мысленного содержания одна относительно другой. Переход от одной мысли к другой при сохранении правильной логической связи между частями мысленного содержания обеспечивается соблюдением законов логики. «Формально-логические законы – это связи между мыслями, при которых истинность одних с необходимостью обусловливает истинность других мыслей» (А.П.Бойко 1994: 8). Логические законы отражают общие, внутренние, необходимые, существенные связи между мыслями и их элементами.

Путь от мысли к слову, а точнее от ораторской задачи к ее исполнению, лежит через пять ступеней (этапов) риторического канона, три из которых – инвенция (или «нахождение», «изобретение»); диспозиция (или «расположение»); элокуция («словесное оформление мысли») – в своем основании опираются на законы логики: тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания.

Обратимся к инвенции (изобретению). Разработать тему речи – подразделить на ряд подтем, или микротем, которые в совокупности и составят тему, – помогают знания о понятийной форме мышления (В.И.Кириллов, А.А.Старченко 1982).

Форма мысли, отражающая предметы в их существенных и общих признаках, составляет суть понятия.

Содержание понятия раскрывается как совокупность существенных признаков предметов, отраженных в понятии. Раскрыть содержание понятия, установить значение того или иного слова или термина в процессе речи помогает логическая операция определение. Понятие, которое нужно определить, подводится под ближайшее родовое понятие, в объеме которого мыслится определяемое и указываются его отличительные признаки. В риторике для обозначения этого процесса употребляется термин «общее место», «топ». Общее место – всем известная истина, слишком часто употребляющееся, всем известное выражение, которое говорящий запоминает и использует в подходящем случае (А.К.Михальская 1996).

Когда-то «общие места» представляли собой не избитые фразы, не готовый результат чужого творчества, а настоящие смысловые модели, по которым любой говорящий мог творить сам. Ими же пользовались и пользуются писатели и поэты для создания ярких, необычных образов в своих произведениях. За примерами обратимся к произведениям литературы, рекомендованным для изучения в 9 классе программой под общей редакцией В.Я.Коровиной (Программы… 2002). «Сожженное письмо» А.С.Пушкина. Стихотворение раскрывает тему любви и является откликом на реальные события в жизни А.С.Пушкина – отношения с Е.К.Воронцовой, чувство к которой можно определить как «утраченная любовь». Горящее письмо от любимой вызывает у лирического героя грустное чувство из-за необходимости «предать огню все радости мои», символизирует утраченную, несбывшуюся любовь. «Легкий пепел», «пепел милый» – все, что от нее остается в качестве «отрады бедной в судьбе» героя, для которого эта любовь несбыточна. Пушкин использует в своем стихотворении довольно известное «общее место» о несчастной, оставшейся в прошлом любви, основанное на образах огня, пепла. Схема движения мысли по теме такова: любовь → несчастье → пожар → угли → пепел.

Следует заметить, что воспоминания об ушедшей любви у А.С.Пушкина – явление, довольно часто встречающееся. Но говоря о ней, он ни в одном стихотворении не повторяется, используя каждый раз разные смысловые модели-топы.

Интересно проследить развитие мысли автора в стихотворении «Ночь», где он использует традиционную схему развития мысли: любовь → несчастье → потоп → река, море, ручей, употребляя выражение «текут ручьи любви», но находкой автора является то, что «ручьи любви» – это не слезы страдания, а стихи, которые рождаются при воспоминании о былой любви.

Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут ручьи любви; текут, полны тобою…

Как видно из примеров, смысловые модели помогают «изобрести» идею, содержание речи.

Цитируемая литература:

Аристотель. Органон. Риторика //В книге: Античные риторики/ Сост. А.А.Тахо-Годи. – М., 1978.

Бойко А.П. Логика: Учебно-методическое пособие. – М., Спектр, 1994. –С.8.

Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. – М.,1982, гл. 2, §§1-4; гл.3 §§1-3.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996.

Программы общеобразовательных учреждений. Литература. Под редакцией В.Я.Коровиной. – М.:Просвещение, 2002.

Канд. филол. н. И.В.Приорова (Астрахань)

К ВОПРОСУ ПАРАДИГМАТИКИ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЕН

Проблема несклоняемости имен в лингвистике не нова. Традиционно они рассматриваются в рамках нормативного употребления или с позиции их морфологии, или с позиции их лексикографической репрезентации.

Функциональная активность в речевом пространстве определяет их потенциальные возможности не только в пределах нормативного употребления. Нормированность/ненормированность употребления несклоняемых существительных (НС) ставится в зависимость от известности их толкования и речевой популярности. Не имея внутрисловного выражения числовых, падежных и родовых значений через мену флексий, НС все же могут изменяться, оказываясь за пределами литературной нормы. Дискурс в этом случае, как правило, относится либо к разговорному, либо к художественному стилям. Такое разграничение в функционировании НС противопоставляется по принципу ошибка/прием. Анализ материала позволил противопоставить две группы дискурсов, которые характеризуются единой модальностью и единой стилистической окраской:

а) тексты, где НС используются с нарушением орфоэпической и грамматической норм бессознательно и, являясь фактом языковой безграмотности, рассматриваются в аспекте ортологии (*В нашем магазине огромный выбор элитного оборудования. Новые поступления* ***жалюзей***.);

б) тексты, где нарушение грамматической и орфоэпической норм в употреблении НС делается сознательно, как художественный прием, и рассматривается в аспекте стилистики (*Из всех знаков препинания я хотел бы быть* ***тирем***. *В. Ерофеев)*.

Контраст по принципу прием/ошибка напрямую зависит от допустимости\ запрета в процессе коммуникации. Удачное применение средств выразительности (в нашем случае изменение грамматической формы НС), безусловно, повышает планку восприятия текста:

Женщины, тоже радостно мокрые,

Разом забыли, что платья их – модные,
И бородатые **милицианос**,
Застыв, сохранили молодцеватость.
(Е.Евтушенко. Фидель и Гагарин)

Неудачное же применение, напротив, понижает ее: Дорвалась русская душа до джакузи с **жалюзями** (ХФ «Дети понедельника» Д.Медянкин – И. Скляр).

Анализ дискурсов, где художественный эффект достигается изменением формы заимствованных НС, позволяет говорить о перспективности исследования их имплицитных парадигматических свойств. Изучение НС в речевом пространстве является эффективным способом комплексного анализа слов с нетипичной для русского языка морфологией, которая проявляет себя эксплицитно на синтагматическом уровне, сохраняя имплицитность на парадигматическом уровне. Ортологические запреты и стилистические возможности определяют границы допустимости в изменении формы слов данной группы.

Отклонения от нормы в функционировании НС составили «отрицательный материал» (Н.Д.Арутюнова 1999: 80). Ценность этого материала в том, что НС берут на себя роль определителя закономерности, когда содержание формы слова мотивирует или не мотивирует ее выбор, а сама форма предстает в виде маркера коммуникативно-оправданных средств.

Коммуникативно-психологическая задача говорящего/пишущего – привлечь внимание к объекту речи и к себе напрямую зависит от культурно-эстетического пространства, в котором говорящий чувствует себя адекватно. Потенциальные парадигматические свойства НС позволяют оценить их с позиции эмоционально-выразительных возможностей грамматической формы слова. Функционируя как лексико-грамматическая реальность языка, которая усиливает грамматическую сторону слова, активизирует ее, отделяясь от традиционной неизменяемой формы, парадигма НС попадает в сферу не только синтагмы, но и предложения, которое приобретает коннотативный оттенок только благодаря ей.

Канд. филол. н. А.М.Пронин (Пенза)

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФРОНТАЦИЙ

Экс-президент США Джон Кеннеди в своё время справедливо заметил: "У культуры есть враг, имя которому – невежество". Невежество начинается там, где люди пренебрегают идеалами культуры мирного и взаимовыгодного сотрудничества. Вирусы невежества достигают катастрофических масштабов там, где зависть и жадность не ведают границ, где попираются законы и нормы человеческого общежития, где процветает культ силы и вседозволенности. Эти аморальные издержки и извращения в противостоянии человеческого (гуманистического, милосердного) и бесовского осуждал Ф.М.Достоевский в романе «Бесы» и др. произведениях.

Быть предупреждённым означает – быть спасённым. Но не все, имеющие глаза и разум внимают голосам объективных пророков. Увы, в языческом мировосприятии «Всякий человеческий бог есть только сила, но не благая сила». Бог становится благой силой в сознании и душе миротворцев, но их и в прошлом и в настоящем – меньшинство. Противостояние сил добра и зла – явление древнее и, увы, чаще всего разрушительное для такого добра, которое игнорирует культуру самообороны.

В мировой культуре давно наблюдается не формальное противостояние «Запада» и «Востока». Это – противостояние культов захватнической силы и (извините настырности) в ущерб христианским, мусульманским и рационально-светским ценностям культуры общечеловеческого общежития.

Мотивы цивилизованного «Запада» и орнаментального «Востока» в культуре народов мира – это лишь экзотический колорит для наивной публики. В действительности же все проще и конкретнее: богатые везде живут за счёт нарушения законов и хитрой эксплуатации законопослушных граждан. Проблемы соотношения интересов Запада и Востока получили оригинальное отражение в художественном творчестве И.В.Гёте, Р.Киплинга, в философском наследии Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, В.Соловьева, Н.Рериха, М.Ганди и др. Их концепции сложных взаимоотношений Запада и Востока неоднозначны по теоретическим позициям и практическим выводам.

Для одних: «Правда всегда в силе, ибо она сама себя доказывает и потому глупой не бывает – пока не потерпит крах» – А. Круглов.

Для других: «Правда (истина как высшее выражение правды), в отличие от силы, бессмертна. Сила может убить (одного или очень многих), но правда не может умереть, ибо народ – бессмертен (В.Гроссман). Проблема векторной направленности силы и правды в эволюции нравственных ценностей в общественном сознании зависит от массовой экзальтации в оценке национального лидера.

Всякий авторитет – это власть на разумом. Право силы – это право победившего. Но побеждает не всегда справедливый. В «естественном» отборе много противоестественного, грязного, аморального, противного нравственным идеалам сути человеческой. А.Круглов в статье «Сила и сакральное» резюмирует: «Правда с позиции разума – вещь абсурдная. То есть либо мистицизм – либо насилие». Поэтому для одних превыше всего истина из Библии или Корана, а для других – приказ Буша или Саддама. Когда человек и общество поклоняется только авторитету силы (они, они, мы) еще на стадии развития языческой культуры. А это значит – люди добровольно или под страхом идут на жертвы служения культу обожествлённой силы. Когда в нравственном сознании людей Бог становится силой благой (силой защиты нравственных идеалов), то ему угождают только добром. Затем, когда Бог в сознании людей станет само добро, то люди

будут служить добру и делать его без угодничества, без лицемерия, без страха… А пока (как свидетельствуют события нашего времени) многие люди и на Западе и на Востоке еще не выросли выше первой стадии духовно-нравственного развития. Эту мысль нельзя отвергнуть, ибо истина останется и к ней всё равно будет обращено сознание тех, кто ищет причину бед и приёмы исцеления общественного сознания.

Итак причины (разрушительных конфронтаций на линии «Запад»-«Восток») отчасти определены. Виной конфронтаций являются не этноконфессиональные отличия, но зависть и жадность, осуждаемые пацифистской моралью. Приёмы же решения данной проблемы можно найти в юридических нормах международного права, если подходить к нему не с позиции Ницше («Жалость тянет назад»), но с позиции Совести и Закона о защите идеалов мира (которые обязательны для всех). Жизнь для мира – это воля, то есть сила мира. Если хочешь жить в мире, насыщенном неистребимыми пороками рода человеческого, то имей силу воли им противостоять: защищаться, обороняться и сохранять паритет сил на всех уровнях социальных коммуникаций. Там, где позиции пацифизма слабые, там не быть надежному миру. Мы наблюдаем техническое совершенствование милитаристических сил. Значит, для равновесия надо заботиться о достаточной обороне мира на планете людей.

Докт. филол. наук А.В.Пузырев (Пенза)

АНАЛИЗ ТЕКСТА О СУДЬБЕ КАК ОПЫТ НИСХОЖДЕНИЯ ОТ КОНКРЕТНОГО К АБСТРАКТНОМУ

В начале своего доклада оговорим некоторые исходные позиции. В своей работе автор пользуется универсальной схемой научного исследования как одним из вариантов метода восхождения от абстрактного к конкретному. Считаем своим долгом напомнить, что автором этого подхода к научному предмету является русский философ А.А.Гагаев.

В диалектике абстрактное знание принято считать бедным, а конкретное – богатым, именно поэтому движение мысли от абстрактного к конкретному именуется восхождением. В настоящем докладе используется противоположный вектор рассуждений, а именно – движение от конкретного к абстрактному, что и позволяет его расценивать как нисхождение мысли.

Универсальная схема научного исследования вполне может быть использована при анализе конкретных ситуаций, где должны различаться:

1) исходные причины и условия;

2) внутренний закон развития;

3) материальный факт как реализация внутреннего закона развития данного предмета;

4) уникально-неповторимая во времени и пространстве интерпретация материального факта как проявления того или иного внутреннего за-

кона развития в результате переплетения тех или иных исходных причин и условий.

Использование универсальной схемы исследования позволяет дать вполне совместимые с научными определения *Богу* и *сатане*. Часто не вербализуется, но под *Богом* обычно понимается активная сила высшего закона покоя, равновесия, созидающей гармонии и любви. Иными словами, в такой трактовке представление о *Боге* предстаёт как представление о высшем, облагороженном законе жизни. Антиподом *Богу* на Земле выступает закон неравновесия, разрушения, конфликтности, дисгармонии и ненависти. В обыденном сознании он обозначается именем *сатана*.

В качестве текста о судьбе рассмотрим статью Полины Молотковой «Жизнь и смерть вундеркинда», опубликованную в «Аргументах и фактах» в августе 2002 г. – № 34 (1139), с. 15, рубрика "Судьбы".

Приведём сам текст полностью (представим его более мелким шрифтом).

ЭТИМ летом в Москве в Высоко-Петровском монастыре отпевали Нику Турбину. В 80-х это имя гремело на весь мир. Помните маленькую девочку, которая читала свои стихи наравне со знаменитыми поэтами? Это и была Ника.

КТО БЫ мог тогда подумать, что она не доживет до своего 28-летия? Когда Ника умерла в мае этого года, газеты снова вспомнили о ней и запестрели заголовками: "Выросшая девочка-вундеркинд покончила с собой!" Ника разбилась, упав из окна 5-го этажа. Несколько лет назад она уже падала и тоже с 5-го этажа, но другого дома. Тогда ей повезло, а во второй раз судьба ее не пощадила. Но Ника не убивала себя.

«Тяжелы мои стихи»

1978 год. Четырехлетняя Ника не спала по ночам. У нее была астма. Мама и бабушка поочередно дежурили у постели девочки, а она пугала их тем, что просила: "Запишите строчки!" И диктовала стихи – совсем не детские, трагические. Скептики говорили, что эти стихи принадлежат другому, взрослому поэту. Мистики – что это умерший гений диктует ей свои строки. Ника говорила: "Это не я пишу. Бог водит моей рукой".

Мама Ники была талантливой художницей, но так и не смогла реализоваться. Говорят, ей очень хотелось, чтобы в семье была знаменитость, и своей дочке она с самого раннего детства читала серьезных поэтов – Ахматову, Мандельштама, Пастернака. В ялтинском доме дедушки Ники Анатолия Никаноркина, известного крымского писателя, собирались литераторы, приезжавшие из Москвы на отдых. Мама просила их помочь напечатать дочкины стихи в столице. Далеко не всем эта идея казалась удачной, ее предостерегали – психика девочки еще не окрепла, а мир она уже видит в трагических тонах. Тем не менее скоро в центральной прессе появились большие публикации о ялтинском вундеркинде. Нику стали приглашать на литературные вечера. В 9 лет у нее уже вышла первая книга стихов – "Черновик", вступительное слово к которой написал Евгений Евтушенко. Книгу перевели на 12 языков.

Это была интересная игра – "в поэтессу". Нику возили по всему миру. Она выходила на сцену перед огромным залом, маленькая, но очень серьезная девочка с причес-

кой, как у Марины Цветаевой, и читала взрослым голосом: *"Жизнь моя – черновик, на котором все буквы – созвездья..."*

В 1985 году в Венеции Нике вручили самую престижную поэтическую премию – "Золотого льва", которой до нее из советских поэтов была удостоена лишь Анна Ахматова. Ника тут же отколотила зверю лапы – правда ли он золотой? Лев оказался гипсовым,

Уже взрослая Ника говорила об этом времени: "По улицам слона водили. Это была Ника Турбина. А потом слона бросили и забыли".

С 11 лет Ника уже жила в Москве, ходила в обычную школу. Ее мама снова вышла замуж и родила еще одну дочку – Машу. Наверное, Нике не хватало маминого внимания. Еще в начале всей этой шумихи она посвятила ей такие строки: *"...Только, слышишь, не бросай меня одну. Превратятся все стихи мои в беду".*

В 1990 г. Ника поехала учиться в Швейцарию. Ее пригласил туда пожилой швейцарский доктор, который запомнил Нику еще маленькой и написал ее родным множество писем. Закончилось все неожиданно, но банально – постелью. 76-летний профессор для своего возраста выглядел очень хорошо – благодаря многочисленным операциям он даже мог дать фору молодому мужчине. Был интересным собеседником, Нику не обижал, но целыми днями пропадал в своей клинике. Ника, замученная бездельем, начала пить, а через год сбежала от него. Публично своих стихов она уже давно не читала.

«Я упаду, но тут же встану»

1994 г. В Московский институт культуры Нику приняли без экзаменов. Курс вела Алена Галич, ставшая ее любимой учительницей и близкой подругой. Она уверена, что Ника была талантлива – еще в 14 лет очень удачно снялась в фильме "Это было у моря" с Ниной Руслановой. У нее была необычная, роковая, как будто специально для немого кино предназначенная внешность – зеленые глаза, каштановые волосы, родинка над губой. И при этом – нарушенная психика, неважная координация и ненадежная память. Тем не менее первые полгода Ника проучилась очень хорошо. И снова писала стихи – на любом клочке бумаги и даже губной помадой, если под рукой не было карандаша. Но 17 декабря, в день своего 20-летия, Ника, которая уже не раз "зашивалась", сорвалась.

У Алены Галич до сих пор хранятся дома написанные ее рукой заявления: "Я, Ника Турбина, даю слово своей преподавательнице Алене Галич, что больше пить не буду". Но в конце первого курса, незадолго до экзаменов, Ника уехала в Ялту к Косте, парню, с которым встречалась уже несколько лет. К экзаменам она не вернулась.

Восстановиться в институте удалось не сразу и только на заочное отделение. С Костей они расстались. Ему хотелось иметь нормальную семью, а с Никой нужно было нянчиться как с ребенком. Вскоре Костя женился.

Май 1997 года. В тот день с Никой был другой мужчина. Они поссорились. Ника бросилась к балкону – как потом говорила, "в шутку", не удержалась, повисла и тут же протрезвела. Он схватил ее за руки, Ника пыталась забраться назад. Спасло только то, что, падая, она зацепилась за дерево. Была сломана ключица, поврежден позвоночник. В больницу к ней пришли поэты, журналисты. Говорили, что в ее глазах была жуткая обида: только так и заставишь вас вспомнить о себе.

После этого случая Алена Галич поняла, что Нике необходимо серьезное стационарное лечение. Еще в детстве, когда бабушка ездила с ней по всему миру, американские врачи говорили, что при такой нагрузке ребенку необходимы консультации психолога, но в СССР это считалось ненужной роскошью. Галич договорилась, что Нику на три месяца положат в специальную американскую клинику. Чтобы получить скидки, пришлось собрать огромное количество подписей. Но, когда американцы согласились,

мама Ники внезапно увезла ее в Ялту. Алена Александровна сидела дома, рвала эти письма и плакала. О той упущенной возможности она теперь жалеет больше всего.

В Ялте Ника попала в местную психушку. Ее забрали после буйного припадка, которых раньше с ней вроде бы не случалось. Вызволяли ее оттуда все та же любимая преподавательница и Костя.

«Одиночество – смерти друг»

Ника патологически боялась жить одна. В свою комнату, оставшуюся от матери и ее второго мужа, которые уже давно развелись, приглашала то подруг, то друзей. Так появился Саша М., актер одного из московских театров, с которым она прожила около четырех лет. Он тоже много пил.

11 мая 2002 года они были в гостях у своей знакомой Инны, которая жила на той же улице. Выпили. Саша и Инна пошли в магазин, а Ника ждала их, сидя на подоконнике пятого этажа, свесив ноги вниз. Это была ее излюбленная поза, она никогда не боялась высоты. Видимо, она неудачно повернулась. С координацией у Ники всегда было плохо. Гуляющий с собакой мужчина увидел, как она повисла на окне, и услышал ее крик: "Саша, помоги мне, я сейчас сорвусь!" Внизу какие-то люди пытались растянуть куртку. Но на этот раз Бог Нику не спас.

Друзья Ники узнали о ее смерти случайно, ночью накануне кремации. Когда утром 18 мая Алена Галич и ее сын приехали в больницу Склифосовского, Саша сказал им, что кремация пройдет прямо там. Алена Александровна не знала, что в Склифе нет крематория. Попрощавшись с Никой, она уехала. Гроб повезли в Подмосковье озлобленные рабочие, которым Саша просто не захотел платить. Ника, которая больше всего на свете боялась одиночества, поехала в свой последний путь одна.

P.S. Чтобы Нику отпели, милиция дала письменное подтверждение о том, что ее гибель не была самоубийством. Алена Галич добилась, чтобы прах ее ученицы захоронили на Ваганьковском кладбище.

Вот этот текст. Не будем обращать внимания на достаточно выраженное пристрастие автора к одному из персонажей статьи (к Алёне Александровне Галич). В данном случае нас интересуют выводы, которые вытекают из представленного фактического материала.

Из статьи следует, что судьба конкретного человека является материализацией его психологических программ. Одна из таких программ в тексте вербализована: «*...Только, слышишь, не бросай меня одну. Превратятся все стихи мои в беду».* Если согласиться с широко распространённым мнением о том, что миром руководят не материальные обстоятельства, а законы, то следует признать, что к ранней смерти конкретного человека (Н.Турбиной) её ранние стихи имеют самое непосредственное отношение.

Следует обратить внимание на характер самих стихов. Из статьи видно, что дочь реализовывала материнскую психологическую программу – стать известной: «Мама Ники была талантливой художницей, но так и не смогла реализоваться. Говорят, ей очень хотелось, чтобы в семье была знаменитость, и своей дочке она с самого раннего детства читала серьезных поэтов – Ахматову, Мандельштама, Пастернака». Эту известность, в частности, помогали завоевать стихи вундеркинда: «…Скоро в централь-

ной прессе появились большие публикации о ялтинском вундеркинде. Нику стали приглашать на литературные вечера. В 9 лет у нее уже вышла первая книга стихов – "Черновик", вступительное слово к которой написал Евгений Евтушенко. Книгу перевели на 12 языков. Это была интересная игра – "в поэтессу". Нику возили по всему миру».

Действие психологической программы – стать известной – обнаруживается даже за год до её ранней смерти: «Говорили, что в ее глазах была жуткая обида: только так и заставишь вас вспомнить о себе».

Немаловажную роль для наступления ранней смерти героини очерка сыграло заложенное ещё в раннем детстве её чувство «избранности» и даже *богоизбранности*: *«Это не я пишу. Бог водит моей рукой»*. Представление о том, что Бог водит твоей рукой, в соответствии с используемой нами методологией, демонстрирует уровень интерпретации, которая, по определению, вовсе не обязательно является истинной. Если же учесть, что ранние стихи привели, по словам самой Ники, *к беде* (к её ранней смерти), то нельзя не признать, что мнение о *божественном* происхождении этих стихов стороннему наблюдателю покажется, скорее всего, ошибочным.

Достаточно определённо напрашивается вывод о том, что заложенная матерью программа *избранности* и послужила психологическим мостиком к ранней смерти Ники Турбиной. В несколько более смягчённом, но и более обобщённом виде подобный вывод сформулирован известным исследователем судьбы С.Н.Лазаревым: «…Мать, которая восторгается своими детьми, убивает их, даже не подозревая об этом» (С.Н.Лазарев 1997.4: *144*)

Подчинение своей жизни какой-то чужой для тебя программе (пусть даже материнской, пусть даже из самых благих побуждений) отнимает жизненные силы и сокращает сроки самой жизни. Уместно привести мнение Леопольда Зонди о том, что выбор родового бессознательного во многом сказывается 1) при выборе супруга; 2) при выборе друзей; 3) при выборе профессии и хобби; 4) при выборе болезни; 5) при выборе способа смерти, например, самоубийства (см.: А.Альтенвегер и др. 1994: 29).

Приведённая статья интересна тем, что на фактическом материале подтверждает необходимость – особенно для сохранения жизни женщины – соблюдения законов морали. Так, Адольф Гитлер, узнав, что практически все незамужние русские женщины, заключённые в концлагерях, были девственницами, посчитал это самой большой угрозой национальным интересам фашистской Германии. Адольфа Гитлера можно упрекнуть во многом, но только не в отсутствии ума, если его «Моя борьба» до сих пор запрещена в сверхсвободном западном мире, хотя распространению агрессии, культа насилия, гомосексуализма в этом же обществе вроде бы препятствий не наблюдается.

«De mortuis aut bene, aut nihil» ("О мертвых или хорошо или ничего" – *лат.*), поэтому все факты относительно морального облика читатель найдет в процитированной статье П.Молотковой сам.

Статья П.Молотковой интересна и тем, что в ней приводится фактический материал о многообразии способов психологической защиты, которые использует человек для сохранения своих не совсем адекватных взглядов на реальность.

В первую очередь к этим способам можно отнести уход в болезнь, алкоголизм, несчастные случаи.

Уход в болезнь, как известно по работам З.Фрейда, позволяет, с одной стороны, находить сочувствие окружающих, а с другой – означает медленное умирание. Поиск повышенного внимания, как было сказано ранее, был заложен матерью в самом раннем детстве, эта материнская программа и стала одной из основных причин астмы.

Уже никого не удивить мнением о существовании своего рода символики у тех или иных заболеваний. По психосоматической медицине защищена уже не одна кандидатская и докторская диссертация. Как пишет автор книги по «метафизике болезней и недугов» Лиз Бурбо, больной астмой хочет казаться более сильным, чем он есть на самом деле, так как думает, что этим вызовет любовь к себе. Он не способен реально оценивать свои возможности и способности. Он хочет брать больше, чем следует, и отдаёт с большим трудом. Но постоянно брать больше, чем отдавать, наказуемо, точнее – невозможно в свете действия высшего закона равновесия. Подтверждением справедливости такого мнения служит то, что «Ника, которая больше всего на свете боялась одиночества, поехала в свой последний путь одна», – случайностей не бывает.

Алкоголизм, о котором достаточно часто говорится в цитированной статье, демонстрирует такой способ психологической защиты, как оглушение. Достоинством такого способа психологической защиты является то, что на какое-то время устраняются конфликты, фрустрации, страхи, вина, достигается ощущение силы, что выглядит как спасение от пугающей действительности. В то же самое время возникает зависимость от алкоголя и наркотика, изменяются органические структуры организма, возникает болезнь. Глубинные психологические проблемы таким способом решены быть не могут.

Несчастные случаи (второй из описанных в статье П.Молотковой стал последним для героини очерка) тоже вовсе не случайны. По мнению уже цитировавшейся Л.Бурбо, несчастные случаи говорят о том, что человек чувствует себя в чём-то виноватым (Л.Бурбо 2002: 194-195). Может быть, это было ощущение вины за собственное несоответствие возлагавшимся надеждам? Оснований для такого ощущения, судя по анализируемой статье, было предостаточно. Несчастный случай, пишет Л.Бурбо там же, –

один из способов, при помощи которых люди пытаются избавиться от ощущения вины.

Любопытно, что в статье обозначена существовавшая для Ники Турбиной вполне реальная возможность трансформировать негативные психологические программы – обратиться за помощью к психотерапевтам: «Еще в детстве, когда бабушка ездила с ней по всему миру, американские врачи говорили, что при такой нагрузке ребенку необходимы консультации психолога, но в СССР это считалось ненужной роскошью. Галич договорилась, что Нику на три месяца положат в специальную американскую клинику. Чтобы получить скидки, пришлось собрать огромное количество подписей. Но, когда американцы согласились, мама Ники внезапно увезла ее в Ялту».

В данном случае следует заметить, что Нике Турбиной в 1997 году было уже далеко за двадцать. Поэтому в данном случае уместней говорить о собственной ответственности за жизнь. Героиня шла по составленному для нее сценарию жизни и свернуть с этого пути не могла. В данном конкретном случае более справедливо говорить не о материнском, но о собственном выборе, о собственной ответственности за жизнь. В этом (и только этом) смысле Ника убила сама себя, и газетные заголовки подобного содержания были не так уж далеки от истины, как это хотелось бы представить автору очерка о судьбе вундеркинда.

Из очерка о судьбе напрашивается вывод, что раннее знакомство детей с творчеством Ахматовой, Пастернака, Мандельштама может служить фактором сокращения продолжительности жизни. Вообще, раннее приобщение к миру взрослых отнимает детство и губительно для человека. Мысль далеко не новая, она высказывалась ещё В.Маяковским: «Детям дайте Маршака, а меня не надо».

Есть основания считать (эта мысль неоднократно высказывалась в научной литературе), что и раннее приобщение к миру языка в чём-то ограничивает когнитивные возможности ребёнка, отнимает у него возможности для образного постижения мира.

В условиях настоящего доклада нет возможностей остановиться на всех выводах, которые могут быть сделаны путем нисхождения от конкретного к абстрактному. Попытаемся сформулировать главный из них – позитивного содержания.

Человеческая мысль материализуется в жизненных обстоятельствах этого человека. Продуктивным подходом в затруднительных обстоятельствах является осознание «вызовов времени», что позволяет выработать более гармоничное отношение к жизни. Это осознание позволит облагородить жизнь, позволит усилить действие высшего закона покоя, равновесия, гармонии и любви. Здесь не обойтись без психологов, без специалистов по человеческой душе.

Мы отдаём себе отчёт в том, что наши представления противоречат чьим-то профессиональным представлениям, ср.: «В 1972 или 1973 году на «дне открытых дверей» факультета психологии Московского университета перед нами, тогда школьниками, выступал декан факультета академик Леонтьев. В его речи меня поразила одна фраза. Ее смысл сводился к следующему: «Тому, кто хочет стать специалистом по человеческой душе, на факультете делать нечего». Это замечание вызвало у меня протест: «Как же так?! Так не может, не должно быть!» В последующем я убедился, как был прав академик» (А.И.Зеличенко 1996).

В основе наших представлений лежит универсальная схема научного исследования, предложенная русским философом. Судьба человека, в нашем понимании, есть последовательность жизненных событий как материализация внутренних психологических программ (см. также: А.В.Пузырев 2002). Как материализовались в судьбе Ники Турбиной её психологические программы, этому, собственно, и посвящен анализируемый текст о судьбе, своего рода предупреждение о мощи бессознательных психологических программ. А тот, кто предупреждён, тот вооружён.

Под Богом… понимается активная сила высшего закона покоя, равновесия, созидающей гармонии и любви. В такой трактовке представление о Боге предстаёт как представление о высшем, облагороженном законе жизни. Антиподом Богу на Земле выступает закон неравновесия, разрушения, конфликтности, дисгармонии и ненависти. В обыденном сознании он обозначается именем ***сатана.***

Знание законов гармонии и разрушения позволит выстроить наиболее грамотную линию поведения для продолжения жизни.

А.В.Пузырев. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза, 2002. С. 111.

Цитируемая литература

Альтенвегер А., Бернье-Хюрбин А., Бюрги-Майер К., Ютнер Ф., Крамер М. Судьбоанализ Леопольда Зонди // Психология судьбы: Сб. статей по глубинной психологии / Под ред. д-ра филос. наук проф. В.Б.Куликова; Пер. А.В.Тихомиров, В.В.Джос; сост. Н.С.Бастракова, А.И. Ложкин, А.В.Тихомиров. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – № 1. – С. 22-56.

Бурбо Л. Твое тело говорит: Люби себя: Самая полная книга по метафизике болезней и недугов / Пер. с фр. – К.: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002. – 336 с.

Зеличенко А.И. Психология духовности. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. – 400 с.

Лазарев С.Н. Диагностика кармы: Книга четвёртая. Прикосновение к будущему. – СПб.: Академия Парапсихологии, 1997. – 208 с.

Пузырев А.В. Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. – Пенза: ПГПУ имени В.Г. Белинского, 2002. – 163 с.

Канд. филол. н. Е.Н.Сердобинцева (Пенза)

НЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

Известно, что любые изменения в социальной структуре общества влекут за собой изменения в языке.

Значительным изменениям подвергся и язык газет, представляющий публицистический стиль. Газетная речь перенасыщена нелитературной лексикой. К нелитературной лексике относят просторечные, жаргонные, профессиональные и диалектные слова. Все эти разновидности национального языка объединяют общие черты: определенная ограниченность в употреблении и присущая им эмоционально-экспрессивная окраска. Долгое время названная лексика не допускалась к широкому использованию цензурой языковой нормы. Данные слова имели строго определенное назначение и проходили тщательный отбор, прежде чем попасть на страницы газет. Вместе с ломкой социальных и общественных устоев были снесены границы норм литературного языка. Сладкий привкус куража вседозволенности ввел в речь газетной публицистики мутные потоки ненормированной лексики. Однако грязная вода останется грязной даже при сильной жажде. Поэтому в настоящее время забили тревогу по поводу состояния национального языка не только лингвисты.

Язык обладает огромной силой воздействия – это одна из его функций. Функцию воздействия выполняют лексические единицы, в семантике которых наряду с денотативными присутствуют коннотативные семы. Одной из особенностей устной речи является наличие слов с яркой коннота-

цией. Коннотации содержат яркий образ, который впечатывается в сознание читателя, эмоцию, которая будоражит, экспрессию, которая побуждает к какому-то действию. Возникает вопрос, на что направлена функция воздействия заключенная в нелитературной лексике.

Рассмотрим особенности каждой из перечисленных групп лексики с точки зрения использования ее в публицистических текстах газет г. Пензы. За последнее десятилетие значительно расширилась тематика газетных публикаций. Кроме традиционных новостей, популярными стали криминальные, сексуальные, паранормальные и другие подобные новости. Во всех перечисленных материалах присутствуют жаргонные слова: фанера, тусовка, байк, лажа, ящик, отрываться, балдеть, башлять, торчат и др. Наибольшей популярностью у газетчиков пользуется жаргон деклассированных элементов. Он составляет примерно 70% от общего количества используемых жаргонизмов. Используют слова, называющие самих уголовников: урка, блатарь, взломщик, шнырь, жук, жаба и т.п.; жертв преступлений: лох, фраер, штымп; орудий преступлений: блуда, перо, фигура; преступные действия: замочить, дуплить, запороть; представителей правоохранительных органов: вертухай, фига, митрополит, мент и многое другое. Более 20% жаргонной лексики представляют слова молодежного жаргона: развлекуха, сейшн, байк, френд, герла, бандура, прибалдеть, торчат, тащатся и подобные. Менее 10% составляет жаргон наркоманов: наркота, джеф, марафет, план, баян. Следует отметить размытость границ между данными разновидностями жаргона. Тесно переплетаются между собой жаргон наркоманов и уголовный. Молодежный жаргон щеголяет словечками иноязычного происхождения, не брезгуя средствами двух вышеназванных разновидностей. «Жаргон – разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой…» – такое определений дает Лингвистический энциклопедический словарь. Какую цель преследуют газетчики, насыщая тексты жаргонной лексикой? Может быть, газета имеет свою социальную направленность или хочет расширить границы социальной группы за счет привлечения в нее читателей.

Как говорят сами представители СМИ, разговорно-просторечную лексику используют для того, чтобы быть «ближе к народу», чтобы «разбавить слишком официальный» язык газет. К просторечию обращаются и за яркой оценочностью, и в поисках экспрессии. Безусловно, просторечные слова обладают очень емкой эмоционально-экспрессивной семантикой: барахло, бормотуха, амбал, белениться, горбатиться, сперли, чпокнул; полно золотишка, сожрал рынок, схватили болвашку, шибанул запах, икона скукожилась и т.п. «Опуская» язык газет до уровня бытового общения не слишком грамотных людей, журналисты тем самым стирают границу между книжным публицистическим стилем и разговорно-бытовой речью,

снижают статус газет, нивелируют серьезность публикуемого материала, унижают читателя.

Профессиональная лексика находится за пределами литературной нормы, т.к. бытует в устной неофициальной речи представителей определенной профессии. Профессионализмы не имеют широкого распространения, и понятны лишь людям одной профессии. Трудно объяснить причины, побуждающие журналистов использовать неофициальные узкоспециальные названия в своих материалах. Возможно, это желание показать свою эрудицию, возможно, это желание быть причастным к тому делу, о котором пишет. Не сходит с повестки дня информация об авиационных катастрофах. И постоянно слышишь из речи дикторов, читаешь в газетах о пресловутом, но очень важном «черном ящике». Непонятность смысла, заключенного в данном словосочетании, придает информации таинственность, нагнетает эмоции. Ведь слова «записывающее устройство» понятны и не вызывают эмоциональной угнетенности. Кроме затемнения смысла, профессионализмы как принадлежность устной разговорной речи обладают еще и яркими коннотативными семами: подметалка – уборщица, поисковик – работник поисково-спасательной службы, бальник – занимающийся бальными танцами, мартын – мартеновская печь, шкерка – потрошение и чистка рыбы. Безусловно, профессионализм может быть ярким средством отражения реалий трудовой деятельности людей. Но используя профессиональные слова как средство выразительности, надо помнить, что функция газет информативная, следовательно, текст должен быть прежде всего понятным, он должен информировать, а не развлекать.

Диалектная лексика всегда использовалась в публицистике как изобразительное средство для передачи колорита описываемой местности. Современные журналисты не нарушают традиций, и в газетах находим: векша, бирюк, былье, бурак, репухи, гольный и другие. Интересны этнографические диалектизмы: братина – большая чаша для вина, буза – легкий хмельной напиток, люлька – курительная трубка. Подобные примеры, хорошо обыгранные в тексте, необходимы, т.к. связывают читателя с историей страны. А вот использование диалектных слов типа: тамошний, здеся, тутака, с Москвы, вчерась необосновано, т.к. не привносит ничего нового, кроме «шарма» неграмотности.

Газета – одно из средств массовой информации, рассчитана на массового читателя. Журналист, редактор несет огромную ответственность за этическую, нравственную сторону не только тематики публикуемых материалов, но и за язык этих материалов. Ответственность эта не перед абстрактным образом массового читателя, а перед каждым конкретным человеком, перед конкретной семьей, которой адресована газета.

Нелитературная лексика обладает яркой образностью, эмоциональностью и экспрессией. Употребление отдельных слов в качестве выразительного средства может украсить речь, сделать ее живой и близкой читателю.

Однако всегда следует помнить о норме – и количественно ограничивающей поток нелитературных слов, и качественно отбирающей слова для конкретного текста.

И.И.Скачкова (Волгоград)

МЕЖДОМЕТНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ

Исследование посвящено изучению проблемы междометных референций. В нашем исследовании мы пользуемся следующим рабочим определением междометной референции: это отнесенность актуализованных междометий к эмоциональной ситуации и эмоции, которую выражает междометие. Тип эмоциональной ситуации, определяет то, как знак соотносится с эмоцией и эмоциональной ситуацией. В зависимости от ситуации эмоция, выражаемая междометием, может быть различной. Это происходит потому, что абсолютно повторяющихся эмоциональных ситуаций нет.

На данном этапе исследования в нашей картотеке находится 1795 английских междометий и их русских эквивалентов, которые были выбраны из произведений А.Кронина, С. Моэма и С. Шелдона и их профессиональных переводов на русский язык. Всего проанализировано 4000 страниц. В данной работе будут рассмотрены первичные устоявшиеся междометия английского языка, многозначные: “oh”, “ah” и однозначные: “alas”, “bah”. Эти междометия были выбраны для того, чтобы проверить правильность тезиса Ростена, который озвучила А.Вежбицкая, о том, что словарные междометия заключают в себе неконкретизированную эмоцию любого рода и что одно и тоже междометие может выражать то или иное чувство в зависимости от контекста и интонации.

Так, например, междометие “oh” используется в самых различных эмоциональных ситуациях и в различных значениях. Это подтверждается и нашими исследованиями, потому что в нашей картотеке имеется 445 примеров употребления этого междометия, что составляет 24,8% от общего количества примеров. Берлизон С.Б. отмечает что междометие “oh” имеет около ста различных оттенков (вариантов) эмотивного значения: в зависимости от контекста это междометие может выражать горе, радость, счастье, печаль, отчаяние, восхищение и т.д. Ситуация всегда определяет ту эмоцию, которую выражает данное междометие. В романе С.Моэма “Узорный покров” главная героиня поехала с мужем-врачом в район, где свирепствовала холера. Однажды Китти потеряла сознание. А когда очнулась, то испытала смертельный страх. “Then it came back. Cholera! She saw the consternation on the nun‘s face. … Once more terror overwhelmed her. “Oh, Mother, Mother,” she sobbed. “Am I going to die? I don‘t want to die.” В данной ситуации междометие “oh” выражает *смертельный страх*, а слово “terror” обозначает эту эмоцию.

Через некоторое время у Китти, которая ждет ребенка, от холеры умирает муж. Монахини, с которыми она ухаживала за больными детьми, решили отправить ее домой. С ней пришла проститься сестра Сен-Жозеф, приветливая и ласковая. Но Китти чувствовала, что для сестры все измеряется вечностью, а сама она, Китти, всего лишь бесплотный телесный дух. Ее так и подмывало схватить толстую, добродушную монашеньку за плечи, тряхнуть хорошенько и крикнуть: "Don't you know that I'm a human being, unhappy and alone, and I want comfort and sympathy and encouragement; oh, can't you turn a minute from God and give me a little compassion; not the Christian compassion that you have for all suffering things, but just human compassion for me?" В этом примере междометие "oh" выражает *отчаяние*, а сама эта эмоция определяется вертикальным контекстом. Еще через несколько дней Китти приезжает домой и узнает от своего отца, что сбылась его давняя мечта: ему предложили пост главного судьи на Багамах и он принял это предложение. Китти говорит: "Oh, father, I'm so glad. I congratulate you with all my heart." В этом примере междометие "oh" употребляется для выражения *радости*, а слово "glad" определяет эту эмоцию.

Междометие "ah" встретилось нам 44 раза, что составляет 2,6% от общего количества примеров. При этом, если следовать классификации А.Вежбицкой междометий на эмотивние, когнитивные и волитивные, то эмотивное междометие "ah" имеет референции с 25 эмоциями или оттенками эмоций. В каждом случае употребления оно выражает разные эмоции или чувства: разочарование, торжество, желание, восхищение, сожаление, любовь и т.д., которые определяются контекстом.

В романе С.Моэма "Театр" Джулии, главной героине, незнакомый испанец не только предложил свое спальное купе, т.к. в поезде не было свободных мест, и не взял денег за билет, но и принес бутылку шампанского. "It was an odd little adventure and Julia was enjoying it. It was wonderfully polite of him, ah, those foreigners, they knew how to treat a great actress." Междометие "ah" в этой ситуации выражает *удовольствие*, а слово "enjoy" определяет эту эмоцию.

В романе С.Моэма "Бремя страстей человеческих" Филип приехал летом на каникулы к тетушке и познакомился там с мисс Вилкинсон. Кокетничая, она спросила, влюблялся ли он уже. Филип покраснел и рассмеялся. "You want to know too much," he said. "Ah, I thought so," she laughed triumphantly. "Look at him blushing." В этой ситуации междометие "ah" выражает *торжество*, а слово "triumphantly" определяет эту эмоцию.

Междометие "alas" встретилось нам 11 раз, что составляет 0,6% от общего количества примеров. Дважды оно употреблялось для выражения разочарования, а 9 раз – для выражения сожаления. Разочарование и сожаление являются границами семантики этого междометия. В романе А.Кронина "Замок Броуди" Мэри, старшая дочь Броуди, ослушалась приказа своего отца не встречаться с любимым человеком. За это она была по-

сажена под домашний арест. Кроме того, она ждала ребенка и была вынуждена скрывать это. Только Мама приходила к Мэри с благочестивыми беседами, желая наставить ее на путь истинный. В один из таких приходов Мэри с отчаянием смотрела на мать. Все это время она тосковала по такой матери, которой могла бы открыть душу, к которой могла бы прильнуть и крикнуть ей: “ Mother, you are the refuge of my torn and afflicated heart! Comfort me and take my suffering from me! Wrap me in the mantle of your protection and shield me from the arrows of misfortune!” But Mamma was, alas, not like that.” Междометие “alas” в этой ситуации выражает чувство *сожаления*, а само чувство определяется вертикальным контекстом.

Из общего количества выписанных междометий междометие “bah”встретилось нам 5 раз, что составляет 0,3% от общего количества примеров. И всякий раз оно употреблялось для выражения неодобрения или невысокого мнения о ком-либо или о чем-либо. Это является границами его значения. В романе А.Кронина “Замок Броуди” на замечание Мэри о том, что о владельце кафе, итальянце Берторелли, “говорят такие вещи”, Дэнис небрежно отвечает: “Bah! He eats babies, I suppose!” Междометие “bah” в этой ситуации выражает *пренебрежение*, а сама эта эмоция определяется вертикальным контекстом.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что однозначные междометия вне контекста соотносятся через соответствующие эмоции с определенными понятийными обобщениями. Так, например, можно указать на однозначное понятийное закрепление междометий “alas”: сожаление и “bah”: пренебрежение, а междометия “oh” и “ah” могут выражать амбивалентные эмоции. Эмоциональная ситуация, в которой употребляются многозначные междометия, модифицирует их семантику либо через эмоциональный контекст, либо словом, определяющим эмоцию.

Е.С.Фомина (Пенза)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ В МОДЕЛИ МИЛТОНА ЭРИКСОНА

Гипнотическая техника Милтона Эриксона предусматривает способы конструирования предложений, в которых может содержаться практически любая специфическая информация. От слушателя требуется заполнить предоставленное ему «пустое пространство» своими собственными уникальными внутренними переживаниями.

При изучении модели Милтона Эриксона следует обратить внимание на следующие особенности организации семантики:

1) Причинно-следственное моделирование. Данный принцип представляет собой использование слов, вызывающих эффект причинно-следственной взаимосвязи между происходящими явлениями и теми явле-

ниями, которые коммуникатор желает вызвать; использование таких слов побуждает слушателя реагировать таким образом, как будто одно явление действительно «влечет за собой» другое. Существует связывание трех типов, различающееся по степени обязательности взаимосвязи высказываний.

а) Связывание самого необязательного типа образуется с помощью соединительных частиц, объединяющих явления, в сущности, не имеющие отношения друг к другу.

«Вы слушаете звук моего голоса, *и* можете начать расслабляться».

б) В связывании другого типа используются слова типа: «тогда как», «когда», «в течение», «в то время как». Связывая высказывания с помощью таких слов, мы устанавливаем причинно-следственную взаимосвязь по времени.

“*В то время, как* вы сидите и улыбаетесь, вы начинаете погружаться в состояние транса.”

в) Третий, наиболее обязательный вид связывания предполагает использование слов, действительно обозначающих причинно-следственную взаимосвязь. Могут быть использованы слова типа: «заставляет», «причиняет», «побуждает», «требует».

«Покачивание головой *заставляет* вас еще больше расслабиться».

Следует учесть, что используя связывание такого рода, коммуникатор начинает с того явления, которое уже происходит, и соединяет его с тем явлением, которое он хочет вызвать. Коммуникатор действует наиболее эффективно, если начинает с наименее обязательных форм связывания, и постепенно переходит к более обязательным формам.

С помощью подобных форм связывания высказываний подразумевается или утверждается, что происходящее явление повлечет за собой какое-то другое явление, и при этом слушатель ощущает постепенный переход от испытываемого в данный момент переживания к другому переживанию.

2) *Чтение мыслей*. Высказывания, подразумевающие, что гипнотизер “знает” о внутренних переживаниях слушателя, могут быть эффективным средством установления доверия между слушателем и гипнотизером; при этом "чтение мыслей" должно осуществляться с помощью обобщенных словесных шаблонов. Если высказывания "читающего мысли" будут слишком определенными, он рискует сформулировать утверждение, которое вступит в противоречие с переживанием слушателя, и тем самым рискует потерять раппорт.

“Может быть, вы удивитесь тому, что я сейчас скажу”.

3) *Пропущенное условие*. Высказыванием с пропущенным условием называется оценочное суждение, в котором говорящий не указывает (пропускает) причину, по которой описываемое явление оценивается именно

таким образом. Высказывания с пропущенным условием могут быть эффективным средством формулировки предварительных предположений:

“Хорошо, что вы можете так легко расслабиться”.

Таким образом, модель Милтона Г.Эриксона позволяет коммуникатору формулировать фразы, звучащие весьма определенно, но на самом деле достаточно общие для того, чтобы с их помощью можно было осуществлять адекватную подстройку к переживаниям слушателя, вне зависимости от того, каковы эти переживания.

Канд. филол. н. Т.Ф.Цыганова (Балашов)

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебное почерковедение – это отрасль знаний, изучающая почерк и разрабатывающая методы его исследования в целях решения задач судебно-почерковедческой экспертизы.

Судебное почерковедение имеет свою самостоятельную область знаний, специфичность которой определяется объектом исследования – почерком, связанным с осуществлением одного из наиболее сложных навыков человека – навыка письма. Никакой другой вид криминалистической экспертизы не исследует эту сторону человеческой деятельности.

Письмо – исторически сложившаяся категория, возникшая, как и язык, из потребности людей в общении и расширении этого общения.

Письмо прошло длительный, многовековой путь развития от первобытной примитивной формы рисуночного (пиктографического) письма до современной сложной системы алфавитного письма, непосредственно связанного с языком и устной речью. Современная система алфавитного письма, как правило, предполагает быстрое, плавное и вместе с тем четкое выполнение рукописи. Этой задаче отвечают конструкции письменных знаков. Письмо, приспособленное для быстрого и четкого выполнения рукописи, называют скорописью.

Термин «письмо» имеет различные оттенки значения. Кроме приведенного понимания, «письмом» обозначают сам процесс выполнения рукописи, вид письменности (например, «иероглифическое письмо»), почтовое отправление и др.

Письмо, как письменная речь, является результатом сознательной деятельности человека. В письме необходимо отличать **смысловую сторону** как результат мышления, как передачу мысли, которая имеет свои особенности, выраженные в содержании написанного, в стиле и манере изложения, идиомах и т.п. В том же письме имеется и **графическая сторона**, то есть почерк, как следы, возникшие от системы выработанных

движений пишущего. В почерке в свою очередь имеются как общие, так и частные признаки.

Неправильно разделять единое понятие письма на два как бы самостоятельных вида: на письменную речь (смысловое) и почерк (графическое). Следует обе данные стороны письма рассматривать в их единстве и взаимосвязи. Отправляясь от особенностей различных сторон письма, установленных практикой судебной экспертизы документов, советская криминалистика на этой основе должна строить четко различаемые по своему содержанию отождествляющие признаки этих сторон письма, учитывая их различное идентификационное значение (смысловое и графическое).

Понятие почерка должно охватывать все стороны письменно-двигательного навыка, связанные с техникой письма. Основное же содержание этого навыка составляет система движений пишущего.

Устойчивость и индивидуальность почерка являются теми его качествами, благодаря которым возможно решение задач, ставящихся перед экспертом (установление исполнителя рукописи и др.).

Понятие устойчивости почерка заключает в себе двоякое содержание:

а) устойчивость особенностей письменно-двигательного навыка, воспроизводящихся как в пределах одной рукописи, так и в рукописях, выполненных неодновременно, т.е. их **стереотипность** и

б) устойчивость указанных особенностей при письме в различных, в том числе необычных, условиях, т.е. их **сохраняемость.**

Это – две различные, хотя и очень близкие стороны устойчивости почерка, имеющие большое значение для идентификации.

Почерк является обширным источником индивидуальной информации.

Особенностей письменно-двигательного навыка в почерке много. Об этом свидетельствует большой перечень идентификационных признаков почерка. Его можно увеличить за счет проявления каждого признака в разных буквах и различных признаков в одной букве. Однако не всегда указанные признаки бывают выражены в рукописи в достаточном для индивидуализации исполнителя объеме. Это зависит от различных причин, главными из которых являются объем исследуемой рукописи, которая может содержать очень мало букв, и выполнение намеренно искаженным почерком.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. филол. н. И.В.Алтухова (Москва)

«ЗАКЛИНАНИЕ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ» И.БАХМАН КАК ЦИКЛИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Феномен австрийской литературы (и австрийской поэзии), занявшей заметное место в мировой литературе XX века, не подается адекватному объяснению без понимания феномена самой Австрии, который можно рассмотреть хотя бы в одном аспекте – в отношении австрийских поэтов к Австрии как своей физической родине и как духовному истоку своего творчества.

Первая мировая война и последовавший за этим событием распад многонациональной и крупной европейской империи и превращение ее в более чем скромное государство Центральной Европы, с мнением которого почти не считались, стала темой мучительных раздумий для писателей и поэтов последующих поколений. Проблема Австрии, ее места в мировом сообществе и в мировой литературе становится наиболее значительной и актуальной, чем проблема Германии для литературы немецкой. Австрийцы мучительнее и больнее осмысливают свою проблему, что проявляется в содержании, в стиле, в использовании интонационных приемов, и в выборе лексики.

1945 год стал “точкой отсчета” новой вехи в истории развития австрийской литературы. Существенным стал вопрос о том, остались ли в Австрии писатели, которые могут и смогут писать. Не образовался ли на протяжении семилетнего периода фашистского господства определенный литературный вакуум? Имена Броха, Хорвата, Крауса, Музиля , Рота, Шницлера, Цвейга и Верфеля были запрещены; о Гофманстале во времена Третьего рейха не упоминалось вовсе. Молодое поколение оказалось отрезанным от литературных традиций, отсутствовали обыкновенные источники, будь то история национальной литературы или просто тексты. Для поэтов и писателей послевоенного поколения был риск создания произведений, которые никогда не будут изданы и прочитаны. Что оставалось делать, писать “в пустоту”, или не писать совсем?

В 1953 году молодая австрийская поэтесса И. Бахман (1926-1974) выпускает свой первый законченный сборник стихов, со временем ставший чрезвычайно популярным, – “Отсроченное время” (“Die gestundete Zeit”), в который вошли 24 стихотворения и «Монолог князя Мышкина» из балетной пантомимы «Идиот». Год спустя немецкий журнал “Шпигель” публикует портрет молодой поэтессы и подпись – “Новые римские элегии”, очевидным образом проводя параллель между лирикой Бахман и стихами великого Гете. В центральной статье журнала, посвященной молодым по-

этам Австрии и Германии, лирика Бахман была названа “стенограммой времени”.

Второй сборник стихов И. Бахман, «Заклинание Большой Медведицы» («Anrufung des groesssen Baeren»), увидел свет в 1956 году, который получил более высокую оценку критики.

Сборник разделен на четыре части: первая содержит четыре стихотворения, вторая и третья части состоят из 13 стихотворений каждая, четвертая включает в себя *под*цикл «Песни на дорогах бегства», состоящий из 15 частей. Он продолжает творческое стремление поэтессы возродить поэтическое слово и утвердить поэзию как единственную созидательную силу. В ряде литературоведческих исследований неоднократно отмечалось, что Бахман вслед за философом-аналитиком Л.Витгенштейном воспринимала язык как инструмент познания и изменения мира. Нам представляется, что наряду с Витгенштейном для Бахман существенными являлись идеи М.Хайдеггера, который среди прочего отмечал, что «речь проявляется как говорящая озабоченность миром» [Хайдеггер М. Пролегомены. К истории понятия времени. Томск, 1998. Стр. 276]. Анализируемые Хайдеггером основные феномены речи (слушание, молчание, молва и язык) принимают в рассматриваемом сборнике поэтические очертания, придают ему целостность, словно своим поэтическим трудом Бахман стремиться *пере*доказать или опровергнуть некоторые из положений немецкого философа. Название центрального стихотворения книги «Речь и кривотолки/молва» является прямой отсылкой к статье Хайдеггера «Речь и молва [Хайдеггер М. Пролегомены. Стр. 282-284].

Для иллюстрации проблемы, вынесенной в заглавие статьи, мы выберем несколько стихотворений книги (среди которых «Заклинание Большой Медведицы», «Реклама», «Тени Розы Тени», «Речь и кривотолки/молва» и др.), на примере которых попытаемся выявить, как «работает» сборник; выясним, является ли он «свободным» или же «строгим, замкнутым» циклом [теория И. Мюллера; см. Mueller J. Das Zyklische Prinzip in der Lyrik// Germanisch-romanische Monatsschrift 20 (1932). S. 8]. Затем, воспользовавшись классификацией Л. Ланга [см. Lang L. Der Zyklus bei George und Rilke. 1948, S. 148-153], посмотрим, представляет ли сборник Бахман «содержательный» цикл (“Gehaltszyklus”), отличающийся «тематической рядоположенностью», т.е. первично интегрированный при помощи константы «основной темы», или «формальный» (“Formzyklus”), характеризующийся только тематической последовательностью лейтмотивов, который «связывает стихотворения друг с другом при помощи формально-стилевых отношений». Кроме того, мы проанализируем сборник и в свете последних исследований, которые разрабатывали проблему циклизации литературных произведений [в т.ч. Тюпа В.Н. и др. Художественная циклизация литературных произведений // Тюпа В.Н. и др. Литературное произведение: проблемы теории и анализа. Вып. 1. Кемерово, 1997].

В заключении мы сделаем основные выводы в свете изложенных соображений, выявим сходства и различия сборника Бахман и лирических сборников наиболее ярких представителей австрийской послевоенной поэзии.

Канд. филол. н. Л.И.Андреева (Балашов)

ИМЕНА НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЯЗЫКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Вопросы изучения ономастики теснейшим образом связаны с эволюцией рассмотрения ее центральных понятий – определения специфики имени нарицательного (далее – ИН) и имени собственного (далее – ИС) в языке и художественном тексте.

Деление имен существительных на два разряда: ИН и ИС – имеет длительную традицию и общепринято, причем в основе его лежит специфика значения; их характеристика в литературе подчеркивает, что проблема деления имен существительных на ИН и ИС – прежде всего семантическая. Если ИН «представляют собой обобщенные наименования однородных предметов и явлений, целых классов их, то ИС являются индивидуальными названиями объектов, выделяемых из класса однородных» (Л.А.Климкова 1985: 13). С помощью апеллятивов осуществляется реализация основной семантической функции – функции обобщения, то есть подведения под общий класс единиц. С помощью онимов реализуется другая важнейшая функция – индивидуализация, то есть выделения из класса отдельных единиц.

Являясь частью системы языка, ономастическая подсистема имеет свои специфические особенности, различия, обусловленные вхождением в общую систему: влияние самой системы языка, с одной стороны, и влияние условий ее функционирования, с другой.

Вслед за А.А. Белецким, Л.А. Булаховским, В.А. Никоновым, В.Д. Бондалетовым, А.В. Суперанской и другими считаем, что лексика естественного языка не распадается на два резко очерченных, заимоисключающих класса несобственных (нарицательных) и собственных имен, а характеризуется двумя полярными функциями: функцией классификации, или обобщения, и функцией индивидуализации, поскольку в языке имеются некоторые промежуточные слои лексики (этнонимы, товарные знаки).

ИН, используемые в функции инвидуализации, переходят в ИС и наоборот: ИС, выполняющие функцию классификации, или обобщения, переходят в разряд ИН. При этом меняется их семантика, связанная с изменением денотата, появляется возможность употребления их в других контекстах.

Особенности ИС (по сравнению с ИН) есть результат проявления глубинных, принципиальных различий онимов и апеллятивов, что связано с

их ролью в общей системе языка, поскольку специфика ИС проявляется прежде всего в особенностях их функционирования, которая обусловливает особенности их семантики, характер парадигматики, синтагматики, ассоциативно-деривационных отношений, структурных и словообразовательных возможностей.

Большинство исследователей среди функций, выполняемых только ИС или одновременно ИС и ИН, называет следующее: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. Кроме основных онимы могут выполнять также эстетическую функцию и другие.

В художественном тексте важна и особая ономастическая функция – легализации в обществе. «Она экстралингвистична, служит социальным целям, но базируется на языковом материале, который, согласно определенным критериям, сортируется и отбирается» (А.В.Суперанская 1973: 276).

В системе текста, например, художественного, ИС участвуют в общей понятийной системе произведения и тем самым оказываются связанными с понятием. В определенном контексте ИС становится понятием за счет приращения смысла. Онимы в тексте значимы не сами по себе, а по месту в системе образов, то есть идеальной системе понятий, получающих художественное воплощение.

Особую значимость приобретает использование специфики парадигматических, сингаматических и ассоциативно-деривационных связей, так как они могут использоваться для создания целостной системы ИС, функционирующей в соответствии с общими задачами художественного текста.

Докт. филол. н. В.Н.Базылев (Москва)

ПИСЬМО ГОРОДНИЧЕМУ И ПИСЬМО ТРЯПИЧКИНУ (ИЗ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ К «РЕВИЗОРУ»)

Человек, как известно, существо информационное, – особенно в таком семиотически замкнутом пространстве, какое представляет собой русская культура (характерно в этой связи знаменитое замечание Городничего: «*Да отсуда хоть три года скачи, и до какого государства не доедешь*»), - в том смысле, что он реализует свою специфически человеческую сущность в информационном полисемантическом поле деятельности. *Городничий. …Смотрите! По своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам…(Д.1, явл.I).*

Главным фактором сохранения человека в российском государстве как существа культурного представляется контакт его с культурной средой. Полноценный информационный обмен был и остается главным якорем культуры – и для Курбского, и для Аввакума, и для заключенных ГУЛАГа. *Городничий. …А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особен-*

но наш уезд (значительно поднимает палец вверх)…Ну, тут уж пошли дела семейные: сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потостел и все играет на скрипке… и прочее и прочее…(Д., I, явл. 1).

Когда Городничий читает письмо собравшимся, когда Хлестаков пишет письмо Тряпичкину, а Почмейстер это письмо оглашает на публике, - все это означивает конкретную культурную ситуацию: они все, и пишущие, и слушающие формулируют и примеряют на себя целый ряд социально-культурных контекстов. Тем самым они устанавливают двустороннюю связь с миром, определяют приоритеты и принципы своего существования в мире, выбирают язык, на котором они будет говорить с миром, утверждаются в системах ценностей, определяющих особенности их индивидуального отношения с миром. *Почмейстер (читает). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мною чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму, как вдруг по моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора.. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь за его женой и дочкой…» (Д.V, явл. 8).*

Человек в России на всем протяжении ее истории сталкивается с проблемой сохранения себя как микромодели собственной культуры, в этой семиосфере письмо помогает сохранить ему ниточки инофрмационных связей с другими носителями «его» культуры, или прервать эти связи – именно этим была обусловлена сталинская уголовная статья «без права переписки».

Письма в русской культуре создают виртуальное пространство, где личность находит убежище, спасаясь от обезличивающей агрессивной среды насилия (см. наш комментарий по поводу семиотики насилия в русской культуре). *Почтмейстер… Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на широмыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно…(Д.V, явл. 8).* В этом информационном поле личность пытается сохранять свою целостность и свои ценности, и это сберегает ее от распада. *Хлестаков. Мне кажется, однакож, они меня принимают за государственного человека. Верно я им вчера подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общелкает хорошенько... (Д. IV. явл. 8).*

Письма в России и для России – та культурная ойкумена, которая обеспечивает микроклимат информационной жизни в опасной для этой жизни среде: *«городничий глуп, как сивый мерин; почмейстер точь-в-точь департаменский сторож Михеев, должно быть, также, подлец, пьет горькую; надзиратель за богоугодными заведениями – совершенная свинья в ермолке…» (Д.V, явл. 8).*

Письмо Городничему и письмо Тряпичкину - письма разные: в одном превалирует аналитическое, в другом – эмоциональное. Аналитический подход в письме выводит человека на позиции наблюдателя, тем самым дистанцируют его от происходящего и развивают способность к рефлексии. Это позволяет воспринимать происходящее с ним как иллюзию, малозначащие факты и переносить все имеющее значение в прошлое или будущее. *Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба. (Вздохнув.) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам. Теперь пришла очередь и нашему… (Д. I, явл. 1).*

Эмоциональная составляющая письма имеет целью психологическую разгрузку, снятие напряжения, стресса. Такие письма, как письмо Тряпичкину, пишутся с целью не анализировать реальность, а отрешиться от нее, погрузившись в медитативные воспоминания: *Почтмейстер. .... Помнишь, как мы с тобой бедствовали… Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души… (Д.V, явл.8).*

Информационное поле любого письма переносит читающего или пишущего в прошлое или будущее, расширяя пространственно-временной континуум до пределов памяти и воображения. Актуальное пространство личности виртуализуется, и это позволяет ей сохранять свою культурную целостность. Поэтому трансформация психологической реальности путем разрыва пространственно-временного континуума имеет психостабилизирующее значение, как мы это видим в обоих письмах: в письме Городничему достигается психостабилизация ситуации за счет апелляции автора к типичности ситуации: *Городничий…. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким (!) водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки…. (остановясь) ну, здесь свои… то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито…. (Д.I, явл. 1).*

Посредством переписки люди в России выстраивали и выстраивают вокруг себя культурный контекст, формируя собственное информационное пространство. Это пространство его идентичности выступает как особая система коммуникации с особым ценностным статусом. В переписке осмысливается жизнь, до неожиданных мельчайших подробностей. Напомним, что в тексте «Ревизора» есть еще одно письмо – записка Городничего Анне Андреевне. *Анна Андреевна (Продолжает читать)… Но, уповая на милосердие божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении… А вина вели побольше: скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего; а не то я перерою весь его погреб… (Д.III, явл.2).*

Помимо прочего, с семиотической точки зрения, адаптация к какой-либо культурной среде предполагает переход к ее системе. *Почтмейстер. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с кого начать; думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги... Все мне дают взаймы сколько угодно…… (Д.V, явл.8).*

На материале писем в «Ревизоре», особенно письма Тряпичкину, можно проследить с семиотической точки зрения, особенности именно русской ментальности. Вообще, человеку не искушенному в умозрительных упражнениях трудно писать «вообще». Человек чаще бывает ретранслятором и объектом информации, а не ее генератором и субъектом. Быть субъектом и источником информации – значит быть философом. Так вот – Хлестаков именно русский философ и есть: для него скудность предметно-событийной стороны быта не исчерпывает полноты бытия и, уже независимо от нее, он может писать, рассуждая на уровне категорий, углубляя и расширяя семиотическое поле своего общения. Российская культура делает философа из каждого: это экзистенциальный эффект одиночества единицы в строю. В этом состоянии человек все чаще задумывается о смысле простых вещей, начинает ценить мелкие радости в жизни. Смысл простых вещей открывается человеку в пограничном состоянии сознания: философском, поэтическом, измененном – экстремальном; именно в этом состоянии на протяжении всей пьесы – пьесы русской жизни – пребывают Хлестаков и Городничий. Отсюда хвастовство Хлестакова о своих поэтических талантах, неумеренное пьянство (как переход в измененное состояние сознания), размышления о том, не продать ли штаны, или лучше поголодать, но приехать домой в петербургском костюме; отсюда фантазии Городничего о генеральстве и доме в Петербурге.

Таким образом, семиотически структура переписки, представленная в тексте «Ревизора», в российской культуре отражает структуру общесоциаль-ных коммуникативных связей.

П.Ф.Беседин (Балашов)

ЯВЛЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ В СИСТЕМЕ ЗРИТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А.БУНИНА)

Уже более ста лет внимание ученых-психологов привлекает явление «**синестезии**» (в переводе с греческого – «соощущение»). И в самом деле, рассматривая заинтересовавшее нас явление, мы сталкиваемся с взаимодействием различных ощущений.

Как полагают психологи, особенностью ощущений является модальность образа. Однако взаимодействие ощущений, происходящее в центральных ядрах анализатора, приводит к тому, что у человека под давле-

нием, например, звуков могут возникнуть цветовые ощущения, цвет может вызвать ощущение холода. Следовательно, синестезию можно рассматривать как частный случай взаимодействия ощущений данной модальности через совозбуждение ощущений других модальностей.

Синестезия усиливает чувственный тон восприятия. В языке художественной литературы синестезия встречается часто. Это очень хорошо можно показать на примере языка произведений И.А.Бунина.

Стремление передать тончайшие соощущения языковыми средствами стало в творчестве И.А.Бунина семантико-стилистическим приемом, характерной особенностью которого является «пересекаемость» друг с другом слов со значением чувственного восприятия, их тесное и постоянное взаимодействие.

В рассказах И.А.Бунина очень широк круг изобразительно-выразительных средств, воссоздающих разные проявления чувственного восприятия, и среди них можно выделить несколько групп синестетических метафор, основанных на взаимодействии различных ощущений. Но мы будем выделять лишь те, которые включают в себя зрительное восприятие.

Зрение – осязание, осязание – зрение.

Свет и особенно цвет определяют только визуально. Попробуем проследить, как 2 ощущения (осязание и зрение) взаимодействуют, дополняют друг друга, создавая новые оттенки в восприятии.

1. *«Я принял это в шутку, человек он был характера спокойного и суховатого (крепкий и сильный сложением, к которому очень шла военная форма,* ***жестко рыжий****, с серебром на висках)...»* (Речной трактир);

2. *«...рукой подать от поезда, извивавшегося по обрывам над узкой бездной, где* ***холодно синела*** *зимняя, еще утренняя тень»* (Генрих);

3. *«...она была очень хороша: крепкая, ладная, с* ***горячим темным румянцем*** *на загорелом лице»* (Зойка и Валерия);

4. *«...и не видно было, что его коротко стриженные красноватые волосы* ***остро серебрятся****, по свежести его худого, бритого лица...»* (В Париже);

В данных примерах мы видим, как зрительные ощущения цвета взаимодействуют с различными осязательными ощущениями. И эта синестезия, усиливая цветовое восприятие, подчеркивает главное свойство предмета, которое необходимо было передать И.А.Бунину.

Следующие примеры передают зрительное ощущение света в сочетании с различными осязательными ощущениями:

1) *«****Теплые сумерки****, лекарственный запах цветущих лип за кухней»* (Зойка и Валерия);

2) *«Он открыл глаза, посмотрел* ***в легкий сумрак*** *комнаты, слева озаренной золотистым светом из бокового окна»* (Таня);

3) *«...приходили туда с работы девки и, сбрасывая с потных белых тел через голову рубашки, с шумом и хохотом, задирая лица, выгибая спины, кидались* ***в горячо блестевшую*** *воду...»* (Дурочка).

Слух – зрение.

«Она говорила с ***тихим светом*** *в глазах...»* (Чистый понедельник);

«...а внутри – огромная пустота, молчание, ***тихие огоньки*** *семисвечника...»* (Господин из Сан-Франциско).

Комплексная синестезия.

Нередко в произведениях Бунина мы встречаем очень яркие синестезии, состоящие из цепочек трех, четырех и более слов. Подобные синестетические метафоры создают еще больший эффект в восприятии какого-либо явления или предмета, читатель как бы купается в море ощущений.

Приведем примеры:

1) (размер – цвет – форма) *«Она... взглянула влево, на ель в конце аллеи,* ***широко черневшую треугольником*** *своей мантии»* (Зойка и Валерия);

2) (свет – консистенция – зрение – температура – свет) *«...****тьма*** *еще* ***гуще слепит теплой чернотой****»* (Волки);

3) (свет – температура – цвет; качество поверхности – цвет; качество поверхности – свет) *«...к лицу и рукам липли комары, все слепило* ***теплым серебром****...»; «****курчавая белизна*** *облаков,* ***мягко сиявших*** *в небе...»* (Руся).

Данная группа синестетических метафор – самая распространенная у И.А.Бунина, подобных примеров можно приводить еще много.

Аспирантка И.В.Богоева (Москва)

ЯВЛЕНИЕ ВАРИАНТНОСТИ В ПОЭЗИИ

Проблема вариантности, став в последние годы предметом внимания многих языковедов, продолжает все еще оставаться и теоретически малоопределенной, и практически недостаточно исследованной. Не разрешен еще спор о границах изучаемого объекта, не определено его место в системе научного описания языка.

В нашей работе мы рассматриваем тему вариантности как одного из средств **поэтической речи**. Целью работы было выяснить, для чего вариантные единицы языка используются в поэтических произведениях: только ли для соблюдения ритма и рифмы, формы произведения или же в целях поэтизации, возвышения стиля, стилизации речи, создания художественного колорита.

Для того, чтобы выявить причины использования вариантных единиц в поэзии, был проведен анализ лирики двух знаменитых русских поэтов – Анны Ахматовой и Сергея Есенина.

Поэтические произведения именно этих авторов показались наиболее удачными объектами данного анализа, так как удовлетворяли следующим требованиям:

1) оба поэта (А.Ахматова, С.Есенин) принадлежали одной эпохе, т.е. создавали свои произведения в соответствии с одной литературной нормой;

2) творя в эпоху Серебряного века русской поэзии, т.е. подчиняясь определенным «законам» данного периода, А.Ахматова и С.Есенин относились к разным течениям («акмеизм» – «имажинизм»). Это делает возможным получение наиболее объективных результатов исследования, т.к. определенные совпадения, сходства в использовании этими поэтами вариантных единиц не могут быть объяснены принадлежностью авторов к одному направлению поэзии и их подчиненностью четким правилам данного направления, стиля.

Исследование функционирования вариантных единиц в поэтической речи на материале произведений Анны Ахматовой и Сергея Есенина позволило сделать следующие выводы.

Оба автора в своих поэтических произведениях весьма часто употребляют разнообразные вариантные единицы.

В лирике Анны Ахматовой и Сергея Есенина используются все типы вариантных единиц (акцентологические, фонетические, фонематические, морфологические варианты). Интересно отметить, что поэтические произведения С. Есенина содержат и такие вариантные единицы, которые практически не встречаются в поэзии А. Ахматовой, в то время как все типы вариантов, использующиеся в произведениях Анны Ахматовой, широко представлены в лирике Сергея Есенина. Вероятно, это можно объяснить индивидуально-авторскими особенностями поэтического языка Есенина. Как писал В. Виноградов, в своих стихотворениях Анна Ахматова «*пользуется привычными* словосочетаниями разговорно-интеллигентской речи» (В.В.Виноградов 1976). В свою очередь, язык Есенина, по крайней мере, на ранних этапах творчества поэта, был насыщен просторечными формами и различными диалектизмами.

Наиболее часто варианты используются в **технических, версификационных целях**, например, для сохранения стихотворного размера, соблюдения рифмы, ритма, для возможности употребления аллитерации и аналогичных художественных приемов и т.п., но также и в целях **художественных, стилистических** (создают настроение, придают произведению определенный колорит, служат стилизации речи и созданию различных художественных образов).

Аспирант Н.А.Гирина (Пенза)

ЗВУКОАССОЦИАТИВНЫЕ ПАРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ И ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА

Одной из задач современной лингвистики текста является рассмотрение различных средств формирования его смысловой емкости, в связи с чем представляется целесообразным анализ отдельных компонентов текста, выявление его содержательных единиц в рамках исследования фоносемантических средств языка, и в частности анафонии (А.В.Пузырев 1995).

Для изучения анафонии на материале произведений русских писателей мы использовали методику, предложенную проф. А.В.Пузыревым. Эта методика основывается на объективно представленных в тексте опорных словах и регистрации звуковых повторов, окружающих данное опорное слово. Звуковой повтор (ассоциат) и озвученное им опорное слово и представляет собой звукоассоциативную пару.

Поскольку ассоциат является фактом материализации ассоциативно-звуковой валентности («заряженности») опорного слова, фактом «овеществления его (опорного слова) способности вступать в связь с другими словами для образования более или менее обширных ассоциативно-звуковых цельностей» (А.В.Пузырев 1995: 145), поскольку количество ассоциатов в текстах исчисляется тысячами, постольку представляется возможным говорить о звукоассоциативной паре, включающей опорное слово и ассоциат, как об элементе текста.

Звукоассоциативные пары, как показывает их анализ, неравнозначны по своему составу. Условно их можно разделить на две группы:

1. Звукоассоциативные пары, содержащие ассоциативные доминанты (под этим термином мы подразумеваем ассоциат, отличающийся наибольшей частотностью и демонстрирующий большую степень звукового сходства с опорным словом).

2. Звукоассоциативные пары, содержащие все остальные (редкие и частые) ассоциаты.

По степени значимости ассоциативных доминант первая группа тоже неоднородна. В ней можно выделить *а)* звукоассоциативные пары с ассоциативными доминантами, не имеющими самостоятельного художественного значения, *б)* звукоассоциативные пары, в которых ассоциативные доминанты представляют собой «относительно специфические» единицы (Ю.М.Скребнев 1975: 33) и *в)* звукоассоциативные пары, в которых ассоциативные доминанты представляют собой «абсолютно специфические» единицы (Ю.М.Скребнев 1975: 33), позволяющие приблизиться к пониманию глубинного содержания произведения и авторского мировосприятия. Звукоассоциативных пар последней подгруппы немного, и некоторые из

них, вероятно, могут перерастать понятие «элемент» текста и иметь статус текстовых единиц.

В словаре С.И.Ожегова у слова «единица» выделяется семь лексико-семантических вариантов, один из которых раскрывается следующим определением: 6. Отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет в группе подобных (С.И.Ожегов 1999: 186). Иными словами, в значении слова «единица» выделяется такой компонент, как целостность, самостоятельность обозначаемого, не предполагаемый у слова «элемент» (ср. 1. Составная часть чего-нибудь, компонент – С.И.Ожегов 1999: 910). Рассматривая текст в динамическом аспекте – как мыслительную, языковую, речевую и коммуникативную реальность, представляющую собой “объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и цельность” (Т.М.Николаева 1990: 507), – мы должны постулировать, что и текстовая единица должна обладать целостностью, самостоятельностью на всех ступенях сущности – на уровнях мышления, языка, речи и коммуникации (о языковых единицах как динамически протекающем процессе см. также: А.А.Леонтьев 1997: 48; А.В.Пузырев 1999: 18).

Одной из таких текстовых единиц, характеризующихся целостностью, самостоятельностью, значимостью в тексте произведения, по нашему мнению, является звукоассоциативная пара “Грушенька (Груша) – вдруг”, обнаруженная в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы».

Включенный в звукоассоциативную пару ассоциат «вдруг» демонстрирует звуковой повтор, состоящий из двух звуков («дифон») и имеет статус ассоциативной доминанты. На него приходится 38 употреблений, что составляет 50,7% от общего количества звуковых повторов к имени собственному «Грушенька».

Ассоциат «вдруг» представлен в произведении двумя лексемами: частицей в вопросительном предложении, выражающей предположение нежелательного, опасение (один контекст): « – Митя! А вдруг Грушенька придет сегодня..?» (14, 112), и наречием со значением «неожиданно, внезапно» (С.И.Ожегов 1999:71) – всего 37 контекстов. Во всех словоупотреблениях ассоциат выступает в тесной смысловой связи с опорным словом.

Контексты, включающие в себя ассоциат «вдруг» и опорное слово, – по смысловым связям между ними – можно разделить на две условные группы.

Первая группа из двадцати словоупотреблений характеризует импульсивность, непредсказуемость, «надрыв» самой Грушеньки, причем в 14 контекстах ассоциат сопровождает речь героини. Приведем примеры: «Стой, Ракитка! – вскочила вдруг Грушенька, – молчите вы оба» (14, 318); «И, вымолвив это «жалкое» слово, Грушенька вдруг не выдержала, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на диван в подушки и зарыдала

как малое дитя» (14, 321); «Но только что сошли Алеша и Ракитин с крыльца, как вдруг отворилось окно из спальни Грушеньки, и она звонким голосом прокричала вслед Алеше: – Алешечка, поклонись своему брату Митеньке, да скажи…» (14, 324); «Да что крулева, это королева что ли? – перебила [пана] вдруг Грушенька» (14, 377); «Ну вот и лайдак! Чего он бранится? – рассердилась вдруг Грушенька» (14, 380) и др.

Вторая группа словоупотреблений характеризует эмоциональность, внезапность действий, душевных движений героев, тесно связанных с Грушенькой сюжетными линиями, как-то: Мити, Катерины Ивановны, Федора Павловича, панов, Алеши, Ракитина. Приведем примеры: «Родственница? Это Грушенька-то мне родственница? – вскричал вдруг Ракитин, весь покраснев» (14, 77); "Ведь тот [Федор Павлович] по Грушеньке с ума вдруг сошел» (14, 75); «Митя смотрел на всех поочередно; но что-то вдруг поразило его в лице Грушеньки, и в тот же миг что-то совсем новое промелькнуло в уме его – странная новая мысль!» (14, 386); «Катя…, поравнявшись с Грушенькой, вдруг остановилась…» (15, 188) и др.

Мы привели только несколько примеров, подтверждающих тесную смысловую связь ассоциативной доминанты с опорным словом. Как видим, смысловая связь наблюдается во всех контекстах. Это лишь подтверждает мысль о том, что, создавая свои произведения и оказываясь перед проблемой выбора имени для главных героев, писатели учитывают ассоциативно-звуковую валентность разных имен, поскольку ассоциативно-звуковая заряженность слова-темы – это одновременно и его смысловая заряженность (А.Ф.Лосев 1983:141).

Образ Грушеньки служит раскрытию темы красоты – «главенствующей темы, которой Достоевский оставался верен от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых» (А.П.Белик 1974:180). В суждениях его героев красота – это «высший синтез жизни», свет (неслучайно фамилия Грушеньки – Светлова). Красоте как выражению полноты жизни в неповторимой индивидуальности, по Достоевскому, свойственны противоречивость, двойственность, таинственность, непредсказуемость. Грушенька, хотя и «тигра», и «подлая тварь» в глазах Кати, но она и человек, и «ангел» в восприятии Мити, Алеши. Ее эмоциональность, импульсивность, порывистость, как нельзя лучше, выражается словом «вдруг». Такой, видимо, и мыслил Достоевский героиню своего романа-«синтеза». Если учесть также, что слово «вдруг» в 37 контекстах включено в авторское повествование, то становится понятным, что оно служит именно авторской оценкой описываемого характера, ситуаций, то есть является репрезентацией авторской мысли.

Таким образом, выбранная из ассоциативно-звуковой парадигмы языка и включенная в контекст опорного слова «впритык» к нему, вероятно, на грани сознания и подсознания, ассоциативная доминанта «вдруг» имеет непосредственное отношение к характеристике образа Грушеньки и в

единстве с опорным словом представляет собой авторское суждение, воспринимаемое нами в процессе и результате коммуникации как своего рода высказывание: "Грушенька – это порывистость, непредсказуемость", или "Грушенька – вся вдруг".

Исследование ассоциативных связей антропонима «Грушенька» и ассоциативной доминанты «вдруг» будет неполным, если не рассмотреть синтаксические связи этих слов. В синтаксических отношениях между этими словами можно разграничить формальный и содержательный аспекты.

В формальном плане могут быть выделены следующие синтаксические варианты употребления доминирующего ассоциата и опорного слова:

1. Употребление обоих слов внутри одной предикативной единицы (26 контекстов), например: «…озабоченно проговорила вдруг Грушенька» (14, 316) и под.

2. Употребление этих слов внутри одного сложного предложения, но в разных предикативных единицах (8 контекстов), например: «Грушенька плакала, и вот вдруг…она вскочила…» (14, 417) и т. д.

3. Употребление опорного слова в прямой речи, а ассоциативной доминанты – в авторской речи с глаголами говорения (3 контекста): воскликнул, проговорил, вскричал, например: «Она-то за что такую муку на себя теперь примет! – воскликнул он вдруг со слезами» (15, 33) и др.

4. Употребление указанных слов в разных предложениях (одно употребление), что трактуется как отсутствие формальной синтаксической связи между этими словами (А.В.Пузырев 1991:122): «…со странною ноткой в голосе произнесла и Грушенька. Оба пана вдруг поднялись с места…» (14, 386).

В содержательном плане, при учете межфразовой связи, выделяются следующие варианты использования ассоциативной доминанты по отношению к опорному слову:

1. В авторском повествовании, имеющем отношение к Грушеньке (всего 20 контекстов), например: «…перебила [пана] вдруг Грушенька» (14, 377); «…рассердилась вдруг Грушенька» (14, 380) и др.

2. В авторском повествовании, связанном с другими персонажами и лишь косвенно – с Грушенькой (всего 16 контекстов), например: «Маленький пан… вдруг проговорил, обращаясь ко Грушеньке…» (14, 389); «Вчера же в сцене с Грушенькой ему [Алеше] вдруг как бы померещилось иное» (14, 169) и др.

3. В прямой речи Алеши и Ракитина, обращенной не к Грушеньке (2 контекста).

Следовательно, формально выраженная синтаксическая связь наблюдается в 37 из 38 случаев, что составляет приблизительно 97% всех употреблений «вдруг»; с содержательной стороны доля контекстов, внутри которых опорное слово и ассоциативная доминанта оказываются синтакси-

чески связанными, составляет приблизительно 95%. Если учесть, к тому же, что в семнадцати контекстах из 38 расстояние между опорным словом и доминирующим ассоциатом не превышает пяти слогов, что тождественно одному фонетическому слову, можно сделать вывод о почти полной синтаксической спаянности доминирующего ассоциата с опорным словом.

Поскольку формальные и звукосмысловые внутритекстовые связи эксплицируют особенности речемыслительной деятельности автора, а звукоассоциативная пара, обнаруженная в художественной речи Ф.М.Достоевского в процессе и результате со-общения читателя и автора произведения, может быть представлена как свернутое высказывание «Грушенька (Груша) – (вся) вдруг», то и на уровне художественного языка, вероятно, она может быть представлена как целое, обладающее самостоятельностью, то есть как синтаксическая единица – предложение эллиптической конструкции, репрезентирующее суждение, сокращенную мысль, микротекст.

Как показывает анализ контекстов, содержащих названную пару, свойственная единице языка целостность и самостоятельность проявляются и на уровне всего текста.

Наблюдения над анафонией в романе приводят к выводу о доминирующей роли ассоциативной пары «Грушенька (Груша) – вдруг». Содержащие звукоассоциативную пару контексты включены в 14 глав на протяжении всего произведения и, можно сказать, выполняют структурообразующую функцию. Если их расположить в порядке их следования в романе, то нетрудно будет восстановить чуть ли не всю главную сюжетную линию. При этом динамика распределения этих контекстов в романе обнаруживает связь с важнейшими сюжетными ходами. Так, 22 контекста из 38 содержатся в 7-9 книгах третьей части, наиболее значимой для понимания произведения.

По всей видимости, неслучайно слово «вдруг», отмечаемое исследователями-литературоведами как «любимое слово» Достоевского (А.Белкин 1973: 129; В.Н.Топоров – см. С.В.Белов 1984: 90), стало ассоциативной доминантой к имени героини последнего романа писателя, который явился «не только синтезом всего творчества Достоевского, но и завершением всей его жизни» (С.В.Белов 1990: 178). В концептуальное поле ассоциата «вдруг» входят такие понятия, как динамика, тревожность, смятение, которыми философы, литературоведы определяли натуру Достоевского и его творчество. По словам В.В.Розанова, «печать эпохи его, встревоженной, мятущейся, лежит и на его взволнованных трудах…»; «тревожной, мятущейся, тоскливой» называет философ натуру Достоевского (О Достоевском 1990: 68, 71). Л.Шестов отмечал родственность Достоевского «всему, что есть на земле мятущегося и неспокойного» (Там же, с.124). М.И.Туган-Барановский писал о «страстной и мятущейся натуре Достоевского, всегда и во всем переходившего черту» (Там же, с. 129). С.В.Белов отметил «пе-

реходящие из одного романа в другой состояния исступления, надрывы персонажей» (С.В.Белов 1990: 178-180). Поэтому звукоассоциативную пару можно рассматривать не только как свернутое суждение, микротекст, характеризующий героиню произведения, но и как свернутое содержание, свернутую мысль всего произведения, текст в тексте.

Таким образом, выделенная в процессе коммуникации и представляющая коммуникативный акт в со-общении писателя и читателя, звукоассоциативная пара, включающая ассоциативную доминанту, на уровне речи представляет собой высказывание, репрезентирующее авторскую мысль, суждение. Поскольку на уровне языка суждению соответствует предложение, служащее средством формирования и формулирования мысли, средством волеизъявления и выражения эмоций, звукоассоциативную пару, характеризующуюся самостоятельностью и целостностью, обладающую семантической и прагматической насыщенностью, вероятно, можно считать «абсолютно специфической» текстовой единицей, проявляющейся на всех уровнях языка, помогающей приблизиться к пониманию авторского мировосприятия.

Цитируемая литература:

Белик А.П. Художественные образы Ф.М. Достоевского (Эстетические очерки). – М.: Наука, 1974. – 224с.

Белкин А. Реализм Достоевского. – М.: Худ. литература, 1973. – 220 с.

Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Пособие для учителя./Под ред. Д.С. Лихачева. – 2-ое изд., испр. и доп. – Л.: Просвещение,1984. – 240 с.

Белов С.В. Ф.М. Достоевский: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1990. – 207 с.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы //Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Т.14, 15. – Л.: Наука, 1976.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник – М.: Смысл, 1997. –287 с.

Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.,1990. – С. 507.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 175 с.

Лосев А.Ф. Языковая структура: Уч. пособие. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 375 с.

О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли / Сост. В.М.Борисов, А.Б.Рогинский. – М.: Книга, 1990. – 432 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Пузырев А.В. Ассоциативные доминанты в интерпретации текста (на материале романа Л.Н. Толстого «Воскресение») // Текст и его изучение в вузе и школе: Межвузовский сборник. – М., 1991. С.110-126.

Пузырев А.П. Элементы и единицы русского языкового мышления, русского языка, русской речи и коммуникации и нуль в курсе «Современный русский язык» // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1999. – С. 13 – 28.

Асп. Н.А.Гирина (Пенза)

СТЕПЕНЬ ЧАСТОТНОСТИ ЗВУКОВЫХ ПОВТОРОВ КАК ПАРАМЕТР ИДИОЛЕКТА

Звуковые повторы, или материально выраженные сегментные синтагматические фоносемантические средства языка (А.В.Пузырев 1995: 262), являются одной из характеристик идиолекта языковой личности – «субъязыка», в котором мы, вслед за Ю.М.Скребневым, различаем три составляющих: область неспецифического, относительно специфического и абсолютно специфического (Ю.М.Скребнев 1975: 33).

Как показывает исследование анафонии и фонетической гармонии на материале русской художественной прозы, само наличие в ней звуковых повторов следует отнести к зоне неспецифической, поскольку звуковые повторы наблюдаются в любом художественном тексте. Однако в частотности их употребления обнаруживается различие. Оно может быть зафиксировано и на уровне идиолектов, и на уровне произведений одного автора, и на уровне частей, глав одного произведения, что позволяет говорить об особенном и единичном в зависимости от выбранной широты материала.

Для сопоставления степени анафоничности («озвученности») прозы Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, В.С.Стенькина нами используется понятие «коэффициент озвученности», под которым подразумевается отношение количества озвученных имен собственных к общему количеству опорных слов в тексте. Результаты оказались следующими. Для прозы Л.Н.Толстого (анализировался роман «Война и мир») $k \approx 23{,}0\%$, для прозы Ф.М.Достоевского (по романам «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы») $k \approx 23{,}07\%$, для прозы В.С.Стенькина (романы «Без вести» и «Диссиденты») $k \approx 14{,}98\%$. Подвергнув полученные данные статистическому анализу с помощью «хи-квадрат-критерия» (Б.Н.Головин 1971: 28-35), мы обнаружили, что, с точки зрения статистики, степень анафоничности романов Толстого и Достоевского существенно не различается, а вот озвученность романов В.С.Стенькина, в сопоставлении с ними, представляет собой другую вероятность. Те же результаты были получены и при

сопоставлении количественных характеристик фонетической гармонии. Относительное различие в степени озвученности и выраженности звукового начала в идиолектах писателей позволяет говорить об относительно специфических свойствах проявления анафонии.

Если сузить рамки исследуемого материала до конкретных произведений, то и между ними – в степени проявления анафонии и фонетической гармонии – есть различие. Так, разные статистические вероятности обнаруживаются при сопоставлении названных романов и Достоевского, и Стенькина. То есть в конкретных произведениях, являющихся материализацией идиолектов, также проявляются относительно специфические свойства изучаемого явления.

Поскольку языковые элементы распределяются в общей структуре конкретного текста в определенной пропорции, мы не можем не обратить внимание на различную частотность звуковых повторов внутри произведения. Оказывается, что по этому параметру главы в значительно большей степени отличаются друг от друга, нежели произведения, и тем более идиолекты, что наводит на мысль об идиостилевых моментах в степени проявления анафонии и фонетической гармонии прежде всего на уровне конкретных глав произведения.

Таким образом, являясь неспецифическим по своей сути, явление анафонии и фонетической гармонии в плане частотности употребления звуковых повторов в различных индивидуальных языках, в отдельных произведениях внутри них и в плане распределения их в конкретном художественном тексте могут рассматриваться и как особенное (относительно специфическое), и как идиостилевое (абсолютно специфическое) качество текста. Все это позволяет говорить о степени анафоничности и выраженности звукового начала как о важном параметре идиолекта.

Канд. филол.н. Д.Н.Жаткин (Пенза)

КОНЦЕПТ "МЕЧТА" В ТВОРЧЕСТВЕ А.А.ДЕЛЬВИГА И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ХУШ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ Х1Х ВВ.

Мир романтической поэзии – мечтательный, и именно в этот мечтательный мир, по наблюдению Г.А.Гуковского, "стремится, улетает своей душой" творец, желаний оторваться "от презренного мира реальности". В стихотворении "Богиня Там и бог Теперь" (между 1814 и 1817) Дельвиг создает два условно-мифологических образа, один из которых – бог Теперь – навеян впечатлениями от непростых обстоятельств современности, а другой – богиня Там – связан с иллюзией существования в земной дали или в нескором будущем условий, идеальных для не омраченной трудностями счастливой жизни. Прием олицетворения наречий места и времени, становящихся именами божеств, Дельвиг заимствовал из произведений В.А.Жуковского: "О милый гость, святое Прежде,// Зачем в мою теснишь-

ся грудь?" ("Минувших дней очарованье...", 1816); "Ах? найдется ль, кто мне скажет,// Очарованное Там?" ("Весеннее чувство", 1815). Субстантивированные наречия появились у Жуковского под влиянием творчества Ф.Шиллера, в частности, его "элегической песни" "Желание" ("Sehnsucht"), где упоминается загадочное Там (Dort). Становясь в предложении подлежащим, субстантивированное наречие окончательно выпадает "из рамок грамматических связей"; к наречию оказывается отнесенным прилагательное-определение, которое "условно и внеграмматически поставлено в среднем роде, как наиболее неопределенном" (Г.А.Гуковский). Употребляя субстантивированные наречия, и Жуковский, и Дельвиг делали объектом своей речи как предмет (условное божество), так и качество качества (традиционное значение наречий). В этой связи нельзя согласиться с позицией Г.А.Гуковского, не усматривавшего в именах божеств Прежде, Там, Теперь значения предметности.

В стихотворении "К фантазии" (между 1814 и 1817) Дельвиг размышлял о мечте как одном из характерных источников творческого вдохновения, того разнообразия, которого часто не хватает в реальности. В противоположность классицистическому восприятию мечты как ложного, пустого явления (А.П.Сумароков. Г.Р.Державин) Дельвиг считал "мечту", "фантазию" особой ценностной величиной, "противопоставленной несовершенствам реального – в том числе и социального – мира" (В.Э.Вацуро). Первый, кто осмелился объявить, что "жизнь – мечтание прекрасно" "сие мечтание прелестней бытия" ("Скоротечность жизни", "Обаяние любви") был М.Н.Муравьев. Несколько позже по этому вопросу высказались Н.М.Карамзин и В.А.Жуковский: "Что есть поэт? искусный лжец:// Ему и слава и венец" (Н.М.Карамзин "К бедному поэту", 1796); "<Мечта способна> одеть покровом// Знакомой жизни наготу" (В.А.Жуковский. "Песня", 1818). Фантазия оказывается у Н.М.Карамзина "утешительницей человеков", "благодетельной богиней" (стихотворение в прозе "Посвящение кущи"); В.А.Жуковский от размышлений о фантазии переходит к теоретическому утверждению романтического "воображения" ("К поэзии"). В отличие от Карамзина и Жуковского Батюшков утверждал не уход в мистические дали, а ценность земного бытия, что приводило к несколько иному пониманию мечты, которая – "прямая счастья мать" ("Совет друзьям"), несущая "бесценные" дары "волшебница" ("Мечта"); сопровождая поэта повсюду, мечты "устилают" цветами его "мрачную" жизненную дорогу ("Воспоминание"). Прославление творческой фантазии, культ "свежести мечтания" (К.Н.Батюшков, "Нечто о поэте и поэзии") – устойчивые мотивы преромантической лирики. Способность к мечтаниям воспринимается Батюшковым в качестве ценного и в высшей степени обязательного свойства творца, поскольку они – "душа поэтов и стихов" ("Мечта"), основа всех вдохновенных порывов. "Не убрать в свете воображения...", – пишет Батюшков П.А.Вяземскому 13 сентября 1817 г.

В элегии русского романтизма ("Воспоминания" Е.А.Баратынского, "Мечтатель" А.С.Пушкина и др.) звучит выполненный в традиционном тоне "своеобразный апофеоз мечты" (Л.Г.Фризман) – закономерное продолжение линии Батюшкова в русской лирике. В.К.Кюхельбекер не принимал повсеместного увлечения "мечтами и призраками", иронизировал над сопутствовавшими мечте "часами разлуки", "душевной мукой", "минутами горького раздумья и печали", "луной, которая – разумеется – уныла и бледна". В последующие годы "мечты" занижали воображение эпигонов русского романтизма, что отразилось, к примеру, на обложке первого неудачного поэтического сборника Н.А.Некрасова "Мечты и звуки".

Из всего рассмотренного несложно понять, что обусловленный традицией интерес Дельвига к мечтам и фантазии поэта находился в общем русле развития русского романтизма. В основном, мечты дельвиговских героев, противостоявшие реалиям бытия, отрывались от земной оболочки, уходили в сферу потустороннего и, тем самым, сближались с мечтаниями и иллюзиями лирических персонажей В.А.Жуковского и Н.М.Карамзина. Батюшковский герой, в данном случае, был менее близок Дельвигу, поскольку в произведениях последнего ("Богиня Там и бог Теперь", "К фантазии") не предусматривалось деятельного преображения повседневности, не подчеркивались достоинства тленной, но реальной жизни человека. Внимание к концепту "мечта" дает возможность не только представить специфическую широту поэтического видения действительности, но и в существенной степени осуществить объемное наполнение одного из фрагментов языковой картины мира. В практическом плане представляется целесообразным акцентирование внимания на концепте "мечта" при изучении языковых особенностей поэтических произведений в курсе "Лингвистический анализ художественного текста".

Канд. филол. н. С.Б.Кураш (Мозырь, Беларусь)

СЕМИОТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОРОЛОГИИ

Мысль о тесной связи метафоры и художественного мышления высказывалась в науке, начиная ещё с древнегреческих риторик, и к настоящему моменту фактически стала аксиомой. Так, Б.С.Мейлах отмечал: “Способность к метафоризации коренится в общей способности познавания связей явлений действительности в их переплетениях и противоречивости” (Б.С.Мейлах 1958: 194).

Наша задача – представить семиотическую интерпретацию данного положения. Следовательно, речь пойдёт о художественном тексте как знаке. Знак имеет две стороны: означаемое (денотат) и означающее (сигнификат), что легко иллюстрируется на примере любого знаменательного слова. С текстом, в особенности художественным, гораздо сложнее в силу чрез-

вычайной сложности данного знака. Во-первых, дискуссионным является вопрос о том, что выступает в качестве денотата художественного текста? Ведь текстовой денотат – это не всегда нечто “внешнее” по отношению к речедеятелю. В художественном дискурсе мы обычно имеем дело с вымышленным денотатом (“художественным вымыслом”) и признаём, что художественный текст даёт модель не фрагмента реальности, а сознания “фантазирующего человека” (Б.Л.Борухов 1992: 13). И это касается не только фантастических, сказочных и т.п. текстов, но – что особенно важно подчеркнуть – именно текстов “реалистических”. Мы осознаём, что ни их героев, ни событий, описываемых в них, в большинстве случаев никогда не было в действительности (во внеязыковом универсуме). Следовательно, даже “достоверный” текст – это далеко не всегда транслированный в словесно-знаковую форму фрагмент реальной действительности.

В то же время художественный текст – это некое подобие/антиподобие внешней по отношению к речедеятелю действительности, слепок с неё либо её отражение в кривом зеркале. Так или иначе, вне соотношения с действительностью (универсумом) текст не мыслится. Только соотнеся текст с действительностью, мы можем сказать, достоверный он или недостоверный (при всей условности данных определений – С.Б.Кураш 2001а: 93-97), правдивый или лживый и т.д.

Поэтому нам представляется, что денотат художественного текста нельзя категорически соотнести ни со сферой экстралингвистики, ни с порождениями “фантазирующего сознания”. Текст воспринимается реципиентом как “достоверный” в том случае, когда он кодирует не только и даже не столько “переменные величины” внешнего по отношению к продуценту универсума, сколько величины “постоянные” – фреймы, которые являются (или, по замыслу продуцента, должны являться) достоянием лингвокультурного тезауруса реципиентов (т.е. храниться в его сознании в виде пресуппозиций). Если содержание текста “вписывается” в этот фреймовый каркас, то мы его квалифицируем как достоверный, если нет – то как недостоверный. Заполнение фреймов образной конкретикой – это работа “фантазирующего сознания”.

Таким образом, у текста как знака с действительностью устанавливаются “метафорообразные” отношения сходства/несходства. В этом смысле **художественный текст – это метафора действительности, её знак, её реконструкция**, а **метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста**, инструмент семиотического освоения действительности средствами художественного дискурса. Следовательно, сигнификативно художественный текст всегда метафоричен, как метафорично по своей сути художественное мышление.

Эксплицированно это свойство художественного мышления проявляется в текстах, которые можно назвать полиденотативными, когда референтная ситуация одновременно отражает два взаимодействующих между

собой денотативных пространства, а ведущей стратегией декодирования становится установление и интерпретация взаимоотношений этих денотативных пространств друг к другу (С.Б.Кураш 2001б). Центральным жанротипом здесь выступают тексты-метафоры, к которым мы относим тексты, отражающие контаминацию двух денотативных пространств: 1) собственно денотата и 2) метафорической оболочки. В текстах же реалистической направленности мы “видим” лишь второй слой – “оболочку”, в то время как первый, по расчёту создателя текста, должен составлять когнитивную базу читателя на уровне пресуппозитивно присутствующих в его сознании фреймов. Как промежуточные между “явными” и “тайными” метафорами художественного мышления можно рассматривать иные жанротипы – аллегории, символы, басни, сказки и т.д. (С.Б.Кураш 1999: 195-199).

Канд. филол. н. Е.М.Масленникова (Тверь)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ «РАЗРЫВЫ» ПРИ ПОНИМАНИИ ТЕКСТА

Художественный текст задает собственный интерпретирующий диапазон, внутри которого существует градуальность интерпретации. Временной барьер между автором текста и читателем определяет положение данных двух текстов (авторской проекции текста и читательской проекции текста) относительно интерпретирующего диапазона. Потенциально бесконечная неисчерпаемость, неповторимость и свобода индивидуальных прочтений художественного и культурно-значимого текста ограничена законами восприятия, культурным фоном, совпадением / несовпадением культурных и литературных традиций, социальными условиями.

На выделение и фиксацию актуальных смыслов влияет их социальная значимость для определенной группы. Из текста извлекается, в первую очередь, личностный смысл, реже – универсальный. Дешифровка собственного кода текста, а художественный текст отличает условная сущность образов, ведет к типологической идентификации текстовых смыслов. В случае близости и/ или совпадения поэтических кодов двух и более литератур и культур читателем выявляются и опознаются средства прагматической осложненности текста.

Метафоризация, экспрессивность, поэтическая образность, семная нагрузка образов способствуют компрессии художественного (поэтического) слова, а через слово и текста в целом. Двуплановая сущность поэтического слова позволяет, во-первых, идентифицировать предмет, во-вторых, регламентировать вторичное означивание, в-третьих, прочитать «два» текста в одном (смысловая полифония), вызывая, таким образом, языковую и концептуальную компрессию. Двуплановость (двумерность) поэтического текста подчеркивается каламбурно-игровым характером при обращении со смыслами, заложенными в тексте.

Читатель опирается на конвенциональные правила и значения, выходя за рамки синтаксиса и семантики. Текст группирует сцены, сценарии, относящиеся к ним действия и состояния и упорядочивает собственную предметную область. Ситуация, в которой пребывает читатель при текстовой коммуникации, определяет «фокус» восприятия и понимания. Вовлеченность читателя в текст позволяет ему не только расширять и / или модифицировать исходную схему (фреймовую конфигурация, text schemata, narrative schemata), но и создавать «собственный» текст. Неоднозначность элементов схемы и структурная полисемия текста делает возможным селективность чтения по принципу «я–здесь–для–меня» наряду с критическим переосмыслением текста. Со стороны читателя активизируются:

– способность выделять «главное» («я–здесь–для–меня») как смысловые вехи и упорядочивать выделенное в соответствии с опытом и знаниями;

– способность к выбору приоритетов в тексте (зависит от характеристик самого текста и интерпретирующих способностей читателя);

– способность извлекать следствия, строить умозаключения;

– способность планирования и установления целей деятельности.

Диалогическое взаимодействие читателя и текста направляется:

– восприятием текста как целого;

– коммуникативной готовностью к усвоению нового;

– открытостью чтения (с опорой на опыт и знания) и выходом в интертекстуальное пространство литературы и культурный универсум;

– адаптивностью и селективностью по принципу «я–здесь–для–меня».

При оперировании со смыслом / смыслами, сформулированными при отображении текста во внутреннее смысловое представление, строятся умозаключения относительно 1) уже имеющихся и хранящихся в памяти смыслов и 2) получаемых смыслов при обращении к тексту.

Асп. Н.Г.Сидорина (Балашов)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РИТМОСИНТАКСИСЕ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ С.ЕСЕНИНА)

Одним из средств создания экспресии на синтаксическом уровне являются односоставные предложения. Наблюдения показывают достаточно высокую частотность номинативных предложений (далее номинативов) в поэзии С.Есенина.

Номинативы играют большую роль в ритмосинтаксическом членении текста. Рассматривая их как ритмосинтаксическую единицу, отметим совпадение ритмического и синтаксического членения (40% от общего числа проанализированных текстов), когда номинативы образуют целую строку:

Свет луны таинственный и длинный, / Плачут вербы, шепчут тополя.

Но никто под окрик журавлиный / Не разлюбит отчие поля. (Т.1, с.251)

Номинатив здесь является неделимой ритмико-синтаксической единицей. Первая строка представляет собой структурное и интонационное целое. Пауза делит строку на две симметричные части и подчиняет их ритмическому членению. Номинатив метонимически указывает на художественное время (свет луны связан с ночью).

Цепь распространенных номинативов, составляющих целые строки, используются в лирическом описании реалистической бытовой картины. Номинативы объединены в строфу перечислительной повествовательной интонаций.

Изба *крестьянская, / Хомутный* запах дегтя,

Божница *старая, /* Лампады *кроткий* свет (Т.2, с. 142)

Строка может включать несколько номинативов, не имеющих распространителей:

Предрассветное, Синее. Раннее. / И летающих звезд благодать. /

Загадать бы какое желание, / Да не знаю чего пожелать. (Т.1, с. 260)

Каждый номинатив в первой строке относительно закончен по смыслу и передает темпоральную характеристику окружающего мира. С другой стороны, в той же строке стихотворный ритм утяжеляется тремя паузами, что актуализирует каждую единицу образа, заключенного в строке. Вторая строка – перцеллированая номинативная конструкция. Интонационно и ритмически она неделима, благодаря наличию двух распространителей при одном номинативе. Далее наблюдаем смысловой параллелизм – характеристика состояния природы завершается характеристикой состояния человека с использованием односоставных предложений разных типов (инфинитивного и определенно-личного).

Частотны случаи, когда стихотворные строки состоят из номинативов, объединенных бессоюзной и сочинительной связью:

Сторона ль моя, сторонка, / Горевая полоса. /

Только лес да посолонка, / Да заречная коса. (Т.1, с.94)

В этом примере номинативы составляют целую строфу. Ритмо-интонационное единство строфы создается за счет парцелляции, сочетания перекрестной рифмовки и чередования различной длины строк. Номинативы могут использоваться не только в начале, но и в конце строфы, завершая строфу или целое стихотворение:

Стелется синею рясой / С поля ночной холодок… /

Глупое, милое счастье, / Свежая розовость щек. (Т.1, с.156)

Здесь наблюдается смена ритмосинтаксического членения от более крупной единицы к более мелкой, что ярче подчеркивает параллелизм по смыслу и структуре: первые две строки характеризуют состояние природы, две вторые – состояние человека.

Если первые две строки представляют собой двусоставное предложение, то две последующие – два распространенных номинатива. За счет распространителей, с одной стороны, сохраняется интонация и длина строки, а с другой – дается образная характеристика человека и оценка его состояния. Таким образом, номинативы выполняют важные функции в ритмосинтаксисе лирического текста:

1) являются композиционной ритмосинтаксической единицей, организующей строку и строфу;

2) оказывают влияние на ритмомелодическое звучание строфы – нарастающее или убывающее;

3) акцентируют внимание на компонентах поэтического образа.

Студентка М.В.Фокина (Саратов)

ПРЕДИЦИРОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ М.ЦВЕТАЕВОЙ)

Лингвистическое определение предикации базируется на том, что все, существующее в отражаемом сознанием мире, распадается на две категории сущностей, определяемых одна через другую: вещи и признаки. «Окружающий человека мир имеет предметно-атрибутивный характер: мир – это материя (предмет), имеющая те или иные свойства (признаки). Поэтому любой фрагмент действительности … может быть представлен в языковом сознании как предмет и его признак» (Юрченко 2000: 32).

И.Б.Шатуновский распределяет все классы слов между двумя полюсами: полюсом предметности и полюсом признаковости. Монофункциональными предикатами в языке являются глаголы, качественные прилагательные и наречия. Уверенно выступают в роли предикатов «предикатные» существительные (*холостяк, блондин*) и слова с «событийным» значением (*дождь, светает*).

Переходной от предметного к признаковому значению является группа слов, которую И.Б.Шатуновский квалифицирует как «имена естественных классов (родов)». Первичной функцией этих имен является таксономическая (классифицирующая) предикация (Это – *золото*).

Очень редко в качестве предиката выступают имена собственные. М.В.Никитин считает, что они могут выполнять предикатную функцию только косвенным образом, через обозначение класса, к которому относится вещь. Н.Д.Арутюнова категорически отказывает именам собственным в возможности играть роль предиката.

И, наконец, полюс предметности на шкале И.Б.Шатуновского занимают дейктические обозначения предметов (местоимение «это» и его эквиваленты).

Попытаемся показать на примере поэзии М.Цветаевой (Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Далее в тексте даются ссылки на это издание с указанием тома и страницы), как психолингвистические законы в области

предикации работают в поэтической речи. Определенную трудность при классификации предикатов в стихотворном тексте вызывают «предикатные» существительные или имена номинальных классов. И.Б.Шатуновский считает, что подобное имя приложимо к тому и только к тому объекту, который имеет признаки, образующие его значение. Н.Д.Арутюнова пишет, что такие слова «являются своего рода сигналом, вызывающим у собеседников субъективные представления» (Арутюнова 1993: 3). В анализируемых текстах М.Цветаевой встретилось немало примеров, когда квалификация предиката как «предикатного» существительного однозначна:

Не отстать тебе. Я – ***острожник.***

Ты – ***конвойный***. (Цветаева т. 2: 306)

Ты запрокидываешь голову –

Затем, что ты ***гордец*** *и* ***враль***. (т. 1: 253)

В поэтических текстах М.Цветаевой встречается немало таких примеров, когда предикатами являются существительные, которые невозможно однозначно квалифицировать. Главным образом, это так называемые «имена естественных классов (родов)», выделенные в классификации И.Б.Шатуновского. Если учитывать, что эта классификация по преимуществу семантическая, то можно попытаться сформулировать собственное определение данной группы слов. Вероятно, «имена естественных классов (родов)» – это конкретные существительные, которые обозначают предметы, реально существующие в окружающем нас мире и имеющие материальную форму.

Принимая это определение, к «именам естественных классов (родов)» можно отнести предикаты в следующих примерах:

Мое имя – ***вода для уст***! (т. 1: 480)

И сей человек был – ***стол***

Сосновый. (т. 2: 112)

Тело твое – ***пещера***

Голоса твоего. (т. 2: 137)

С одной стороны, имена *вода, стол, пещера* – вещественные конкретные существительные, обозначающие реально существующие предметы окружающей действительности. Однако, с другой стороны, ни в одном из этих случаев предикат не является однокомпонентным – в предикатной функции выступают сочетания слов, свидетельствующие о том, что предикация здесь явно не таксономическая. Связано это с семантикой рассматриваемых слов в силу того, что они употреблены не в прямом (вещественном), а в переносном (отвлеченном) значении.

По-видимому, для поэтической (и разговорной) речи характерен еще один класс слов, способных выполнять функцию предиката. Это – вещественные существительные, употребленные в переносном значении, и отвлеченные существительные.

Имена собственные – группа слов в классификации И.Б.Шатуновского, которые, по мнению Н.Д.Арутюновой вообще не способны выполнять предикатную функцию. М.В.Никитин считает, что они осуществляют лишь косвенную предикацию через обозначение класса, к которому относится вещь (субъект).

В поэтических текстах М.Цветаевой встречаются примеры употребления имени собственного в качестве предиката не тем косвенным образом, о котором пишет М.В.Никитин:

Быть голубкой его орлиной,
Больше матери быть, – ***Мариной***. (т. 2: 21)

Этот пример демонстрирует поэтический сдвиг в употреблении имени собственного. Слова *мать* и *Марина*, относящиеся к разным классам (*мать* – имя нарицательное, номинального класса, а *Марина* – имя собственное), сопоставляются по возможности выполнять роль предиката. Если *мать* как нарицательное слово характеризуется бифункциональностью, т.е. способностью быть как денотатом, так и сигнификатом, то *Марина* является монофункциональным знаком, выполняющим только репрезентативную функцию. Однако в данном случае имя собственное уверенно выступает в несвойственной для него роли предиката.

Поэзию М.Цветаевой отличают многочисленные конструкции, в которых предицирующие элементы довольно сложно квалифицировать. Обратимся к примерам:

Нежность! ***Жестокий бич***
Потусторонних встреч. (т. 2: 202)
Ты на меня не жалуйся, что жаль…
Всех слаще*, мол…* (т. 2: 190)
Необычайная она! ***Сверх сил!*** (т. 2: 77)

По-видимому, предикатами в данных примерах являются специфические конструкции, описанные А.П.Сковородниковым: «Специализированным средством выражения предикативной оценки являются контекстуально-предицирующие конструкции… Контекстуально-предицирующие эллиптические конструкции – это предложения-компоненты сложного синтаксического целого, которые по отношению к содержанию предшествующего предложения-компонента этого же сложного синтаксического целого выполняет функцию предиката со значением оценки, квалификации, обобщенной характеристики» (Сковородников 1978: 58). Таким образом, можно выделить еще один способ предицирования – посредством контекстуально-предицирующих эллиптических конструкций.

По-видимому, способы предицирования в поэтической речи можно подразделить на два типа. Первый тип – традиционный, характерный как для общелитературного языка, так и для поэтической речи. Ко второму типу относятся случаи, когда поэтическая речь «ломает» правила общели-

тературного языка и устанавливает свои законы в области предицирования.

Более детальная классификация типов предикатов в поэтической речи входит в планы наших дальнейших исследований, так как «для поэтической речи, вообще, характерна тенденция к концентрации признаков, ведущая к смысловой насыщенности поэтических текстов. Это свойство, которое можно назвать признаковостью поэтической речи, создается занятием всех возможных синтаксических позиций отношениями предикации…» (Ковтунова 1986: 165).

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1993.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: «Наука», 1986.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996.

Сковородников А.П. Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка. – Красноярск, 1978.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М., 1996.

Канд. филол. н. В.В. Чалый (Краснодар)

КОНСТРУКЦИИ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ АППЛИКАЦИЕЙ КАК ОБЛАСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

В процессе исследования семантических категорий художественного текста мы обращаем особое внимание на роль автора, сообщающего читателю сведения, необходимые для целостного понимания идеи произведения. Коммуникант (автор или же повествователь, персонаж-рассказчик) использует различные способы для обозначения собственного субъективно-оценочного отношения как к описанной ситуации, так и непосредственно к главному герою.

По нашему мнению, большую роль при изучении языкового уровня рассказов Антона Павловича Чехова играют аппликативные конструкции, в основе которых происходит наложение не только грамматических, но и оценочных элементов лексической единицы.

Согласно точки зрения Е.Н.Рядчиковой, конструкции с синтаксической аппликацией – это своеобразное «грамматическое единство, в котором одинаково значимы оба его компонента: первое предложение не до конца понятно без второго, а второе предложение не может существовать без первого, поскольку является контекстуально неполным, в нём отсутствуют главные или второстепенные члены. Они содержатся в первом предложении и являются, таким образом, общими для обоих».

В содержании конструкций с аппликацией отмечается имплицирование (когда отсутствует, но тем не менее подразумевается) определённого члена предложения. Также в этом случае наиболее вероятна модификация не только грамматического вида структуры, но и изменение общего для двух частей конструкции лексического значения. Например: *«Вероятно, и будет гроза. На западе синеет и хмурится какая-то полоска.* ***Добро пожаловать!»*** (Он понял!). Рассказчик, сообщая о готовящихся изменениях в погоде, вносит в свою речь субъективно-оценочный лексический компонент. Он употребляет известное словосочетание, которое подчёркивает радостное чувство, вызванное встречей с долгожданным дождём.

Полагаем, что отношение Чехова к своим персонажам и способность составления читателем характеристики «образа автора» – это два субъективных плана, определяющих модальность повествования. Рассмотрим пример: *«- Я, болван, рад, что на меня обратили внимание… осталось ещё это гнусное самолюбие!.. Принимаю, знаешь, этакую позу и объясняю ей индифферентизм молодёжи отсутствием в нашем обществе эстетических потребностей…* ***Зафилософствовался!»*** (Тапер). Здесь аппликация помогает писателю осуществить интонационное и логическое акцентирование обеих частей структуры. Персонаж считает, что напускной вид и употребление научных терминов, поможет ему выглядеть мыслителем и, таким образом, завоевать авторитет в глазах дамы. Но последнее слово, составляющее неполное предложение, уж представляет человека комично. Так автор при апплицировании, как нам кажется, заставляет героя иронизировать по поводу своего поведения. А читатель понимает, что, персонаж, стремясь во что бы то ни стало показать свою учёность, в конечном итоге оказывается в смешном положении.

Таким образом, юмор как отличительная особенность содержания аппликативных единиц в прозе А.П. Чехова служит средством выражения авторской оценки жизнедеятельности персонажа и является своеобразным способом передачи внутреннего (душевного) состояния изображаемого лица.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Канд. пед. наук, докторант И.Е.Бобрышева (Москва)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛЕЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЕВРОПЫ

Стиль учебной деятельности этнотипа в овладении русским/иностранным языком понимается как система организации психокультурных процессов по инициации и поддержанию внешней и внутренней учебно-познавательной активности коллективного субъекта, которые направлены на достижение принятых коллективным субъектом целей.

Модель стиля учебно-познавательной деятельности этнотипа в качестве основных включает следующие функциональные звенья: цели и мотивы деятельности, модели значимых условий (ориентация), программы исполнительных действий, оценки и коррекции результатов.

В основе организации данного стиля лежит совокупность принципов, выдвинутых А.В.Либиным (1998):

– стилевое единство: характеризует весь процесс в целом (предпочтение стимула: зрительного/слухового знака и т.д.; объекта: структуры языка/типа учебной задачи/ситуации; условий взаимодействия; способов достижения цели: перцептивных, мыслительных, моторных действий, операций; "формы" результата: уровень владения языком, типы компетенции и т.д.);

– инвариантность: предполагается, что на всех уровнях системы интеграл системообразующих компонентов должен быть представлен единым результатом (поскольку артефакты не изменяются, то культура стабильно ориентирована на воспроизводство одного культурного варианта);

– иерархичность в организации стилевой сферы (предполагается доминанта, которая иерархизирует оставшиеся компоненты);

– кросситуативность: выражается в устойчивости стилевых проявлений независимо от ситуативного контекста, в котором реализуются (характеристики сохраняются также в условиях чужой методической системы).

Стилевые проявления, по мнению многих исследователей, выполняют четыре функции: инструментальную, компенсаторную, системообразующую и интегративную (А.Адлер, Е.А.Климов, Г.Олпорт, В.С.Мерлин и др.). Интегративная функция стиля учебно-познавательной деятельности этнотипа заключается в формировании комплекса стилевых особенностей, в которые интегрировано влияние типологических свойств доминирующего психотипа данного коллективного субъекта, особенности выполняемой

им деятельности и внешние условия взаимодействия (ценности, нормы и т.д.). Системообразующая функция данного стиля проявляется в новообразованиях – в производстве промежуточных звеньев интегрируемых структур. Инструментальная функция стиля учебно-познавательной деятельности этнотипа соотносится с нормативными приемами и способами действий. Компенсаторная функция заключается в том, что у субъекта деятельности может формироваться такой стиль деятельности, в котором высокоразвитые свойства могут компенсировать недостаточно развитые.

Стиль должен включать в себя характеристики. Так, например, парадигма А.Миллера (1991), относительно перспективная для этногрупповых изысканий, представляет признаки когнитивных, аффективных и конативных измерений. При этом под когнитивными измерениями подразумевается аналитичность / холистичность (в других исследованиях: аналитичность / синтетичность; артикулированность / глобальность). Эта дихотомия, в свою очередь, лежит в основе многих проявлений когнитивных контролей и стилей (полезависимость / поленезависимость, ригидность / гибкость, когнитивная сложность / стилевая концептуальность). Аффективное измерение представлено связанным с экстраверсией и нейротицизмом, эмоциональной стабильностью / нестабильностью, которые определяются через интенсивность эмоциональной реакции. Конативные измерения связаны с волевым поведением субъекта: объективированная / субъективированная ориентация. Субъективация связана с поиском эмпатии, любви в отношениях; объективация – со стремлением к эмоциональному отстранению.

В.М.Бехтерев (1921), занимавшийся проблемой рефлексии общества, считал, что деятельность коллектива развивается теми же путями, что и деятельность отдельной личности (Бехтерев 1921). Другими словами, в деятельности этногруппы и этнического сообщества должны проявляться культурно-психологические образования, сопряженные с эмоционально-волевой, когнитивной и интерактивной сферами.

Характеристики коллективного стиля учебно-познавательной деятельности должны носить более обобщенный характер в силу универсальности его структуры и являться типологическими групповыми особенностями реализации его произвольной активности (нормативные движения, способы действия, операций и т.д.) в эмоциональной, интеллектуальной сферах и взаимодействии.

В этой связи есть основания для введения понятия объективированного стиля. Объективированные стили являются результатом общественной практики, отражают объективные закономерности организации компонентов среды, культурно-психологических предпосылок, условий реализации деятельности и объективной логики задач в форме физических, технических, технологических условий.

Объективированные / субъективированные стили могут соотноситься также как типовые / индивидуальней, из которых типовые определяются как устойчивые, внутренне организованные совокупности компонентов специфичной деятельности. Они возникают в процессе становления и развития профессии/узко специфического вида деятельности, запечатлеваются в ее продуктах, закрепляются в логике используемых средств, орудий труда.

В структуре этнокультурного стиля учебной деятельности - варианте объективированного стиля – культурно-психологический и деятельностный компоненты выступают определяющими, а индивидуальный нивелируется.

Основанием для классификации этнокультурных стилей являются наличие в них разной степени проявления признаков. Структурные характеристики свидетельствуют о внутренних условиях проявления своеобразия в организации учебно-познавательной активности коллективного субъекта, функциональные и содержательные – об особенностях внешнего, но разноуровневого выражения этой активности.

Различается несколько типов коллективного субъекта: а) гармоничный тип, когда все основные звенья развиты примерно на одном уровне, и б) акцентуированный, когда наблюдается их разная степень выраженности. Акцентуация свидетельствует, скорее всего, о слабой развитости условий и программ деятельности, гармоничность – об оформленности стиля на высоком общем уровне и высокой взаимосвязанности стилевых особенностей. Акцентуированный тип может быть основой эффективности стиля, но лишь в случае, если слабо развитые стилевые особенности находятся в компенсаторных отношениях с высокоразвитыми.

В связи со всем сказанным представляется логичным определить понятие "стиль учебно-познавательной деятельности этногруппы учащихся".

В рамках общей интерпретации, этногрупповой стиль является устойчивой системой нормативных для культуры приемов или способов осуществления субъектами учебно-познавательной деятельности/активности и характеризует субъекты с точки зрения их психологической и культурной экспрессивности.

Иначе говоря, под этнокультурным стилем учебно-познавательной деятельности будет подразумеваться устойчивый паттерн психокультурных проявлений этнотипа учащихся (этногруппы), обнаруживающийся в условиях овладения этим этнотипом иностранными языками. Это система постоянных, ярко выраженных свойств нормативных действий по оперированию вербальными знаками, опосредованными психологическими и культурными компонентами этногруппы. Стиль открывается здесь в виде относительно самостоятельного психокультурного образования, реализующего единство социокультурного и деятельностно-психологического факторов.

Обнаруживаемые в этностиле признаки являются обязательными, хотя и не ведущими компонентами индивидуального уровня, т.е., очевидно, выделяется некоторый культурный вариант признаков этногруппы, присутствующий как на индивидуальном, так и групповом уровнях, но в условиях разных комбинаторик.

При формализации стиля учебно-познавательной деятельности этнотипа учащихся количественные параметры становятся не менее значимы, чем качественные характеристики.

Если согласиться с тем, что психологический фактор выступают в роли своеобразного фильтра, не позволяющего большой этнокультурной дифференциации, то логично ожидать меньшую вариативность стилевой организации учебной деятельности этнотипов. Это дает основание не ограничиваться исследованием только отдельных этносов, а изучать культурное своеобразие метаэтносов (совокупностей этносов), выделенных на основе общности культурно-исторического развития и территориальной близости.

Стиль учебно-познавательной деятельности учащихся стран Дальнего Востока (Япония, Корея, Китай) и Европы (Германия, Франция, Англия и др.) определялся посредством теста Р. Оксфорд, позволяющего выявить характерные для означенных групп способы оперирования учебным материалом.

Дисперсионный анализ полученных результатов, оценка различий между подгруппами средних осуществлялись по методу Г.Шеффе (Гласс, Стенлию, 1976). Автора особо интересовали контрасты между дальневосточными и европейскими этногруппами. Результаты дисперсионного анализа и множественных сравнений показали следующее:

1. Метакогнитивный аспект. В реализации учебно-познавательной деятельности существенную роль играют ее целенаправленность, организация и планирование, а также контроль и оценка. Так целенаправленность формируется через ориентацию, направленное внимание и постановку цели. В этом плане лидирует дальневосточная группа, которая характеризуется явно выраженной тенденцией автономности в реализации названных действий. Результаты показывают, что она стремится получить общее представление о новом материале, делая ее предварительный обзор, и ставит перед собой цели языкового и неязыкового поведения, что отвергают европейцы, ориентируясь только на цели языкового задания. Вторая группа также немного уступает по потенциалу внимания, пренебрегая таким его аспектом, как избирательность.

Обе группы в равной мере характеризуются ярко выраженным самоконтролем; небольшой приоритет Европы в самокоррекции; оценка же практически идентичная.

2. Мнемонический аспект. Потенциал памяти европейцев формируется за счет разнообразных приемов оперирования вербальными знаками в слуховой и зрительной (письменной) системах (устный повтор, подстановка языкового факта в предложение, составление особых списков слов, систематизация и т.д.) (значимы функциональные связи вербального знака), тогда как в действиях дальневосточной группы предпочтение отдается визуализации (представление предмета, явления; написание слова; рисование) (значим конкретный образ). К дополнительным приемам закрепления факта в памяти относятся ассоциирование, рифмование, использование карточек, жестов и структурированное повторение. Респонденты Дальнего Востока отдают предпочтение систематическому повторению и ассоциированию, отрицая рифмование и жесты. Европейцы также выбирают ассоциирование, но если дальневосточная группа демонстрирует ее конкретно образный вариант, то европейская – вербальный. Структурированное повторение (обзор) выступает абсолютным приоритетом Дальнего Востока.

На тренировку в звуковой системе ориентированы все, но уровень звуков Европу, в отличие от Дальнего Востока, не удовлетворяет вообще: она предпочитает имитировать манеру говорения носителей языка (т.е. синтагматическое членение, интонационное оформление и т.д.), что не характерно для дальневосточных респондентов.

3. Когнитивный аспект. Специфика когнитивного потенциала заключается в том, что все виды языкового анализа являются предпочтением европейской группы, дальневосточная, как правило, отвергает. Рекомбинационная/трансформационная парадигма при отработке языковых фактов у европейцев также намного шире, чем у дальневосточных респондентов. Дедукция в учебно-познавательной деятельности выражена в обеих группах, при этом Европа немного опережает. Глобализация (выделение идеи), синтез и итеративность выступают приоритетами Дальнего Востока. Перенос ранее полученных навыков оперирования, в том числе из родного языка, активнее осуществляют европейцы (возможно по причине родства языковых кодов), тогда как у респондентов Дальнего Востока это не наблюдается (разнокодовые языки). Использование перевода (словаря) европейцы почти отвергают, дальневосточная группа, наоборот, предпочитает.

4. Компенсационный аспект. Преодоление нехватки речевых средств осуществляется за счет догадки, аппроксимации, привлечения родного языка, жестов, запроса помощи со стороны, использования различных лингвистических средств и даже конструирования новых. В отношении догадки нужно отметить, что на Дальнем Востоке она связана с реальной ситуацией общения, а в Европе – ситуация не исключается, но текст значим больше (вербальный знак). На родной язык чаще переключаются дальневосточные респонденты, хотя европейцы полностью не отрицают эту стратегию. Синонимию, описательные обороты и т.д. активно исполь-

зует все группы, но к конструированию новых слов прибегает только дальневосточная.

В отношении вспомогательных средств можно сказать, что дальневосточная группа больше интересуется справочной литературой (словарями, справочниками и т.д.) (фактуальное мышление), в то время как европейская читает оригинальные художественные произведения (вербальное мышление).

5. Аффективный аспект. В управлении (регуляции) эмоциональной сферой безусловное лидерство у дальневосточных респондентов, потому что они больше, чем европейцы прислушиваются к своему внутреннему состоянию, умеют расслабиться, поддержать себя позитивными высказываниями (волевая регуляция) и даже самовознаграждают, что не по нраву европейцам.

6. Социальный аспект. Запрос помощи (уточнение, обращение с вопросами к собеседникам и т.д.) больше свойственен европейской группе, хотя дальневосточная в полной мере его не отрицает.

Реальная практика (внеклассные мероприятия на изучаемом языке, общение с его носителем, размышление на иностранном языке и даже мысленная имитация разговора) привлекает больше европейцев, тогда как дальневосточная группа выбирают квазипрактику (ТВ, видео, фильмы).

Культурная компетенция, преодоление антипатии больше характеризуют Европу, чем Дальний Восток.

В целом составляющие учебно-познавательной деятельности можно разделить на два существенных блока, первый из которых носит универсальный характер и свидетельствует всего лишь о первенстве одной из групп в сферах, входящих в него; второй объединяет крайне оппозиционные компоненты и говорит о некотором своеобразии интеллектуального поведения исследуемых метаэтнических групп.

Так, степень выраженности мотивационно-побудительной (целенаправленность, организация) и регуляционной сфер больше у азиатских респондентов, чем у европейских; в то время как разночтения в восприятии, мышлении и взаимодействии уже говорят о существенном стратегическом различии данных групп.

Таким образом, группы европейских и дальневосточных респондентов продемонстрировали следующие особенности методов и приемов учения:

1. Метод ознакомления – действия по восприятию. В основе восприятия дальневосточной группы лежит зрительная модальность, европейцев – слуховая. Респонденты Дальнего Востока ориентированы на следующую схему: зрение – слух (автоматизирована), т.е. зрительное восприятие (формирование зрительного образа, запись - закрепление данного образа в памяти посредством моторики) и озвучивание (чтение для образования визуально-аудио-моторного комплекса). Европейцы, при знакомстве с новым

материалом, ориентированы на другую схему: слух - зрение, т.е. восприятие со слуха, внутреннее и внешнее проговаривание с целью формирования и удержания аудио-моторного образа и запись с целью удержать в памяти полный (вербальный) образ.

2. Метод осмысления – семантизация и когнитивные действия по осмыслению языковых фактов. Европейские респонденты предпочитают осуществлять семантизацию посредством догадки на основе вербального контекста (текста) (вербальное ассоциирование), а дальневосточные - с помощью перевода или ситуативной догадки (аппроксимация). При этом нужно иметь в виду, что если первые ориентированы на все виды вербального оперирования и особенно анализ, то операциональная парадигма второй группы респондентов значительно упрощена, и приоритетами в ней является синтез (глобализация).

3. Метод тренировки – учебно-речевые действия. Тренировка одинаково значима в обоих группах, но рекомбинационно-трансформационная парадигма (замена, трансформация, конструирование и т.д.) при отработке языковых фактов у европейцев намного шире и когнитивно сложнее (для них значимы функциональные связи), чем у азиатских респондентов. Вместе с тем, Дальний Восток больше отдает времени на тренировки, чем Европа, и в этом случае у нее наиболее предпочтительными являются действия по образцу, т.е. имитация и автоматизация на этой основе всей предлагаемой парадигмы (повторение/многократное реконструирование по заданной схеме).

4. Метод практики – коммуникативно-речевые действия. Парадигма учебных действий европейцев по оперированию языковыми фактами представляет собой усложненный механизм, создающий большое разнообразие коммуникативно-речевых единств, построенных на основе формальной логики. При этом европейцы более активны в переносе навыков оперирования с одного языка на другой (очевидно, близки кодовые системы внутри групп). В то время как дальневосточная группа ориентирована на упрощенные приемы/действия, сопряженные, скорее всего, с конкретно-метафорическим уровнем объективации (причина – культурный опыт и разнокодовость языковых систем). В результате чего, дальневосточные респонденты предпочитают не столько коммуникативные, сколько речевые упражнения типа вопросно-ответной работы, диалогов, пересказа и т.п., поскольку им требуется больше времени на формирование коммуникативной компетенции/механизмов.

Визуализация ориентирует их на использование в практических целях ТВ, видео, фильмы.

Важно учитывать специфику взаимодействия означенных групп учащихся на уроке, так запрос помощи можно ожидать в основном от евро-

пейской группы, которая к тому же больше работает на развитие культурной компетенции, чем дальневосточная.

5. Самоконтроль – действия контроля. Самоконтроль равно значимым в обеих группах, но идут к нему они разными путями: европейцы через общие регуляционные процессы и формально-логический аппарат, дальневосточники – через волевую регуляцию (интуитивно-эмоциональную сферу) и конкретизм (конкретно-метафорическое мышление).

6. Самооценка – действия оценки своих результатов. Самооценка у европейской и дальневосточной групп развита в равной мере, но у первой она носит, скорее всего, формальный характер, а у второй – конкретно-чувственный, что предполагает наличие развитого механизма управления эмоциями.

7. Самокоррекция – корректировочные действия. Она выражена во всех культурах с небольшим предпочтением в европейской группе и осуществляется на основе сформированных культурой корректировочных механизмов (в дальневосточной группе речь, очевидно, идет об объеме и итеративности).

Литература:

Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград, 1921. – 432 с.

Гласс Дж., Стенлию Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976. – 495 с.

Либин А.В. Стиль человека: психологический анализ. М., 1998. – 310 с.

Miller A. Personality types: A modern synthesis. Calgary, AL. Canada: University of Calgary Press, 1991.

Канд. пед. наук Г.В. Захарова (Волгоград)

ВОЗМОЖНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ РАБОТЕ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ ТЕКСТАМИ

В межкультурно-ориентированном концепте преподавания тематические сферы должны опираться на элементарный жизненный опыт соответствующей учебной группы и соединять её с жизненным опытом группы ровесников страны изучаемого языка. Это предполагает обучение учащихся пониманию чужого мира, из столкновения с которым собственный мир принимает более ясные очертания. Темы должны быть так выбраны и структурированы, чтобы можно было найти точки соприкосновения со

своим жизненным опытом. В то же время, учащимся должно быть предложено достаточно много нового из чужого мира для создания мотивации к его изучению. Основополагающим способом межкультурного преподавания немецкого языка является сравнение элементов, единиц и структур собственной культуры с культурой страны изучаемого языка. Это сравнение, которое обычно протекает в голове учащегося, должно быть тематизировано на уроке (Neuner G., Hunfeld H., 1993).

Чужой мир не присутствует ни в классе, ни в непосредственном окружении, а может быть создан на уроке при помощи технических средств или текстов. С позиции педагогических целей межкультурного подхода приоритет отдается литературным текстам. С одной стороны, литературные тексты по их отношению к миру более «открытые». С другой стороны, они создают в мыслях мир, который сконструирован самими учащимися (Werlich, 1986). Толкование чужого мира в тексте побуждает учащихся к активизации элементов, единиц и структур своего собственного мира. При чтении литературных текстов свой собственный мир проецируется в чужую «вымышленную» реальность, у читающего создаётся промежуточный мир между своим собственным и миром текста, осуществляется идентификация с действующими лицами, ситуацией, идеями (Neuner R., 1993).

Обучение пониманию чужого мира и его сопоставление со своим собственным в большей мере возможно в процессе эстетического чтения литературных текстов, при этом внимание читающего направлено на его взаимодействие с текстом. У читателя возникает чувство сопричастности к изображаемым событиям. Целеустановкой такого чтения является развитие способности смотреть на мир под новым углом зрения. При эстетическом чтении речь может идти о сопереживании героям и об эмоциональной реакции читающего на события, которые изложены в тексте (Bredella L., 1996).

В концепции межкультурного преподавания речь идёт в большей степени о создании в связи с текстами множества заданий, ведущих к речевому высказыванию, что предполагает, кроме прочего, организацию дискурса в группе класса в связи с прочитанным.

Т.В.Колюжко (Пенза)

РОЛЬ ВКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Положение о необходимости изучения иностранного языка в неразрывной связи с культурой народа-носителя данного языка уже давно воспринимается в методике обучения как аксиома.

Современные методические исследования базируются на лингвострановедческом подходе в обучении иностранному языку. При этом выделяется лексика со страноведческим компонентом (*фоновая и безэквивалентная лексика* в терминах Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова), страноведческие сведения, затрагивающие самые различные стороны жизни страны изучаемого языка: ее истории, литературы, науки, искусства, а также традиции, нравы и обычаи.

При изучении русского языка иностранец сталкивается с целым рядом фактов, относящихся не к области лексики, грамматики, фонетики или стилистики, а, скорее, к сферам социальной, бытовой или исторической. Правильное употребление или понимание некоторых слов или фраз предполагает иногда знание их происхождения, ситуаций, в которых их можно использовать. Одновременно с изучением языка необходимо изучать и культуру его народа – знакомиться с историей, литературой, экономикой, географией, политикой страны, бытом, традицией, психологией.

В процессе обучения на начальном этапе решаются элементарные коммуникативные задачи: познакомиться, расспросить, сообщить и т. п. К целевому умению относится и письмо: на начальном этапе оно должно быть главным и надежным средством на протяжении всего курса обучения. При включении национально-культурного компонента в содержание обучения русскому языку на начальном этапе используются так называемые адекватные средства для его усвоения. Это, прежде всего, аутентичные материалы: литературные и музыкальные произведения, предметы реальной действительности и их иллюстративные изображения, которые больше всего приближают учащихся к естественной культурологической среде.

Но необходимо помнить, что в лексический минимум подготовительного этапа входит только часть из большого массива языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики, имеющихся в русском языке.

Сознательность учебных действий достигается благодаря «подключению» познавательных мотивов и потребностей коммуникации. Многие языковые единицы не могут быть непосредственно переведены на родной язык обучающихся и требуют специальных методических приемов семантизации. Учащиеся должны усвоить определенный набор таких слов – уметь узнавать их в речевом материале, воспринимать на уровне понятий. Страноведческая аспектизация преподавания русского языка позволяет организовать учебный процесс таким образом, что формирование коммуникативной компетенции, изучение программного лексико-

грамматического материала происходят параллельно с систематическим ознакомлением иностранных студентов с историей и культурой.

Ценным источником страноведческой информации являются, как известно, зрительные образы. Поэтому в программу обучения иностранцев на начальном этапе включаются учебные экскурсии, которые способствуют конкретизации языковых единиц в сознании иностранных учащихся. Как правило, каждой экскурсии предшествует лексическая работа: сначала вводятся тематическая лексика, затем активизируется ее употребление в речи при выполнении заданий, в ходе которых может объясняться значение слов.

С течением времени наряду с овладением русским языком происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей языка, а использование страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности учащегося, даёт стимул к самостоятельной работе над языком.

Учитель Л.В.Корогодина (Пенза)

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

В условиях информатизации общества необходимо уделять больше внимания средствам и способам учебной деятельности, перестройке методов и организационных форм обучения. Необходимы новые подходы в технологии обучения, обеспечивающие формирование новой информационной культуры мышления и достаточный уровень мобильности будущего специалиста. Важными становятся умения работать с информацией, продуктивно планировать свою работу, эффективно сотрудничать при выполнении совместной работы. В связи с этим компьютерная техника должна использоваться как необходимый элемент целостной структуры учебной деятельности, как своего рода динамическая модель, как средство организации и контроля результатов обучения.

В рамках школьного образования информатика сегодня всё чаще выступает в роли интегрирующего фактора, выступает не только как учебный предмет, но как специфическая сфера содержания образовательного процесса, имеющая непосредственное отношение к всеобщей информатизации учебного содержания.

Обучение школьников информатике включает в себя усвоение различных по характеру знаний, умений и навыков, предполагает формиро-

вание и развитие эмоционально-волевых и интеллектуальных качеств личности, сочетание умственных и практических действий, чему способствует использование – на уроках информатики и факультативных занятиях – традиционных и нетрадиционных методов обучения. В наибольшей степени, по нашему мнению, формированию творческих способностей учащихся способствует разработка гимназистами (конечно, под руководством учителя) различных проектов, программных комплексов, электронных учебников по тем или иным предметам.

Рациональное использование традиционных форм и методов в сочетании с формами, предполагающими изучение и внедрение современных механизмов получения знаний новой техники поиска информации, лежит в основе работы творческой научно-исследовательской лаборатории “Шаг в будущее”.

Деятельность лаборатории преследует следующие цели:

– освоение новых информационных технологий как средства развития и совершенствования функциональной грамотности личности;

– совершенствование методики и технологии обучения на уроков и факультативных занятий по информатике;

– формирование творческого мышления учащихся;

– развитие учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности учащихся;

– разработка дидактических компьютерных сред и авторских электронных продуктов;

– реализация программных средств в учебном процессе инновационных школ, в довузовской подготовке как по очной, так и дистанционным формам обучения.

Разработанные и разрабатываемые программные комплексы направлены на всестороннее удовлетворение интересов отдельных учащихся, развитие детского познания в различных областях. Индивидуальная учебно-исследовательская и научно-исследовательская работа увлеченных гимназистов в этой области способствует повышению их интеллектуального уровня, информационной культуре общения через различные средства коммуникации с использованием новых информационных технологий. Уровень работ учащихся достаточно высок, что позволяет им принимать участие в различных видах информационного общения, а также претендовать на победу в различных конкурсах:

во Всероссийских научно-практических конференциях молодых исследователей "Шаг в будущее" (апрель 1997 г.; “Имульсный генератор”, ученик 11 кл. Золотов Е. – I место; ”Квантовый Осциллоскоп”, ученик 11кл. Бонцевич А. – II место; апрель 1998 г.; Компьютерная модель “Динамоскоп” – ученики 10кл. Матренин А., Молодык А., Кривозубов В.– призеры; Компьютерная модель ”Фотоскоп” учащиеся 11 кл. Бурдин А., Зайцев В. – призеры);

в Российском Чтении-конкурсе памяти С.А. Каплана (март 2001 г.; “Компьютерный Анализатор лингвистических объектов” – учащиеся 11 кл. Степанов Д. и. Баранов К. – II место; “Исследование реальной и компьютерной моделей ИОНОЛЕТА” – учащиеся 11кл. Васильев В. и Степанов Д. – III место);

во втором Международном конгрессе студентов, молодых ученых и специалистов “Молодежь и наука – третье тысячелетие” (апрель 2002 г.; ”Исследование взаимосвязи оптимистического и пессимистического стиля мышления с возрастом учащихся с компьютерной поддержкой” – учащаяся 11 кл. Николаева А. – IV место);

в Российской молодежной научной и инженерной выставке ”Шаг в будущее” с международным участием (февраль 2003 г.; “Исследование влияния Земли на околоземное пространство с компьютерной поддержкой” – ученик 10 кл. Жарков А.);

в Российском соревновании юных исследователей “Шаг в будущее, ЮНИОР” с международным участием (февраль 2003 г.; ”Литосфера и исследование ее влияния на землю с компьютерной поддержкой” – ученик 7 кл. Кревский Г.– I место; ”Конструирование реальных и компьютерных моделей летательных аппаратов и средств управления ими” ученик 7 кл. Серебряник С. – III место; Презентация компьютерного журнала “Мода и Дизайн” – ученица 7 кл. Абезгауз Д. – Диплом победителя II степени и медаль).

В разработанных и разрабатываемых электронных моделях и фильмах, журналах и тетрадях, учебниках и сборниках экспериментальных задач и т.д. используются новые информационные технологии моделирования различных процессов. Это позволяет имитировать динамические и статические эффекты. Моделирующие программы предполагают возможность управления различными процессами через снятие параметров, на них влияющих. При помощи компьютера решаются серии задач по избранной теме, исследуются полученные результаты, делаются точные выводы о наблюдаемых явлениях, прогнозируется область практического применения. При построении компьютерных моделей приходится применять довольно сложные математические методы и разрабатывать программное обеспечение. Анимационная модель позволяет в динамике наблюдать происходящие процессы и дает возможность представить образно и компактно явления исследуемой области и установить закономерность процессов. Такие работы предлагаются пользователю для глубокого и осмысленного изучения любого предмета. Программные продукты позволяют перейти от имеющихся теоретических знаний к знаниям практическим – результатам собственного исследовательского опыта.

В результате учащиеся сами становятся авторами своих проектов.

Приоритетная цель такого подхода к преподаванию заключается в том, чтобы дать возможность всем обучаемым проявить свои таланты,

весь свой творческий потенциал. В связи с этим, учебные цели строятся на основе предметного знания, способствуют овладению логикой его развития, основными концептуальными понятиями и положениями, что позволяет тем самым четко наметить ожидаемые результаты обучения. Последовательность учебного материала определяется логикой данного предмета изучения и развития процесса познания. Планируется стратегия обучения, в которой представлены следующие виды деятельности и формы обучения: диагностика – коррекция – оценка, лекция – обсуждение.

В выше изложенных проектах, основанных на использовании новых информационных технологий, интеграция учебных предметов отражена наглядно. Это приводит к наиболее осмысленному восприятию учащимися знаний, усиливает мотивацию, позволяет более эффективно использовать учебное время за счет устранения дублирования и повторов, неизбежных при преподавании разрозненных предметов. Совершенствуется методика, формируется новый подход к технологии обучения, повышается интерес у учащихся, в целом улучшается весь учебно-воспитательный процесс преподавания информатики. Все это способствует формированию творческого мышления гимназистов, становлению личности, интеллектуальной элиты современного общества.

Канд. филол. наук И.А.Крылова (Пенза)

ОБ УЧЕТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ПРОЦЕССА ОВЛАДЕНИЯ ЛЕКСИКОЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

На любом этапе обучения неродному языку работа над лексикой является важнейшей составляющей деятельности преподавателя при формировании коммуникативных умений и навыков. Повышенный интерес к лексике проявляют и сами учащиеся, стремящиеся достигнуть хорошего уровня владения иностранным языком. Однако простое заучивание слов списком, довольно широко практикуемое, часто не приводит к желаемому результату. Как показывает практика, именно владение лексической стороной речи у иностранных учащихся остается недостаточным. Значительное количество ошибок в спонтанной речи вызвано трудностями, которые иностранцы испытывают при выборе слов и соединении их друг с другом для выражения своих мыслей. Неслучайно, актуальными в настоящее время остаются проблемы совершенствования методической работы над формированием достаточного активного запаса слов неродного языка.

Б.В.Беляев в «Очерках по психологии обучения иностранным языкам» отмечал, что «из всех основных аспектов иностранного языка, которые должны практически усваиваться учащимися в процессе обучения наиболее важным и существенным **с психологической точки зрения** (выделено нами) следует считать лексику, потому что без запаса слов, хотя бы

и незначительного, владеть языком невозможно» (М., 1965, с.118). Но именно психологической стороне процесса овладения лексической системой языка не всегда уделяется должное внимание при организации обучения. В этом кроется одна из причин возникновения ошибок в речи иностранных учащихся.

Лексический аспект РКИ не так последовательно методически разработан, как, например, аспект грамматический, представленный большим количеством разнообразных пособий, которые предоставляют преподавателю богатый выбор заданий, направленных на формирование грамматических умений и навыков.

Традиционно работа над лексикой строится в 3 этапа: 1) презентация лексического материала, его семантизация, восприятие; 2) работа, направленная на запоминание слов или понимание их системных связей; 3) применение, закрепление изученного материала и решение коммуникативных задач. Такое поэтапное обучение отражено в структуре всех пособий по лексике, каждый раздел которых имеет, условно говоря, 3 области:

– область презентации учебных единиц, которая может включать пояснения о значении, правилах употребления слов в речи и иллюстративный материал;

– область языковых упражнений, основную часть которых составляют подстановочные и трансформационные;

– область коммуникативных заданий.

Основная цель лексических пособий заключается в том, чтобы сформировать у учащихся представление о лексике как системе и познакомить их с системными связями лексических единиц. Несомненно, что такая организация работы полезна, но вряд ли ее можно назвать эффективной, поскольку ее результатом часто является такое положение, когда учащиеся много понимают, знают, но использовать свои знания затрудняются или не могут.

Е.И.Пассов и В.С.Коростылев в статье «Процесс обучения лексической стороне речи как система» (по кн.: Методология методики: теория и опыт применения, Воронеж, 2002), ссылаясь на выводы психологов, показывают, что сложившийся подход в обучении лексике, при котором работа начинается с презентации и семантизации ЛЕ (лексических единиц), не способствует усвоению функций слова и тормозит формирование навыков, необходимых для продуктивных видов речевой деятельности. В сознании учащихся не актуализируются те семантические признаки слова и синтагматические свойства, которые являются существенными при его употреблении. Некоторые трудности могут быть преодолены, если при организации обучения больше внимания будет уделяться психологической стороне процесса усвоения лексики.

Недостаточно опираться преимущественно на деятельность ученика по механическому запоминанию. Нужно учитывать, что слово, как и речь,

имеет сложную психофизиологическую природу. Авторы статьи обосновывают важность создания на первом этапе лексической работы условий, которые вызывают у учащихся потребность высказаться. Кроме того, необходимо организовать процесс обучения таким образом, «чтобы ведущая роль, сразу же после первой встречи учеников с новой ЛЕ, отводилась овладению функциональной ее стороной, синтагматическим связям, назначению. Это предполагает усвоение ЛЕ в условиях, адекватных ее функционированию, т.е. в речевых условиях» (там же, с.148 -149). В реальном процессе речи актуализация слов происходит во время или после возникновения мысли (на родном языке).

Предлагаемое изменение стратегии процесса обучения соответствует требованиям коммуникативного подхода в обучении, который занимает ведущее место в современной методике преподавания РКИ. В рамках коммуникативного подхода обучение осуществляется в процессе деятельности, удовлетворяющей реальные потребности учеников. При этом работа над лексической подсистемой языка должна включать как организацию на уроке коммуникативной деятельности, так и организацию деятельности мыслительной, деятельности, направленной на приобретение новых знаний, формирование и совершенствование психических функций, осуществляемых с помощью языка. Говоря о мыслительной деятельности, мы не имеем в виду работу над формированием психических функций, сформированных у учащихся при овладении родным языком. Думается, не стоит ставить ученика в положение ребенка и заставлять его еще раз приобретать тот познавательный опыт, который он уже имеет. При работе над лексическим материалом необходимы задания, развивающие мышление, задания, при выполнении которых учащиеся применяют и совершенствуют мыслительные умения и навыки сопоставления, обобщения, абстрагирования и т.п.

Более успешным представляется процесс обучения лексике, состоящий из следующих этапов:

– создание условий (и заданий), вызывающих у учащихся потребность высказаться;

– такая презентация материала, которая позволяет реализовать возникшие коммуникативные потребности, перевести свои мысли с родного языка на изучаемый или сформировать их на неродном языке;

– организация коммуникативной деятельности;

– работа над запоминанием лексического материала;

– работа, направленная на представление и понимание системных свойств и связей лексики изучаемого языка.

В заключение следует отметить, что выработка общих стратегий в обучении лексической стороне речи нуждается в подкреплении конкретными методическими разработками. Важной задачей остается поиск рациональных приемов работы, составление заданий и их правильное рас-

пределение, обобщение того преподавательского опыта, эффективность которого подтверждена практикой.

Аспирант О.Г.Проничкина (Пенза)

ПРЕДМЕТНО-РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

С целью формирования творческого мышления, развития языковой культуры и воссоздающего воображения школьников педагогом могут быть использованы предметно-ролевые игры, в которых ученик поставлен перед необходимостью принять на себя роль того или иного неодушевленного предмета, явления, с которыми ему уже доводилось вступать во взаимодействие в своей жизни.

Потребность в игре никогда не исчезает у человека, если ее целенаправленно не искоренять или не ставить человека в нечеловеческие условия. Для школьника же игра представляет особую ценность и в плане его общего развития, физического и духовного, и в плане его подготовки к разным сферам жизни. Игра наделена исследовательским смыслом: она «копирует, отражает, моделирует существующее вне игры, игра дублирует другую неигровую динамику».

Через предметы уже с колыбели идет общение с миром и раскрытие мира в его человеческой сущности. Правда, если взрослые помогают обнаруживать человеческую сущность.

Со временем ребенок учится называть вещи, а вместе с этим постепенно осуществляется переход от конкретного способа мышления к абстрактному.

Предметы нам «говорят» тогда, когда они связаны с человеком, с определенным отношением к нему. Если же мы не видим за предметом другого человека, то он остается для него знаком, объектом, не заслуживающим особого внимание («безмолвным предметом»).

Один и тот же предмет может нести разную информацию. Например, роза в зависимости от цвета может говорить о любви, печали, разлуке. Всем известно, что стул – это то, на чем сидят. Но стул, уважительно пододвинутый к вам, уже говорит об отношении одного человека к другому. Носовой платок также может нести разную информацию. Заметив страдание и слезы на лице другого человека, незаметно положенный вами платок выражает сочувствие и разделяет страдание.

Важно познакомить школьников с историко-этнографическими традициями разных народов. К примеру, в Византии только императрица имела право носить красные сапожки, император подписывался красными чернилами, восседал на пурпурном троне, поскольку красный цвет обозначал власть, величие.

Использование таких форм работы особенно важно в процессе формирования умения «активного слушания» собеседника, умения поставить себя на место партнера по общению. Цель подобного рода предметных и ролевых игр – «одухотворение», «очеловечивание» предметов и явлений окружающего школьников мира. Их успешное проведение будет зависеть от того, насколько учащиеся готовы увидеть в богатстве окружающих предметов богатство человеческих отношений.

Остановимся подробнее на организации занятия «Карнавал масок», проведенного преподавателем психологии, кандидатом психологических наук, доцентом кафедры психологии ПГПУ им. В.Г. Белинского Панковой Л.И. в 10 классе педагогического лицея №3 г. Пензы.

В начале урока педагог рассказывает о богатстве и разнообразии окружающего нас предметно-вещного мира, о необходимости формирования умения замечать в обыденных вещах и явлениях присутствие личности создателя, конструктора той или иной конкретной вещи, присутствие многих и многих людей, вступавших во взаимодействие с этим предметом. Задача этой предваряющей игру беседы:

– расширение личностных смыслов участников игры;

– изменение мотивационных установок, направленных на восприятие предметов и явлений окружающего мира, придание им новых смыслов (чашка - это не только сосуд для чая или кофе, но и память о бабушке, подарок и т.д.);

– демонстрация опыта одухотворения предметов и явлений, которым обладают другие люди (писатели, поэты);

– рефлексия своего опыта «одухотворения» предметно-вещной среды.

Затем педагог раздает участникам игры карточки с краткой описательной характеристикой предметов («Первый снег», «Старый дедушкин зонт», «Радуга», «Майская гроза», «Первая весенняя бабочка», «Дамские перчатки», «Актерский грим», «Новая школьная парта», «Разбитая чашка» и т.д.) Исполнителей ролей может быть 6-8-10 человек (четное количество).

Первый этап игры – Монологи. Необходимо за 30-40 секунд рассказать (очень кратко!) историю жизни данного предмета или явления, В ходе собственного монологов школьник развивает свою творческую индивидуальность, наделяет хорошо известные ему предметы и явления новым смыслом.

Второй этап – Диалоги. Ведущий предлагает вступить в диалог двух участников игры. Задача: достигнуть ролевого взаимодействия, выслушать партнера по общению и, если в этом есть необходимость, оказать поддержку, помочь.

Третий этап – Мультилог. Общее обсуждение темы.

Подобные занятия, развивая творческое мышление школьников, способствуют проявлению одаренности, таланта.

Таким образом, предметно-ролевые игры становятся результативным средством нравственного и эстетического развития учащихся, поскольку основное их назначение – обеспечить школьникам активное непосредственное участие в творческой деятельности, формирующей мышление и стимулирующей развитие сущностных сил личности.

Аспирант О.Г.Проничкина (Пенза)

ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ОСНОВА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Сложная структура мышления учащихся старших классов, включающая умение видеть логическую необходимость, причинность явлений, их взаимообусловленность, способность к обобщению, создает реальные предпосылки для глубокого анализа и постижения проблемных вопросов морали, эстетики.

Существенное значение имеет и то, что интерес к искусству как художественному отражению жизни у старшеклассников значительно возрастает. Даже огорчавшие в девятом классе своей пассивностью школьники поражают откровенно проявляющейся заинтересованностью к коллективному просмотру спектаклей, обсуждению проблем морали, к углубленному изучению языка искусства. Объясняется это позицией старшеклассника: он стоит на пороге вступления в самостоятельную жизнь, целый ряд вопросов приобретает для него особый личностный смысл. В чем достоинства девушки и в чем достоинства юноши? На чем основывается подлинная дружба, любовь? В чем истинное счастье? Чем красив человек? Каковы нравственные основы выбора профессии? Что такое гражданский долг? Счастье семейных отношений, от чего оно зависит?

Творческое мышление формируется на основе эстетической деятельности и знаний о прекрасном и безобразном. В эстетической деятельности выделяются два аспекта. Первый включает восприятие, сопереживание и эстетическую оценку явлений действительности, произведений искусства. Второй – творческую самодеятельность учащихся.

Отсюда вытекают и конкретные задачи эстетического воспитания:

1) систематическое развитие органов чувств, накопление эстетических впечатлений;

2) эстетическое просвещение учащихся, вооружение их критериями оценки явлений действительности и искусства по законам красоты;

3) развитие у школьников способностей и волевых усилий к творческой деятельности;

4) побуждение воспитанников к анализу явлений действительности, произведений искусства с позиций нравственно-эстетического идеала.

Эстетическое воспитание позволяет развивать эмоциональный мир личности. Само слово «эстетический» в переводе с греческого означает

«имеющий отношение к чувственному восприятию».Если у подростка развито чувство прекрасного, он острее, глубже переживает радость от наблюдаемого благородного поступка, гнев в связи с проявлением равнодушия, попрания человеческого достоинства. Гуманные же по своему характеру кратковременные переживания, настроения растущей личности – основа для формирования устойчивых нравственных чувств, которым в структуре отношений принадлежит очень важная роль.

«Ничто – ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и нашего отношения к миру, как наши чувствования: в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя», – писал К.Д. Ушинский.

К важным источникам нравственного и эстетического опыта школьников относится искусство.

Искусство совершенно незаменимо в формировании сознания и культуры чувств личности. Оно расширяет, углубляет и организует эстетический и нравственный опыт человека.

Из произведений искусства растущая личность черпает конкретную основу разнообразных представлений, накладывает на собственный опыт отдельные конфликтные ситуации, запечатленные в художественном произведении, и тем самым обогащает свое эстетическое сознание.

Незаменима роль искусства в накоплении опыта сопереживания, искусство позволяет пережить то, что каждый человек в силу ограниченности его опыта пережить не может. Сострадая героям художественных произведений, радуясь их успехам, болея их невзгодами, человек становится эмоционально богаче, отзывчивее, проницательнее, мудрее.

Кроме того, искусство создает у каждого иллюзию самооткрытия истины, благодаря чему нравственные уроки, содержащиеся в произведении, глубоко переживаются и быстрее становятся достоянием сознания личности.

Урок, получаемый от общения с искусством. – это урок специфический, доставляющий радость. Становясь систематичными, такие уроки являются основой интеллектуального и эмоционального развития личности.

Эстетическое развитие старшеклассника включает формирование идеалов, которые у подростков зачастую носят конкретный характер. Как правило, черпают учащиеся свои идеалы их художественных произведений.

Важнейшим источником эстетического опыта является у подростков художественная деятельность. Эмоционально насыщенная, она дает выход их жизнерадостности, фантазии, позволяет творчески выразить себя, ближе подружиться с одноклассниками. Чем больше увлечен ученик этой деятельностью, тем выше уровень его активности в ней: он более настойчив в поиске творческих решений, глубже переживает свои удачи и промахи,

прилагает значительные усилия, чтобы добиться успеха. В результате такая деятельность оказывает благотворное влияние на развитие его мышления.

Художественное творчество помогает развивать у учащихся живое воображение, без которого невозможно понять состояние другого человека, терпимо и гуманно относиться к нему. Социальные психологи, изучающие причины преступлений подростков, указывают на неразвитость их эмоциональной сферы, неспособность чувствовать боль другого, жалеть его. Эти подростки обнаруживают крайнюю неосведомленность в области искусства, неразвитость воображения.

Художественная самодеятельность, обогащая, облагораживая жизнь школьников, формирует потребность в искусстве. И если художественная деятельность организуется не эпизодически, а пронизывает всю школьную жизнь, искусство становится потребностью всех учащихся, а не только особо одаренных.

В школе наиболее распространенными формами художественной деятельности являются декламация, театральная самодеятельность, хоровое пение, участие в ансамбле (вокальном, инструментальном, танцевальном), рисование и т.д..

Часто в школьной жизни различные виды художественной самодеятельности учащихся используются в комплексе.

Одной из форм комплексного использования являются классные тематические вечера.

Подготовка вечера требует многочисленных встреч школьников после уроков. Нужно обсуждать сценарий, определять музыкальный фон, рисовать декорации, репетировать, оформлять помещение. Именно в подготовительный период создаются благоприятные условия для серьезной воспитательной работы с отдельными группами подростков. Такие встречи удовлетворяют их потребности в общении, и, главное, общение это педагогически управляемо.

Во внеурочной непринужденной обстановке подростки более откровенны. Создаются условия для выявления их мнения по различным этическим и эстетическим вопросам, формирования правильных оценочных суждений. Именно такого рода работа с учащимися позволяет увидеть их внутренний мир и планировать воспитательный процесс с учетом конкретных особенностей их творческого мышления и духовного развития.

Л.А.Разаева (Балашов)

ИГРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В связи с новыми подходами в обучении и воспитании в настоящее время возрастает потребность в овладении педагогом наиболее продуктивными технологиями, среди которых, пожалуй, самой эффективной выступает технология игры, позволяющая достигать высочайшей мыслительной активности.

С.А.Шмаков писал: «Игра – уникальный феномен общечеловеческой культуры, ее исток и вершина... Ни в каких видах деятельности человек не демонстрирует такого самозабвения, обнажения своих психофизиологических, интеллектуальных ресурсов, как в игре...» (С.А.Шмаков 1994: 15). Именно поэтому игровые технологии все чаще используются в системе профессиональной подготовки.

Игровое обучение предполагает использование различных вариантов игр: дидактические, деловые, имитационные, ситуативно-ролевые и другие. Каждая модификация игры имеет свою цель, особенности организации, проведения и коррекции.

Игра – это особый вид деятельности. Она является результатом чрезмерной активности личности, которую нельзя исчерпать в других видах деятельности; выступает как подготовка к будущей трудовой жизни; базируется на потребности человека выразить свои неосознаваемые переживания ради получения удовольствия. Именно игра дает возможность человеку переключаться с одного вида деятельности на другой, восстанавливая при этом физические, эмоциональные, интеллектуальные силы; в ней заложен огромный потенциал для саморазвития личности.

В процессе игрового обучения творческое мышление осуществляется через решение проблемно-конфликтной ситуации (например, в ситуативно-ролевых играх). Активность обучающихся достигается путем их постановки перед необходимостью решать определенные проблемы, при этом преодоление интеллектуально-познавательных затруднений переживается как личностная проблема, возрастает потребность в самосовершенствовании, самомобилизации, пересмотре и переоценке уже имеющегося опыта. Участники органично погружаются в особую игровую атмосферу, решая при этом не только учебные, но и совершенно реальные (особо значимые) для них проблемы. Кроме того, в процессе игрового обучения идет отработка коммуникативных навыков, способностей к совместной деятельности, выясняются тонкости межличностного общения.

Важно отметить, что качество знаний, психологический, эмоциональный настрой, конечный результат игры в огромной степени зависят от ав-

торитета преподавателя, его контакта с членами группы. Только психологически комфортная обстановка дает высочайшую познавательную и эмоциональную активность. Дидактическая игра индуцирует мыслительную деятельность, во много раз повышая эффективность овладения знанием.

При использовании игровой технологии достигается уровень запоминания до 90 %!

Игра дает как развивающий, так и обучающий эффект. Происходит не только обучение, но оказывается воздействие в целом на личность участников, отмечается общее повышение и изменение мотивации к изучению предмета, активизируется мыслительная деятельность, интерес, воображение, творческий поиск. А сами знания при этом усваиваются естественно и непроизвольно.

В качестве иллюстрации хотелось бы привести некоторые варианты ситуативно-ролевых игр, которые активно и с успехом используются нами при изучении курсов «Русский речевой этикет», «Культура речи», «Культура речи и культура общения».

Проиграйте данные ролевые ситуации. При подготовке и последующем обсуждении обратите внимание на интонацию, жесты, мимику, соблюдение этикетных формул общения. Используйте при этом знания по психологии межличностных отношений, возрастной психологии, этикету, этике.

Темы:	Ситуации общения:
1. Знакомство	1. Молодой человек приходит домой с девушкой. Он должен познакомить ее со своими родителями. 2. Молодой учитель знакомится с коллегами по работе.
2. Критические замечания	1. Учитель делает замечание ученице по поводу ее внешнего вида. 2. Прохожий делает замечание подросткам.
3. Просьба	1. Студент обращается к преподавателю с просьбой проконсультировать его еще раз. 2. Пассажир в автобусе просит молодого человека уступить место пожилой женщине.
4. Звонок по телефону	1. Вы звоните в диспетчерскую службу. 2. Вам надо сделать официальный звонок.

Канд. филол.наук. Т.И.Суркова (Пенза)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ В ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Современный этап развития отечественной фразеографии характеризуется появлением новых фразеологических словарей, «хороших и разных». Это «Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник» А.К.Бириха, В.М.Мокиенко, Л.И.Степановой (СПб., 1999); «Фразеологизмы в русской речи» А.М.Мелерович, В.М.Мокиенко (М., 2001); «Словарь крылатых выражений Пушкина» К.П.Сидоренко, В.М. Мокиенко (СПб., 1999); «Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П.Беркова, В.М. Мокиенко (М., 2000); «Словарь-справочник по русской фразеологии» Р.И.Яранцева (М., 1981); «Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь» В.П.Фелицыной, В.М.Мокиенко (М., 1990) и др.

Словари различаются объемом и характером содержащихся в них сведений о фразеологизмах (далее ФЕ), масштабностью решаемых задач, адресной направленностью, а также степенью новизны материала и принципов его описания.

К словарям «нового типа» относится прежде всего уникальный словарь А.М.Мелерович и В.М.Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи», в котором впервые не только в русской, но и в мировой фразеографии дается систематизированное описание функционирования ФЕ в речи.

В словаре представлена полная функционально-семантическая характеристика ФЕ, которая включает детальное истолкование значения и употребления ФЕ в современном русском языке; определение основных типов трансформации и стилистических приемов преобразований ФЕ в тексте. В словаре также зафиксированы основные виды контекстов, типовые ситуации функционирования ФЕ в художественной литературе и публицистике. Впервые представлено индивидуально-авторское употребление фразеологизмов. Все это дается в строго определенной системе и последовательности:

1) семантические преобразования ФЕ (семантические оттенки, переосмысление ФЕ, изменения их коннотаций, двойная актуализация, буквализация значений, народно-этимологическое переосмысление внутренней формы и ее экспликация);

2) структурно-семантические преобразования (изменение компонентного состава ФЕ, изменения в расположении компонентов, морфологические и синтаксические преобразования, переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот, изменение сочетаемости ФЕ и др.);

3) преобразования, в результате которых возникают окказиональные ФЕ, слова, авторские афоризмы.

Корпус словаря включает «фразеологическое ядро» русского языка - около 500 фразеологизмов, представленных более чем в 6000 употреблений (нормативных и окказиональных). Словарная статья содержит стилистическую характеристику ФЕ и историко-этимологической комментарий. Большая часть иллюстраций отобрана из художественных и публицистических текстов последних десятилетий, не отраженных в других словарях.

Трудно переоценить значение этого уникального словаря как для исследовательских целей (при изучении функционирования ФЕ в тексте, их текстообразующих функций, стилистического использования, авторских преобразований ФЕ), так и для изучения русского языка как иностранного.

Пустующую нишу в русской фразеографии занял также «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой, имеющий диахроническую направленность.

Как известно, фразеология – одна из самых образных и «консервативных» языковых подсистем. В отличие от лексики она менее подвержена языковым изменениям, сохраняет в себе устаревшие слова, архаические формы и синтаксические конструкции. «Историческая аккумуляция» особенно ярко проявляется в содержании ФЕ, отражающем реалии русского быта, факты истории, древние верования, обычаи, обряды.

Словарь – первая в отечественной фразеографии попытка дать максимально полную информацию об истории и этимологии русских ФЕ. Основу словника составляет русская идиоматика и некоторые пословицы, перифразы, крылатые слова (примерно 2000 ед.).

Словарь указывает современное значение ФЕ и дает стилистическую квалификацию фразеологизма. Основная задача словаря – историко-этимологическое толкование ФЕ, и она решена авторами с максималистских позиций. В словарной статье изложены (впервые!) все версии этимологии ФЕ, и к каждой версии дается (впервые!) точная библиографическая справка. Эти справки извлечены авторами из более чем 1000 источников XIX – XX вв.

Уникальное соединение библиографического указателя с этимологическим словарем представляет собой бесспорную ценность в плане дальнейших исканий в области русской идиоматики. Неслучайно авторы словаря рассматривают его как подготовительный этап создания Большого историко-этимологического словаря русской идиоматики. Массовому читателю словарь интересен в плане истинно научной популяризации этимологических версий ФЕ для повышения культуры речи. Иностранцам, изучающим русский язык, историко-этимологическое комментирование ФЕ дает бесценную информацию о национальной культуре в широком смысле слова.

«Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко является новой модификацией традиционного словаря цитат

(крылатых слов; далее КС). Словари КС относятся к наиболее востребованным фразеологическим пособиям, имеющим самую широкую адресную направленность. Данный тип словарей в последнее время стал необычайно популярен. Достаточно указать недавно вышедшие словари: «Крылатые фразы отечественного кино» А.Ю. Кожевникова, «Словарь современных цитат» К.В. Душенко, «Крылатые строки русской поэзии» С.А. Коваленко, «Словарь крылатых слов: Русский кинематограф» В.С. Елистратова, «Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина» К.В. Душенко и др. Отличительной особенностью «Большого словаря КС» является наиболее полное (на данном этапе) описание КС русского языка. Словарь содержит примерно 4000 словарных статей (Ср.: в известном словаре Ашукиных Н.С. и М.Г. «Крылатые слова» около 1800 ед.). В словарь впервые включен, помимо бесспорных КС, корпус «разговорных» цитат современного русского языка из кинофильмов, песен, эстрадных спектаклей, анекдотов, а также иноязычные крылатые слова. И, наконец, словарь построен на четких лексикографических принципах описания материала. Словарная статья содержит стилистическую характеристику КС, его источник, значение и употребление, варианты и синонимы КС. Все входящие в КС слова акцентированы.

Все это делает словарь максимально информативным и доступным массовому читателю.

Вместе с тем авторы словаря считают его «первым опытом относительно полного описания русских КС». По их мнению, создание полного научного словаря крылатых слов современного русского языка – очень важная научная, культурная и патриотическая задача российских лексикографов.

Канд. филол. наук Т.И.Суркова (Пенза), бакалавр Лю Мин (Китай)

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

При изучении русского языка как иностранного особую трудность представляет собой усвоение фразеологического состава русского языка. Между тем практическое владение фразеологией способствует углублению коммуникативных навыков иностранных учащихся; делает их речь живой, выразительной, эмоциональной; создает условия для более высокой степени рецепции русских художественных и публицистических текстов, непринужденной разговорной речи. Другими словами, владение фразеологией – это показатель хорошего владения иностранным языком в целом.

Большую помощь в усвоении русской фразеологии на продвинутом этапе обучения РКИ призваны оказать учебные фразеологические словари.

Русская учебная фразеография находится еще в стадии становления. К традиционному типу учебных словарей относятся прежде всего двуязычные (русско-национальные и национально-русские) фразеологические словари. Создание русско-китайского и /или китайско-русского словаря ФЕ становится в последнее время все более актуальной задачей.

Учебный словарь «700 фразеологических оборотов русского языка» Н.М. Шанского и Е.А. Быстровой содержит фразеологический минимум русского языка. В словаре дано толкование ФЕ, стилистическая и грамматическая характеристики, иллюстрации употребления.

Словарь «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелицыной, Ю.Е. Прохорова представляет русскую афористику в лингвострановедческом аспекте. Объем словника около 450 единиц, к которым даны историко-культурные комментарии.

И, наконец, «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» Н.М. Шанского, В.И. Зимина, А.В. Филиппова, объясняющий значение и происхождение 1400 ФЕ. Словарь способствует формированию у иностранных учащихся представлений об источниках русской фразеологии, о соотношении исконных и заимствованных ФЕ, дает определенный объем фоновых знаний.

Представленные в кратком обзоре учебные словари при всей важности и ценности информации ориентированы на понимание значений ФЕ, обеспечивающее пассивное владение языком, т.е. понимание текста, в то время как на продвинутом этапе обучения РКИ наиболее актуальны проблемы употребления ФЕ в речи, правила построения высказываний с данными фразеологизмами.

К фразеологическим пособиям «активного типа» относится «Словарь-справочник по русской фразеологии» Р.И. Яранцева, в котором ФЕ описываются в тематико-ситуативном аспекте. Автор идет не от семантики ФЕ, а от темы и ситуации общения. Словарь включает 47 тематических полей, входящих в три части словаря: «Эмоции человека», «Свойства и качества человека», «Характеристика явлений и ситуаций». Например, тематическое поле «Безразличие, равнодушие» I–й части «Эмоции человека» представлено 25 фразеологизмами, например: стоять в стороне; в ус не дуть; махнуть рукой; ни жарко ни холодно; хоть бы хны; хоть трава не расти; ноль внимания; нет дела и др.

Коммуникативно-функциональный характер пособия определяет новый тип учебного фразеологического словаря. Методическая направленность его особенно ярко проявляется в словарной статье, дающий расширенную информацию о ФЕ.

Словарная статья включает следующие параметры описания ФЕ: фразеологизм и его варианты; стилистическая характеристика; лексические синонимы, значение и оттенки значения; указание на ситуацию употребления; указание на интонационное выделение ФЕ; указания на возможную

жестикуляцию при произнесении ФЕ; примеры; особенности употребления; грамматико-синтаксический комментарий; фразеологические синонимы и антонимы; этимологические справки.

Как видно из перечня, помимо традиционных параметров описываются синтаксические позиции ФЕ и синтаксические связи, особенности употребления в устной речи и т.п.

Все это активизирует иностранных учащихся как пользователей словаря, показывая им, в каких случаях, с какой целью, с какой стилистической окраской и эмоциональной оценкой следует употреблять ФЕ в речи.

Словарь «Русские фразеологизмы» В.П. Фелицыной, В.М. Мокиенко (М., 1990) также можно отнести к учебным словарям «активного» типа при обучении РКИ. В словаре ФЕ описываются как носители национально-культурной информации. Основу словарной статьи составляет лингвострановедческий комментарий тех явлений быта или исторических событий, на базе которых сложился прямой смысл прототипа ФЕ, показывается механизм его метафорического переосмысления. Отражая страноведческий потенциал, словарь выполняет познавательную функцию. Введением в словарную статью стилистической и ситуативной характеристики ФЕ усиливается учебная функция пособия.

Методический потенциал данных словарей велик. Они могут и должны активно использоваться в учебном процессе, особенно при подготовке иностранных филологов-русистов.

Аспирантка Е.Ю.Филатова (Саратов)

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ОБОГАЩЕНИЯ И АКТИВИЗАЦИИ СЛОВАРЯ

Понятие «творческое мышление» менялось и обогащалось на протяжении довольно длительного времени. Начиная со второй половины XX века творческому мышлению стало уделяться большое внимание. Составляются первые диагностические задания, позволяющие выявить уровень развития творческого мышления. Стали применяться экспериментальные методы при изучении творческого мышления детей. Разрабатываются первые учебные программы, ориентированные на формирование умственных и творческих способностей.

«В это время были выявлены психологические составляющие творческой деятельности: гибкость ума систематичность и последовательность мышления; диалектичность; готовность к риску и ответственности за принятое решение» (А.Э.Симановский 1996: 11).

Исследователи детского творчества выделяли по крайне мере три стадии развития творческого мышления: 1) наглядно-действенное мышление; 2) причинное мышление; 3) эвристическое мышление.

С самого начала своего возникновения мышление неотделимо от действия. Уже в младенческом возрасте, манипулируя с различными предметами, ребенок стремится решить различные мыслительные задачи.

Язык дает возможность переходить от предметного действия к «умственному действию». «Умственное действие» зарождается всегда вне сознания человека в материальной внешней форме. После этого происходит постепенное «вращивание» предметного действия в сознание…, превращение в мысль через ступень речевого действия» (А.А.Леонтьев 1963: 43).

Обогащение и активизация словаря старшего дошкольника - непременное условие развития его творческого мышления. Специальные занятия по обогащению его творческого мышления. Специальные занятия по обогащению словаря дошкольников проводятся редко, обычно словарная работа проводится в рамках занятия по развитию связной речи.

Специальные упражнения по лексике имеют своей целью конкретные лингвистические задачи: 1) развивать понимание обобщающего смысла слова; 2) развивать понимание отношений «целое и его часть»; 3) развивать понимание отвлеченного смысла слова; 4) развивать языковое чутье в области морфологии (в усвоении абстрактных значений морфем); 5) добиваться усвоения антонимов как средства осмысления значений слов; 6) добиваться усвоения переносного значения слов и этических понятий (посредством знакомства с художественной литературой).

На специальных занятиях целесообразно использовать различные приемы и методы формирования и обогащения словаря старших дошкольников.

Особое значение для обогащения словаря детей имеет знакомство с художественной литературой. В этом случае используются прежде всего два приема :1) объяснение непонятных слов; 2) введение слов – этических оценок поступков героев.

Воспитатель при чтении художественных произведений объясняет не понятные детям слова, обращая особое внимание на те из них, которые являются ключевыми для содержания художественного произведения, а также на слова с абстрактным значением. Словарь старшего дошкольника расширяется за счет слов, которые выражают нравственно-эмоциональную оценку героев прочитанных произведений.

Творческие задания по обогащению и активизации словаря старших дошкольников (подбор синонимов, антонимов, установление целого и его части, классификация предметов, их словесная характеристика и др.) в огромной степени способствуют развитию творческого мышления и творческих способностей старших дошкольников.

Докт. филол. н. В.И.Шаховский (Волгоград)

ОТ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА – К КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Вопрос, вынесенный на обсуждение в докладе, является постановочным, т.к. проблема вычленения коммуникативного компонента (далее – КК) в учебном процессе педвуза никогда ранее не обсуждалась и требует поэтапного решения.

Необходимость такого обсуждения давно назрела, поскольку коммуникативистика как интегрированная область ряда смежных наук, в т.ч. и преподаваемых в педвузах, достигла того уровня наработок, когда их уже нельзя не внедрять в учебный процесс.

Под КК учебных дисциплин я предлагаю понимать такие знания, умения и навыки, которые приводят студентов к коммуникативной грамотности (компетенции), реализуемой в их научающем и в реальном коммуникативном поведении.

Коммуникативная грамотность – это знание правил общения, умение соотнести их с конкретной ситуацией (коммуникативным локусом). Она включает культуру речи, языковую и речевую грамотность, знания о педагогике и психологии общения, знания о логике и этике общения. Здесь имеются ввиду как общие, так и специальные знания, применительные к профессиональному, т.е. к педагогическому дискурсу. В этом дискурсе работают все учителя-предметники, руководители любого уровня в педагогической сфере, психологи, социальные работники, переводчики и правоведы.

Прежде всего, никто из них не должен быть косноязычным. Но этого мало, каждый из наших выпускников, где бы он не работал, должен прежде всего владеть такими коммуникативными компонентами, как вежливость и как язык тела (жестика, мимика, проксемика, фонация, интонация и т.д.), через который передается и воспринимается большая часть информации.

Наукой установлено, что через язык тела люди передают информацию более быстро, непосредственно и искренне, и зачастую – в противоположность вербальной информации, т.е. словесной.

Этому комплексу КК-ов, к сожалению, в нашем профессиональном контексте внимания уделяется недостаточно.

Необходима спецификация базовых положений теории коммуникации в педагогическом дискурсе, а именно, вычленение и акцентирование в учебных дисциплинах таких коммуникативных компонентов, которые способствовали бы повышению эффективности общения наших выпускников в их профессиональной деятельности.

Приведу несколько примеров КК-ов:

1) умение начать общение, поддерживать его, завершать, выходить из него;

2) умение спонтанно выстроить логику конкретного общения в конкретной коммуникативной ситуации;

3) небоязнь и умение задавать вопросы по существу, отвечать на них тоже по существу;

4) умение сформулировать свое мнение, аргументировать и отстаивать свою точку зрения, умение дискутировать и соглашаться с мнениями других;

5) умение достойно выйти из конфликтной ситуации;

6) это способность к рефлексии, незашоренность, незакомплексованность, не развязанность, но и не языковая немота.

Почему вопрос о коммуникативной компетенции педагога актуален?

Он актуален, потому что коммуникативное образование является частью гуманитарного образования; оно способствует общему развитию личности; оно способствует улучшению, облегчению взаимоотношений с собой, с другими, с коллективом, с обществом. Коммуникативное образование развивает критическое мышление, как определенный уровень интеллекта языковой личности; коммуникативное образование развивает лидерские черты педагога; оно повышает коммуникативную компетенцию, которая в свою очередь способствует успешному общению специалиста-педагога.

Однако, в целом в Российской высшей школе вопросам коммуникативистики уделяется все еще недостаточно внимания (см.: Theory of Communication and Applied Communication. issue 1. Bulletin of Russian Communicative Association. – Rostov-on-Don, 2002). Это выражается в том, что подготовка будущих специалистов-учителей к эффективному общению с детьми и их родителями ограничено всего лишь отдельными курсами или их разделами в педагогике и психологии. Это, прежде всего, объясняется тем, что при разработке учебных планов нового поколения, коммуникативистика не была включена в перечень дисциплин вузовского компонента, а со стороны кафедр, обеспечивающих подготовку студентов к эффективному общению, не поступало предложений о включении коммуникативистики в перечень дисциплин по выбору. Поэтому коммуникативистика оказалась вне поля зрения выпускающих кафедр по специальностям и направлениям.

Для того чтобы исправить ситуацию, на мой взгляд, необходимо:

1) вначале согласовать и привести в систему все, что уже делается в вузе по обучению студентов эффективному общению, через имеющиеся предметы;

2) вычленить те КК, которые не получают еще внимания в учебном процессе;

3) интегрировать все возможные КК с учебными дисциплинами, которые студенты изучают в течении срока обучения в вузе;

4) продумать методику их активизации, закрепления и введения не только в знания, но и в умения и навыки будущих педагогов;

5) разработать по каждой специальности 1-2 лекции или практических занятий по целенаправленному привитию определенных коммуникативных навыков;

6) разработать перечень спецкурсов и семинаров по теории и практике коммуникаций (факультативных, селективных) для разных факультетов с учетом их профиля и направления;

7) провести установочные семинары и обзорные лекции по ТиПК с преподавателями всех факультетов и совместно с ними разработать методические указания, пособия по методике вычленения КК-ов и их активизации в учебном процессе в конкретных учебных курсах;

8) как очередной шаг в реализации программы коммуникативного образования студентов предлагаю подготовить и провести заседание научно-методического совета университета по данному вопросу, на котором и определить возможности специальных дисциплин в обучении студентов эффективным формам общения;

9) особое внимание необходимо уделить разработке содержания концептуально новой учебной дисциплины «Теория и практика коммуникации», чтобы уже в 2003 г. направить в УМО по педагогическому образованию предложения о ее включении в госстандарты специальностей и направлений.

В заключение я хотел бы напомнить, что общение людей – это не только речевая деятельность. Все что мы делаем, есть общение в различных формах. Кроме этого, я считаю, что в широком смысле коммуникация, несомненно, является экономической категорией, поскольку умение общаться является интеллектуальной собственностью каждого специалиста, способствующей его производственным и личным успехам в жизни.

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ В ЛИЧНОСТНОМ АСПЕКТЕ

Студентка М.В.Кабанова (Пенза)

КОНЦЕПТЫ *ЖИЗНИ* И *СМЕРТИ* В ПОЭЗИИ А.А.АХМАТОВОЙ И М.И.ЦВЕТАЕВОЙ

Наше исследование «Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии А.А.Ахматовой и М.И.Цветаевой» направлено на определение особенностей художественного мышления поэта, некоторые структурные закономерности в построении модели мира А.Ахматовой и М.Цветаевой. Целесообразность подобного исследования определяется не только выявлением особенностей идиостилей данных поэтесс, но и тем, что индивидуальный опыт мастеров слова как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира.

Как известно, глубокий потенциал поэтического слова наиболее точно передает термин «концепт», имеющий сложную структуру (этимология, современные ассоциации, оценки и т.д.). Концепт – это единица, принадлежащая сознанию, детерминированная культурой и опредмеченная в языке. Это сгусток культуры в ментальном мире человека.

В предпринятом нами исследовании анализируются концепты *жизнь* и *смерть* в творчестве А.Ахматовой и М.Цветаевой. Для осуществления данной задачи были отобраны 100 контекстов. В основу анализа был положен принцип дихотомического деления, в результате которого стало возможным выделение четырех условных групп: 1) жизнь как жизнь; 2) жизнь как смерть; 3) смерть как смерть; 4) смерть как жизнь.

В качестве единицы контекста рассматривалось предложение и сложное синтаксическое целое. Критерием выделения являлись, главным образом, лексические показатели – слова *жизнь* и *смерть*, их синонимы.

В группы «*Жизнь как жизнь»* и «*Смерть как жизнь»* вошли контексты, анализ которых позволяет говорить о жизнеутверждающих идеалах, господствующих в мировосприятии их автора. Преобладание подобных контекстов в творчестве, а значит и жизнеутверждающего концепта *жизнь*, свидетельствует, скорее всего, о таких качествах лирических героинь, как принятие ответственности за свою жизнь, принятие себя, осмысленность индивидуального бытия и способность к пониманию других.

В группе «*Жизнь как жизнь»* концепт выражен в абсолютном значении, т.е. присутствуют однокоренные слова (Ахм.: «И била жизнь во все колокола»), используются синонимы: жизнь – судьба, творчество. Наблюдается расширение значения за счет внесения дополнительных, эмоционально-оценочных оттенков (Цв.: «Радость всех невинных глаз – / Всем на диво! – / – В этот мир я родилась / Быть счастливой»).

Группа «*Смерть как жизнь»* богаче представлена у Ахматовой и в сфере оттенков смысла, и в сфере восприятия концепта. (Земное начало не

дает перейти к смерти: «Ты знаешь, я томлюсь в неволе, / О смерти господа моля, / Но все мне памятна до боли / Тверская скудная земля»; жажда бессмертия: «Умирая, томлюсь о бессмертьи…»; предпочтение даже трудной жизни: «Какое нам, в сущности дело, / Что все превращается в прах, / Над сколькими безднами пела / И в скольких жила зеркалах…»).

В группах «*Смерть как смерть»* и «*Жизнь как смерть»,* напротив, ведущим является концепт *смерть*, присутствие которого в поэтическом тексте свидетельствует о трагическом мироощущении,наличии саморазрушительного начала в творчестве и в жизни.

Группа *«Жизнь как смерть»* у Цветаевой выражена гораздо шире, чем у Ахматовой, имеет большее количество характеристик и оттенков смысла (насильственная гибель, гибель Поэта: «Поэтов путь: жжа, а не согревая, / Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом,…»; смерть как желанный акт: «Тяга темени к изголовью / Гроба, - годы ведь уснуть тщусь!»; жертва во имя других: «Высоко горю – и горю дотла! / И да будет вам ночь – светла!»; способ сохранить душу: «Не возьмешь мою душу живу! / Так на полном скаку погонь – / Пригибающийся – и жилу / Перекусывающий конь»).

В группе *«Смерть как смерть»* у поэтесс совпадает значение *смерть – покой* и некоторые пространственные характеристики, характеристики восприятия. Данная группа несколько шире представлена у Цветаевой, ср.: Ахм.: Память о солнце в сердце слабеет. / Что это? Тьма? / Может быть!.. За ночь прийти успеет / Зима; Цв.: «Это – он, это – сон. / Он уймет, он отрет / Страстный пот, смертный пот»; «И под землею скоро уснем мы все, / Кто на земле не давали уснуть друг другу.»).

Наиболее обширными являются группы «Ж*изнь как смерть*» и «С*мерть как жизнь*». При этом группа «Ж*изнь как смерть*» сформирована в основном за счет поэтических строк, написанных Цветаевой. Группа «С*мерть как жизнь»* включает в себя строки, принадлежащие в своем большинстве Ахматовой. В целом у Ахматовой преобладают контексты групп «Ж*изнь как жизнь*» и «С*мерть как жизнь*», тогда как у Цветаевой шире представлены группы «С*мерть как смерть*» и «Ж*изнь как смерть*», что свидетельствует о разной направленности их творчества.

Таким образом, имеются основания утверждать о господстве жизнеутверждающего начала в поэтическом наследии А.Ахматовой и трагического мироощущения в творчестве М.Цветаевой.

Канд. психол. н. Л.И.Панкова (Пенза)

РОЛЬ А.В.БАРАБАНЩИКОВА В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Среди плеяды лучших умов современной педагогики и психологии особенно выделяется наш земляк Александр Васильевич Барабанщиков – генерал-майор, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный дея-

тель науки РСФСР, академик Международной академии акмеологических наук. На протяжении 30 лет (1959-1989) он возглавлял кафедру военной педагогики и психологии в Военно-политической академии им. В.И.Ленина. Все психолого-педагогические открытия, теоретические и прикладные разработки, новые подходы к процессу обучения и воспитания воинов, предложенные Александром Васильевичем, прошли серьёзную проверку временем и практикой. Основная масса их реализована в воинской жизни, а также в условиях локальных боевых действий. Практика в целом подтвердила верную концептуальную направленность его исследований и организаторской работы в области педагогики.

Крупный отечественный педагог, талантливый учёный, он более 35 лет стоял во главе основных течений и направлений военной педагогической и психологической науки. А.В.Барабанщиков является автором целого ряда открытий в области педагогики, психологии, классиком военно-педагогической теории и практики, основоположником нынешней системы обучения и воспитания личного состава Вооружённых Сил, пограничных и внутренних войск. Его по праву считают ведущим организатором всей современной военно-педагогической деятельности, наставником целого поколения педагогов-исследователей и офицеров-практиков.

А.В.Барабанщиков родился в г. Пензе 6 октября 1924 года. Закончил 10 классов средней школы № 6 г. Пензы. В 1942 году ушёл на фронт.

К концу 70 – началу 80-х годов А.В.Барабанщиковым была сформулирована концепция, представляющая педагогическую методологию как многоуровневую систему фундаментальных знаний мировоззренчески-ориентирующего и научно-содержательного характера. В этом же русле А..В.Барабанщиковым был выдвинут и обоснован чрезвычайно продуктивный методологический принцип личностно-социально-деятельностного подхода к научному анализу военно-педагогических и военно-психологических явлений.

Исследовательская деятельность А.В.Барабанщикова была также направлена на поиск и оптимизацию путей совершенствования воспитания военнослужащих, обеспечивающего всестороннее развитие личности воина-гражданина, способного сознательно и умело защищать Родину с оружием в руках.

Не меньшую значимость в военно-педагогической теории и практике имело введённое учёным в широкий обиход понятие «военно-педагогический процесс», охватывающее всю сферу военно-педагогической деятельности. Оно ярко высветило важную функцию военной педагогики, выступающей в качестве системы прикладных, практических знаний, которые указывают пути, способы и средства решения конкретных педагогических задач в воинских коллективах.

Отвечая на запросы войсковой практики, требовавшей рекомендаций в области подготовки личного состава, многие труды учёный посвятил

проблемам современной военной дидактики. Благодаря его исследованиям на рубеже 70-80-х годов была сформулирована концепция проблемно-деятельностного обучения, являющаяся истинно научным открытием в теории и обучении. Наряду с достижениями в военно-педагогической науке А.В.Барабанщикову принадлежит бесспорный приоритет в постановке и разработке проблем педагогической культуры.

Огромный вклад в разработку актуальных вопросов педагогики высшей военной школы внесли научные работы и учебники, подготовленные учёным и самостоятельно, и совместно с другими авторами. На многие годы вперёд учебные пособия А.В.Барабанщикова по военной педагогике и психологии (прежде всего – уникальный учебник «Военная психология») стали основным источником, по которому училось не одно поколение курсантов и офицеров. Да и сейчас они востребованы многими курсантами, поскольку отличаются простотой, чёткостью позиций и научной обстоятельностью.

Александр Васильевич – педагог по призванию. Характерной чертой его педагогической деятельности является то, что он умеет чётко обозначить свою позицию, позицию учёного по рассматриваемому вопросу, умеет убедительноеё аргументировать. Такой подход приобретает особую значимость в современных условиях, когда в стране нелегко идёт реформирование Вооружённых Сил, пограничных войск и военно-учебных заведений.

Научные интересы Александра Васильевича концентрируются на вопросах военной дидактики и воспитания военнослужащих. Им опубликовано 219 научных работ, в том числе около 40 работ издано за рубежом (общий объем – более 1000 авторских листов). Им полностью подготовлена такая крупная работа, как «История отечественной и зарубежной педагогики».

Александр Васильевич – неоднократный участник международных конгрессов и конференций по проблемам педагогики и психологии.

Очень много сил и внимания А.В.Барабанщиков отдавал подготовке молодых учёных. Им подготовлено 100 кандидатов и 12 докторов наук. И те не могут не помнить своего научного руководителя, открывшего им путь в науку.

А.В.Барабанщиков был в центре исследований актуальных проблем военной педагогики и психологии, в том числе социальной военной педагогики, военно-педагогической диагностики, информатики, инновационной деятельности и др. Его научные размышления и педагогические советы до сих пор несут в себе позитивный заряд уверенности в завтрашнем дне военно-педагогической науки и практики.

Докт. филол. н. А.В.Пузырев, студ. Е.В.Творогова (Пенза)

СУДЬБА М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В СВЕТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА И ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Идея взаимосвязи жизненного пути личности и психологической лейтлинии, как известно, новой не является: она обсуждалась ещё в работах Л.С.Выготского (см.: Л.С.Выготский 1983 т. 5: 38). По словам Л.С.Выготского, именно направленность лейтлинии, то есть центральной “жизненной дороги”, на реализацию определяемого самой личностью своего будущего, превращает историю жизни человека из ряда бессвязных эпизодов в связный единый биографический процесс.

Используя понятие “жизненный путь”, Л.С.Выготский сочувственно приводит мнение А.Адлера о том, что лейтлиния жизни, т.е. её единый жизненный план, бессознательно осуществляется во внешне отрывочных эпизодах и переходах и пронизывает их как общая нить, служа основой для биографии личности (см.: Л.С.Выготский 1983 т. 5: 93).

Чем же именно задается направленность лейтлинии человеческой жизни?

По логике рассуждений основоположника судьбоанализа Леопольда Зонди, можно говорить о свободной и навязанной судьбе.

В своей психологии судьбы Л.Зонди выдвигает предположение, что каждый человек наделен одними и теми же фундаментальными потребностями. Однако существуют родовые и личностные проявления, которые объясняют, почему люди вообще и представители отдельного рода в частности так по-разному обращаются со своими способностями и потребностями.

Открытое Фрейдом личное бессознательное, которое выражается преимущественно в симптомах, и коллективное бессознательное Юнга, универсальным языком которого являются символы, Зонди дополнил понятием родового бессознательного.

В различных выборах человека проявляется универсальный язык родового бессознательного или, другими словами, «выбор делает судьбу». Здесь психология судьбы открывает одну закономерность, которую называет генотропизмом. Под этим она понимает «взаимное притяжение родственников по одной наследственной линии». Генотропизм, или выборы, объясняемые родовым бессознательным, или проявление навязанной родом судьбы, можно наблюдать главным образом в пяти различных жизненных сферах:

– при выборе супруга;

– при выборе друзей;

– при выборе профессии и хобби;

– при выборе болезни;

– при выборе способа смерти (например, самоубийства) (см.: А.Альтенвегер и др. 1994).

В данном сообщении предпринимается попытка – на материале жизненного пути М.Ю.Лермонтова – выявить жизненный план этого выдающегося русского поэта.

Особую роль в судьбе М.Лермонтова, как известно, сыграла его бабушка – Е.А.Арсеньева. Её муж, дед будущего поэта, М.В.Арсеньев покончил с собой в результате пережитой им душевной драмы. Он увлёкся соседкой по имению Мансыревой. Это увлечение оказалось трагическим. Первого января 1810 года Арсеньевы устроили новогоднюю елку. Вечером должен был состояться театральный спектакль – постановка “Гамлета”, а затем назначался маскарад. Мансырева должна была приехать на спектакль и на маскарад. Однако она не приехала. По одним сведениям, это случилось вследствие того, что к ней вернулся муж, по другим – вследствие того, что Арсеньева выслала навстречу Мансыревой своих людей с какой-то угрозой. Узнав после исполнения роли о причине отсутствия Мансыревой, Арсеньев принял яд и скоро умер (см.: С.А.Андреев-Кривич 1976: 231).

Конфликты матери будущего поэта с её мужем, Ю.П.Лермонтовым, во многом провоцировались бабушкой поэта и привели Марию Михайловну к преждевременной смерти от скоротечной чахотки.

Любопытным представляется обилие предсказаний, сделанных Лермонтову в детстве. Как сообщает П.К.Шугаев, бывшая при рождении Михаила Юрьевича акушерка тотчас же сказала, что этот мальчик умрет не своей смертью… (М.Ю.Лермонтов… 1972: 57). Собственную гибель М.Ю.Лермонтов провидчески описывал в стихах (см. описание собственной гибели в стихотворении «Сон» и пр.).

Бабушка М.Ю.Лермонтова, Елизавета Алексеевна Арсеньева, не была счастлива в браке. Всю свою любовь она отдала внуку. Эта любовь была одновременно самоотверженной и властной: ради внука бабушка готова была на любые жертвы, но с тем, чтобы распоряжаться судьбой внука безраздельно. Именно она сделала всё, чтобы разлучить Мишеля с его отцом, а позднее постоянно опасалась, что «Мишу женят» (Лермонтовская энциклопедия 1981: 36-37).

Семейная ситуация не могла не повлиять на мышление будущего поэта, в наследство от предков принявшего повышенную агрессивность, недоверие к женщинам и чрезвычайно выраженную несамостоятельность. На уровне мышления вполне можно констатировать наличие противоречия: огромная личная храбрость, например в боевых действиях, – и вполне

реальный страх остаться одному, без бабушки, когда М.Лермонтов уже был корнетом лейб-гвардейского Гусарского полка.

Противоречие, думается, всё-таки, кажущееся, демонстрирующее две стороны одной и той же медали – поведение внутренне всё-таки не повзрослевшего человека.

Внутренняя конфликтность на уровне мышления проявилась и в языке поэта – как чрезвычайная контрастность его мотивов. Лучше другого нашего земляка – В.Г.Белинского – что-либо сказать дополнительно очень трудно: «Бросая общий взгляд на стихотворения Лермонтова, мы видим в них все силы, все элементы, из которых слагается жизнь и поэзия, В этой глубокой натуре, в этом мощном духе всё живёт; им всё доступно, всё понятно; они на всё откликаются. Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский в душе – в нём живёт прошедшее и настоящее русской жизни; он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елейное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обаяния жизни, укоры совести, умилительное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком, льющиеся в полноте умиренного бурей жизни сердца, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни..., гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева все, всё в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад...» (В.Г.Белинский 1979: 68).

Язык и речь поэта не могли не отразить внутреннего кипения страстей, замешанного на детской трагедии сироты, ср, мнение исследователя: «В поэзии Лермонтова постоянно встречается традиционно-поэтическая лексика и фразеология, вошедшая в поэтический язык еще в начале 19 века *(чаша жизни, чаша бытия, чаша наслаждения, пламень неземной, яд страстей, вяну жертвою страстей, жизни цвет, угасая... в цвете лет, кипеть душою* и др.). Лермонтов не избегает условной образности ни в ранней, ни в поздней лирике.

Вместе с тем традиционной образности постоянно противопоставляется специфически лермонтовское содержательное наполнение слов и сочетаний, устойчивый словарь с особенным смысловым и эмоциональным ореолом, мгновенно узнаваемый благодаря вложенной в него семантической энергии, поддержанной ритмико-интоннационным строем» (В.И.Коровин 1984: 62-63).

На уровне коммуникации М.Лермонтов часто демонстрировал речевое озорство, граничащее с оскорбительным для собеседника, ср. воспоинания Е.А.Сушковой: «К обыкновенному нашему обществу присоединился в этот вечер необыкновенный родственник Лермонтова. Его звали Иваном Яковле-

вичем; он был и глуп, и рыж, и на свою же голову обиделся тем, что Лермонтов ничего ему не сказал. Не ходя в карман за острым словом, Мишель скороговоркой проговорил ему:

– Vous etes Jean, vous etes Jacques, vous etes roux, vous etes sot et ceperant vous n'etes point Jean Jacques Rousseau (Вы – Жан, вы – Жак, вы рыжий, вы глупый – и вс` же вы не Жан-Жак Руссо)» (Е.А.Сушкова 1972: 92).

«Еще тут была одна барышня, соседка Лермонтова по чембарской деревне, и упрашивала его не терять слов для неё и для воспоминания написать ей хоть строчку правды для её альбома. Он ненавидел попрошаек и, чтоб отделаться от её настойчивости, сказал:

– Ну, хорошо, дайте лист бумаги, я вам выскажу правду.

Соседка поспешно принесла бумагу и перо, он начал:

Три грации...

Барышня смотрела через плечо на рождающиеся слова и воскликнула:

– Михаил Юрьевич, без комплиментов, я правды хочу.

– Не тревожьтесь, будет правда, – отвечал он и продолжал:

Три грации считались в древнем мире,

Родились вы... всё три, а не четыре.

За такую сцену можно было бы платить деньги; злое торжество Мишеля, душивший нас смех, слёзы воспетой и утешения «Jean Jacques», всё представляло комическую картину...» (Е.А.Сушкова 1972: 93).

Коммуникативная конфликтность и неумение строить долговременные отношения с людьми коснулись и отношений с самой Е.А.Сушковой. Влюбив в себя девушку, М.Лермонтов предал огласке её чувства и жестоко – в представлениях девятнадцатого века – её скомпрометировал.

Включая в себя стремление к неравновесию, к беспокойству и, тем самым, к саморазрушению, жизненный план ребёнка не мог обещать ему продолжительной жизни. Судьба М.Ю.Лермонтова может стать наглядным пособием для занятий по возрастной психологии, демонстрирующим огромную роль детства для жизни человека.

Цитируемая литература:

Альтенвегер А., Бернье-Хюрбин А., Бюрги-Майер К., Ютнер Ф., Крамер М. Судьбоанализ Леопольда Зонди // Психология судьбы: Сб. статей по глубинной психологии / Под ред. д-ра филос. наук проф. В.Б.Куликова; Пер. А.В.Тихомиров, В.В.Джос; сост. Н.С.Бастракова. А.И. Ложкин, А.В.Тихомиров. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – № 1. – С. 22-56.

Андреев-Кривич С.А.. Тарханская пора: Жизнь и деятельность М.Ю.Лермонтова в Тарханах. – С.: Приволж. кн. изд-во, 1976. – 256 с.

Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова //В.Г.Белинский. Избранные статьи. Л.: Лениздат, 1979.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти томах. – Т. 5. Основы дефектологии / Под ред. Т.А.Власовой. – М: Педагогика, 1983. – 368 с. – (Акад. пед. наук СССР).

Коровин В.И. Страсти голос благородный // Русский язык в школе. – 1984. – № 4 (122). – С. 62-68.

Лермонтовская энциклопедия / Главный редактор В.А.Мануйлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 784 с. с илл.

М.ЮЛермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худ. лит., 1972. – 568 с.

Сушкова Е.А. 1830 год: Глава из записок //М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худ. лит., 1972.

Аспирантка О.П.Фесенко (Омск)

К ВОПРОСУ ОБ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.С.ПУШКИНА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФЕ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ)

Современная наука о русском языке все чаще обращается к проблеме личности в прошлом и настоящем для выявления как индивидуальных ее особенностей, так и общих закономерностей развития языка.

Основной задачей при исследовании языковой личности является апелляция к конкретной языковой личности, к ее историко-, этно-, социо- и психо-лингвистическим особенностям. Особое значение приобретает анализ роли говорящего (автора) в акте коммуникации, исследование экспрессивной наполненности и прагматической заданности высказываний, функционирования фразеологизмов в тексте и их роль в формировании идиостиля художника.

Изучение специфики языковой личности в прошлом возможно только через письменные тексты, в которых отразилась речевая деятельность человека в диахронии. Поэтому особую научную значимость для истории русского литературного языка приобретает мало пока изученная именно в данном аспекте переписка выдающихся деятелей русской культуры прошлого. К таким личностям мы относим прежде всего А.С.Пушкина.

Так, на лингво-когнитивном уровне языковая личность А.С.Пушкина характеризуется исключительным богатством эмоционально-экспрессивных форм выражения, склонностью автора к индивидуально-творческому началу, что нашло отражение в таких элементах его идиостиля, как:

1) Каламбуры, построенные на обыгрывании внутренней формы фразеологических единиц, например: *Здесь я нашел стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен был завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков,* ***за пояс заткнет*** *– Ах! Каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую* ***за пояс заткнет,*** *как наденет мои поясы*. П.А. Вяземскому. 9 ноября 1826.

2) Фразеологические окказиональные варианты узуальных ФЕ, например: *Долго ли тебе шалить, долго ли тебе* ***разменивать свой гений на серебряные четвертаки***. А.А. Дельвигу. 23 марта 1821.

3) Фразеологические окказионализмы, например: *Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более* ***по перу***. В.А. Жуковскому, апр. 1825.

4) Использование семантических и формальных возможностей фразеологизмов с целью создания шутки, иронии, сарказма, юмора, например: *Что стихи? Куда зарыл ты свой талант? Под снегами Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками?* А.А. Шишкову, авг.-ноябрь 1823. *Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил* ***метать бисер перед публикой****, на то проза – мякина.* М.П. Погодину, перв. пол. сент. 1832.

Указанные лингвистические формы проявления языковой личности А.С.Пушкина создают его индивидуальную, необычную, раскованную, образную манеру письма и определяет лингво-когнитивный уровень его языковой личности, который позволяет объяснить возможности варьирования того, что было в языке конкретного синхронного среза истории русского литературного языка, когда создавался текст, и тот вклад, который внесла в него интересующая нас языковая личность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ..... 3

Проблемы языка и мышления
в генетическом и сопоставительном аспектах

Канд. филол. н. Елена Акимова (Шяуляй, Литва)
АССОЦИАТИВНЫЕ ПОРТРЕТЫ РУССКИХ ЛИТВЫ И ЛИТОВЦЕВ 4

Докт филол наук А.И.Бахарев (Балашов)
ДИРЕКТИВНОЕ И РЕКУРСИВНОЕ ОТРИЦАНИЕ
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ. 9

Аспирантка Ван Минци (Пенза)
ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК..... 10

Аспирантка Ван Минци (Пенза)
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕТОЧНОГО КОЛИЧЕСТВА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ 11

Докторант Т.В.Махрачёва (Тамбов)
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАЗДНИЧНО-КАЛЕНДАРНОГО
ВРЕМЕНИ В ПОВЕРИЯХ И ТЕРМИНОЛОГИИ
ТАМБОВСКИХ ГОВОРОВ 18

Докт. филол. н. В.Г.Руделёв, докторант Т.В.Махрачёва,
студ. А.А.Чемерчёва (Тамбов)
НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРОЗЕ В ОБРЯДАХ, ПОВЕРЬЯХ
И ТЕРМИНОЛОГИИ (НА ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ,
СОБРАННОМ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ) 19

Канд. филол. н. Т.А. Сироткина (Пермь)
ЭТНОНИМЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭТНОКУЛЬТУРЫ..... 21

З.М.Степанова (Пенза)
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
НЕКОТОРЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ
(на материале предлогов французского и русского языков)..... 22

Логико-структурные аспекты языка и мышления

Канд. филол. н. Е.В.Бабаева (Волгоград)
МОДЕЛЬ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ КАК ЧАСТЬ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТА 32

Канд. филол. н. Э.М.Гукасова (Краснодар)
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ
В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ..... 33

Аспирант Л.П.Дружаева (Пенза)
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В ФУНКЦИИ КАЧЕСТВЕННЫХ..... 34

Канд. филол. н. А.Ф.Калинин (Балашов)
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРНОГО ТИПА
ИНФИНИТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ 36
Канд. филол. н. О.В.Куныгина (Челябинск)
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ,
ВКЛЮЧАЮЩИХ КОМПОНЕНТ-МЕСТОИМЕНИЕ* 38
Докт. филол. н. А.В.Лемов (Саранск)
ТЕРМИНЫ И НОМЕНЫ 39
Докт. филол. н. О.А.Нечаева (Улан-Удэ)
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАУЗАЛЬНОСТИ
(В ПРЕДЛОЖЕНИИ И РЕЧИ ТИПА РАССУЖДЕНИЯ) 41
Студ. А.П.Новакова (Волгоград)
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «РАЗУМ»
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ 42
Канд. филол. наук Н.Н.Оломская (Краснодар)
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ. 43
Канд. филол. н. Н.Н.Панченко (Волгоград)
ТРИАДА ‘КЛЕВЕТА’ – ‘СПЛЕТНИ’ – ‘СЛУХИ’
В ИХ ФРЕЙМОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ 44
Канд. филол. н. Р.В.Патюкова (Краснодар)
ФУНКЦИИ ЯЗЫКА ПО ОТНОШЕНИЮ К СОЗНАНИЮ 45
Аспирант М.М.Родин (Саратов)
СИСТЕМА ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ И ТЕОРИЯ ПОЛЯ 46
Канд. филол. н. Д.А.Романов (Тула)
СТАТУС РИТМА В ЭМФАЗЕ
И СПОСОБЫ РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 49
Канд. филол. н. А.В.Свиридова (Челябинск)
КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *НЕ)* 51
Докт. филол. н. В.С.Соловьева (Балашов)
АППОЗИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СИНКРЕТИЗМ 52
Докт. филол. н. В.М.Хамаганова (Улан-Удэ)
АКТАНТНОЕ ЯДРО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ
СЕМИОТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОПИСАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА 53

Динамические аспекты проблемы языка и мышления

М.А.Грабарская (Пенза)
ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ФЕНОМЕНА ПОНИМАНИЯ
НА РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ 55
Соискатель А.К.Григорьева (Пенза)
ОШИБКИ МЫШЛЕНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ 65

Учитель Т.В.Муштакова (Пенза)
СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА 66
Докт. филол. наук И.М. Румянцева (Москва)
«НА ЗАКАТЕ «АКМЭ»: ДИНАМИКА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТАРОСТИ И ИХ КОРРЕКЦИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ..... 69
Канд. филол. н. Ф.Г.Самигулина (Ростов-на-Дону)
СПЕЦИФИКА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 70
Канд. филол. н. К.Я. Сигал (Москва)
В ПОИСКАХ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ) 71
Канд. филол. наук Н.М.Юрьева (Москва)
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ ДЕТЬМИ КАК ФЕНОМЕН РЕЧЕВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ 73

Функциональные аспекты исследования языка и мышления

Аспирант Л.Ю.Веретенкина (Пенза)
СТИЛИСТИКА МАНИПУЛЯЦИЙ..... 75
Соискатель С.О.Гуляйкина (Пенза)
ЭЛЕМЕНТЫ И ЕДИНИЦЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) 81
Канд. филол. н. И.Е.Денисенко (Оренбург)
ВАРЬИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ОБЩЕФРАНЦУЗСКИХ ФЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ БЕЛЬГИИ 87
Канд. филол. н. М.Р. Желтухина (Волгоград)
ВОЗДЕЙСТВЕННОСТЬ И СУГГЕСТИВНОСТЬ КЛИШЕ В ЯЗЫКЕ СМИ..... 88
Докт. филол. н. Н.А. Красавский, магистрант Е.Н. Тихомирова (Волгоград)
ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРОФЕССИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ 90
Е.Ю.Кученева (Балашов)
ОТМЕЖДОМЕТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ..... 91
О.Ю.Ладанова (Пенза)
ЗАКОНЫ ЛОГИКИ И РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН (КАТЕГОРИЯ «ИЗОБРЕТЕНИЕ») КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТИЖЕНИЯ ИСКУССТВА СЛОВА..... 93

Канд. филол. н. И.В.Приорова (Астрахань)
К ВОПРОСУ ПАРАДИГМАТИКИ НЕСКЛОНЯЕМЫХ ИМЕН 95
Канд. филол. н. А.М.Пронин (Пенза)
ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФРОНТАЦИЙ 96
Докт. филол. наук А.В.Пузырев (Пенза)
АНАЛИЗ ТЕКСТА О СУДЬБЕ КАК ОПЫТ НИСХОЖДЕНИЯ
ОТ КОНКРЕТНОГО К АБСТРАКТНОМУ 98
Канд. филол. н. Е.Н.Сердобинцева (Пенза)
НЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА
НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 107
И.И.Скачкова (Волгоград)
МЕЖДОМЕТНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ 110
Е.С.Фомина (Пенза)
ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ
В МОДЕЛИ МИЛТОНА ЭРИКСОНА 112
Канд. филол. н. Т.Ф.Цыганова (Балашов)
ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ 114

Эстетические аспекты взаимодействия языка и мышления

Канд. филол. н. И.В.Алтухова (Москва)
«ЗАКЛИНАНИЕ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ» И.БАХМАН
КАК ЦИКЛИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 116
Канд. филол. н. Л.И.Андреева (Балашов)
ИМЕНА НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В ЯЗЫКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 118
Докт. филол. н. В.Н.Базылев (Москва)
ПИСЬМО ГОРОДНИЧЕМУ И ПИСЬМО ТРЯПИЧКИНУ
(ИЗ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЕВ К «РЕВИЗОРУ») 119
П.Ф.Беседин (Балашов)
ЯВЛЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ В СИСТЕМЕ ЗРИТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А.БУНИНА) 122
Аспирантка И.В.Богоева (Москва)
ЯВЛЕНИЕ ВАРИАНТНОСТИ В ПОЭЗИИ 124
Аспирант Н.А.Гирина (Пенза)
ЗВУКОАССОЦИАТИВНЫЕ ПАРЫ
КАК ЭЛЕМЕНТЫ И ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА 126
Асп. Н.А.Гирина (Пенза)
СТЕПЕНЬ ЧАСТОТНОСТИ ЗВУКОВЫХ ПОВТОРОВ
КАК ПАРАМЕТР ИДИОЛЕКТА 132

Канд. филол.н. Д.Н.Жаткин (Пенза)
КОНЦЕПТ "МЕЧТА" В ТВОРЧЕСТВЕ А.А.ДЕЛЬВИГА
И ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
ХУШ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ Х1Х ВВ..... 133
Канд. филол. н. С.Б.Кураш (Мозырь, Беларусь)
СЕМИОТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОРОЛОГИИ..... 135
Канд. филол. н. Е.М.Масленникова (Тверь)
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ «РАЗРЫВЫ»
ПРИ ПОНИМАНИИ ТЕКСТА..... 137
Асп. Н.Г.Сидорина (Балашов)
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В РИТМОСИНТАКСИСЕ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ С.ЕСЕНИНА)..... 138
Студентка М.В.Фокина (Саратов)
ПРЕДИЦИРОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ М.ЦВЕТАЕВОЙ)..... 140
Канд. филол. н. В.В. Чалый (Краснодар)
КОНСТРУКЦИИ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ АППЛИКАЦИЕЙ
КАК ОБЛАСТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА 143

Педагогические аспекты исследований взаимосвязи языка и мышления

Канд. пед. наук, докторант И.Е.Бобрышева (Москва)
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛЕЙ
УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЕВРОПЫ..... 145
Канд. пед. наук Г.В. Захарова (Волгоград)
ВОЗМОЖНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ПРИ РАБОТЕ С ЛИТЕРАТУРНЫМИ ТЕКСТАМИ..... 152
Т.В.Колюжко (Пенза)
РОЛЬ ВКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ..... 153
Учитель Л.В.Корогодина (Пенза)
ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)..... 155
Канд. филол. наук И.А.Крылова (Пенза)
ОБ УЧЕТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ПРОЦЕССА
ОВЛАДЕНИЯ ЛЕКСИКОЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ..... 158

Аспирант О.Г.Проничкина (Пенза)
ПРЕДМЕТНО-РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ 161
Аспирант О.Г.Проничкина (Пенза)
ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ОСНОВА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ..... 163
Л.А.Разаева (Балашов)
ИГРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН..... 166
Канд. филол.наук. Т.И.Суркова (Пенза)
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ В ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ..... 168
Канд. филол. наук Т.И.Суркова (Пенза), бакалавр Лю Мин (Китай)
РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ
Аспирантка Е.Ю.Филатова (Саратов)
РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ОБОГАЩЕНИЯ И АКТИВИЗАЦИИ СЛОВАРЯ..... 172
Докт. филол. н. В.И.Шаховский (Волгоград)
ОТ КОММУНИКАТИВНОГО КОМПОНЕНТА – К КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАМОТНОСТИ 174

Язык и мышление в личностном аспекте

Студентка М.В.Кабанова (Пенза)
КОНЦЕПТЫ *ЖИЗНИ* И *СМЕРТИ* В ПОЭЗИИ А.А.АХМАТОВОЙ И М.И.ЦВЕТАЕВОЙ..... 177
Канд. психол. н. Л.И.Панкова (Пенза)
РОЛЬ А.В.БАРАБАНЩИКОВА В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ 178
Докт. филол. н. А.В.Пузырев, студ. Е.В.Творогова (Пенза)
СУДЬБА М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В СВЕТЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА И ЖИЗНЕННОГО ПУТИ..... 181
Аспирантка О.П.Фесенко (Омск)
К ВОПРОСУ ОБ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.С.ПУШКИНА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФЕ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ) 185
ОГЛАВЛЕНИЕ..... 185

Российская Академия наук
Институт языкознания

Пензенский государственный педагогический университет
им. В.Г.Белинского

Администрация г. Пензы

Язык и мышление:
Психологические и лингвистические аспекты

3-я Всероссийская
научная конференция

(Пенза, 13-17 мая 2003 г.)

Материалы

Ответственный редактор А.В.Пузырев
Электронный набор А.В.Владимиров
Компьютерная верстка А.В.Владимиров
Редактор Л.И.Дорошина

План университета 2003 (поз. 71) ЛР № 021348

Сдано в набор	1.04.2003	Подписано к печати 24.04.2003	
Формат	60 X 84 1/16	Бумага писчая	
Уч.-изд. л.	12	Усл. печ. л.	11,2
Печать офсетная		Тираж 150 экз.	
Цена	С. 53	Заказ № 125/03	

Издательство ПГПУ им. В.Г.Белинского: 440011, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 5, комн. 466

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Т-Сервис»

Для заметок